

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Я.С. Яскевич

Издаётся с 2004 г.

Выпуск XI

Брест 2015

ББК 66+60,5
УДК 301+327

Сборник научных трудов содержит результаты исследований ученых по проблеме трансформационных и инновационных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских странах. Анализируются различные аспекты трансформации и глобализации: экономический, политический, культурно-образовательный, информационный, ценностный, экологический и др.

Сборник трудов кафедр социально-гуманитарных наук

Редакционный совет:

Варич В.Н., кандидат философских наук (Беларусь)
Кучмаева О.П., доктор экономических наук (Россия)
Tomczonek Zofia, доктор habilitованный (Польша)

Рецензенты:

А.И. Лысюк, доктор социологических наук, профессор
П.П.Крусь, кандидат философских наук, доцент

NIEZAUWAŻALNE KSZTAŁTOWANIA ZACHOWANIA ODBIORCY W PRAKTYCE REKLAMY

Mirosław Acewicz,
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Reklama w społeczeństwie innowacyjnym informując przekonuje do wejścia w stan posiadania wskazywanego produktu. Niekwestionowanym założeniem jej istnienia jest nienaruszalność zdolności decydowania się odbiorcy na jedną lub kilka z wielu podawanych mu możliwości. Przestrzeń procesu podejmowania decyzji funkcjonuje jednak w co najmniej podwójnych ramach. Z jednej strony ogranicza ją warunkowanie genetyczne i społeczno-kulturowe, z drugiej fizjologiczna niemożność posiadania docelowo pełnego obrazu rzeczywistości. Uwzględnianie naturalnych mechanizmów selektywności percepcji, sugestii i sublimalności w praktyce tworzenia i emisji reklamy jest wyrazem tych barier, ale zarazem niezauważalnym sposobem kształtowania zachowania pod wpływem jej odbioru.

Ostatecznym charakterze przekazu reklamowego decyduje przede wszystkim wiedza odnośnie jego percepcji. Percepcja to proces zindywidualizowanego organizowania i interpretowania odbieranych przez jednostkę informacji w centralnym systemie nerwowym.¹ Spośród niezliczonej liczby bodźców zewnętrznych człowiek odbiera jednak tylko niektóre z nich, bowiem ich liczba przekracza fizjologiczne możliwości absorpcji. Dalej informacja bodźcowa wpisuje się w zakodowane schematy myślowe, gdzie w ramach procesu nadawania znaczenia następuje jej takie transformowanie, aby była nie tylko zgodna ze wstępnym wyobrażeniem o niej, ale i miała konkretną treść.² Percepcja, z konieczności selektywna, podporządkowana jest przede wszystkim preferencjom z jednej strony co do odbioru aktualnie oddziaływających bodźców jako bezpośrednio związanych z bieżącymi potrzebami i oczekiwanych, z drugiej zaś ujmowania wszelkich wyraźnych odchyłeń od normalnej sytuacji bodźca. Reklama to uwzględnia w swojej konstrukcji treści i doborze medium.³ Odbiorca zainteresowany zakupem danego towaru ma dzięki niej wyłowić z gąszczy napływających zewsząd informacji wiadomość o nim właśnie. Ogłoszenie reklamowe osiąga to zastosowanym kolorem, wielkością czy umieszczeniem go w miejscu bardziej widocznym. Treść zaś buduje na przykład tylko z samych zalet przedmiotu czy zjawiska, ignorując wady. Jako zgodna z wewnętrznym przekonaniem zostanie łatwiej zaakceptowana. Służy temu także jej podanie. Informacje najbardziej ekscytujące, opisane jedynie w kategoriach dobre-złe czy skuteczne-nieskuteczne uważa się zwykle za najważniejsze. Tego typu dane pozostaną w pamięci, która selektywnie zatrzyma przede wszystkim treści potwierdzające wcześniejsze doświadczenia i oparte na nich postawy. Upřednie pozytywne opinie o reklamowanym produkcie czy duża częstość kontaktu z reklamą mogą też już wystarczać do jej zapamiętania.⁴

Za pomocą zmysłów człowiek jest w stanie odebrać bodźce tylko w pewnych pasmach częstotliwości i natężenia. Nadto progowa wartość siły bodźca fluktuuje w czasie. Zmienia się też wrażliwość receptorów, często w bardzo dużym przedziale. Inaczej widzimy w nocy, inaczej w dzień. Gdy czegoś nasłuchujemy, potrzebne jest mniejsze natężenie dźwięku niż

¹ Ł. Rosołowicz, *Działanie na zmysły konsumenta*, „Marketing w praktyce” 1998 nr 3, s.49.

² J. T. Russel, W. L. Ronald, *Reklama według Ottona Kleppnera*, Warszawa 2000.

³ T. Tomaszewski (red.), *Psychologia ogólna*, Warszawa 1992, s.90.

⁴ S. Młynarski, *Metody badań marketingowych*, Warszawa 1990, s.30.

w sytuacji, gdy jesteśmy czymś zajęci. Przy wielokrotnym lub nieprzerwanym działaniu bodźca, przestaje on być odbierany świadomie (przebywanie w zadymionym pomieszczeniu po pewnym czasie jakby anuluje odczuwanie zapachu dymu). Rejestrowanie bodźców silniejszych od fizjologicznego progu wrażliwości receptora i słabszych od progu spostrzegania świadomego to założenie reklamy sublimalnej. Polega na stymulowaniu tej części ludzkiego mózgu, który odbiera na przykład przekazy dźwiękowe nierejestrowane świadomie przez ucho czy przekazy wizualne nieodbierane świadomie przez oko. Adresat takich działań nie może świadomie dostrzec czy usłyszeć przekazu, choć jest on zarejestrowany w mózgu i oddziałuje na odbiorcę z pominięciem świadomości. Później może być rozpoznawany jako już znany i kojarzący się z czymś (przyjemnym lub nie), co rodzi reakcję orientacyjną dla odbiorcy. Reklama tego typu przyjmuje najczęściej postać albo krótkiego bodźca wizualnego, albo przyspieszonej mowy o małym natężeniu głosu, albo osadzania lub ukrywania różnorodnych symboli. Historia reklamy podprogowej rozpoczęła się w roku 1957, gdy amerykańskie czasopismo „Saturday Review” umieściło artykuł Jamesa M. Vikary’ego, właściciela firmy marketingowej. W swej publikacji przedstawił wyniki eksperymentu przeprowadzonego na 45 699 widzach kin w Fort Lee (New Jersey). Dla potrzeb badania taśmę filmową spreparowano w ten sposób, że w odstępach pięciosekundowych wyświetlano przez trzy milisekundy (0,003 sekundy), na przemian napisy „Drink Coca-Cola” i „Hungry? Eat popcorn”. Następnie taśmę tą eksponowano podczas seansów filmowych nie uprzedzonym o tym fakcie widzom. Rezultatem eksperymentu był wzrost sprzedaży popcornu o 57% i Coca-Coli o 18%. Podsumowując uzyskane wyniki, Vikary podał, iż odkrył nowy rodzaj reklamy wykorzystującej znane już od dawna psychologom zjawisko sumowania się bodźców podprogowych. Twierdził, iż podczas projekcji obrazy przedostają się do ludzkiego mózgu, mimo że nie są rejestrowane świadomie.⁵ Późniejsze analizy tego problemu nie dostarczyły jednak jednolitej jego interpretacji. Z jednej strony badania laboratoryjne wskazują, że istnieje wpływ przekazów podprogowych na zachowania człowieka. Komunikaty tak nadawane powodują, że pewne postawy mają ułatwiony dostęp do umysłu odbiorców, a tym samym wpływają na późniejszą interpretację wyjściowo podanej niejasno informacji.⁶ Z drugiej zarazem akcentuje się, że reklama skierowana do podświadomości może wpływać jedynie na bardzo elementarne potrzeby adresata, takie jak głód, pragnienie czy popęd seksualny, nie zaś na potrzeby wyższe. Nie ma dowodów, które by wskazywały, że komunikaty podprogowe mogą skłonić ludzi do działania wbrew ich życzeniom, wartościom czy osobowościom. Wpływają one na zachowania tylko wówczas, jeżeli ktoś z natury jest predysponowany do danego typu działania.⁷ Poza tym reklama podprogowa działa krótko, mniej więcej od kilku minut do kilku godzin i podlega dużym wahaniom ze względu na indywidualne cechy człowieka, a więc wielu ludzi wykazuje na nią odporność.

Treść w komunikacie reklamowym jako informacja podstawowa jest podawana albo wprost albo jako informacja poboczna. Taki układ pobudza tryb odbioru sugestywnego, który może omijać nie tylko nastawienie racjonalne odbiorcy do reklamy, ale nawet jego stan bycia dla tej sytuacji świadomym. Sugestia występuje w każdym komunikacie reklamowym. Jest w jego treści rozkładem informacji i wskazywanych wprost lub nie wprost

⁵ M. Laszczak, *Psychologia przekazu reklamowego. Dla twórców i odbiorców komunikatów reklamowych*, Kraków 1998, s. 57–58.

⁶ E. Aronson, T.D. Wilson, R.M. Akert, *Psychologia społeczna – serce i umysł*, Poznań 1997, s. 657.

⁷ D. Doliński, *Psychologię reklamy*, Wrocław 1998, s. 223 – 224.

odniesień interpretacyjnych dla niej. Sugestia w reklamie polega na takim podaniu w przekazie informacji, który jakby na chwilę zawiesza pełną kontrolę umysłu odbiorcy, zawęża pole jego świadomości i wskazuje mu opcję pożądanego stosunku do reklamowanego produktu. Komunikat zwykle na początku sygnalizuje dla odbiorcy problem wymagający osobistego rozwiązania. Jest to stan niekomfortowy. Dalej pojawia jednoznaczna propozycja wyjścia z tej sytuacji. Podany wzorzec postawy, ucieczki, dynamizuje odbiorcę w kierunku przynajmniej akceptacji pożądanego reagowania na komunikat. Odbiorca uzależniający opuszczenie stanu dyskomfortu od siły podanej informacji zazwyczaj nie zdaje sobie sprawy w owej chwili, że mógłby zareagować inaczej. Nie kontroluje procesu wyboru możliwości działania. Jest to moment, w którym bez odwoływania się do racjonalnej argumentacji czy stosowania nakazu uzyskuje się wpływ na przekonania i postępowanie osoby a nawet grupy społecznej. Technicznie oddziaływanie przez sugestię może przebiegać różnorodnie, bezpośrednio i pośrednio. Jako sugestia nakazowa opiera się na wrodzonej właściwości ulegania imperatywnym wezwaniom. Przybiera ona różne formy, począwszy od niesprecyzowanego ostrzeżenia lub sygnału dla zwrócenia uwagi odbiorcy, po dokładne wskazówki pożądanego zachowania. W sugestii miękkiej wykorzystuje się taki typ komunikatu reklamowego, gdzie brak jest konkretnego polecenia skierowanego do odbiorcy, a sugestia ma pobudzić do akceptacji i odpowiedniego działania drogą okrężną, na przykład poprzez pytania zawierających ukryte wskazówki odnośnie odpowiedzi czy kurtuazyjną uprzejmość typu „zastanów się czy twój ulubieniec jest dobrze odżywiany”⁸. Wskazanie autorytetu w sugestii z kolei opiera się na właściwości ludzkiej psychiki automatycznego ulegania osobom wybitnym lub wyjątkowym pod jakimś względem. Może to być autorytet wybitnego znawcy lub tylko autorytet moralny, ale w każdym przypadku wywołany jest efekt podporządkowania. Jest on tak silnie zakorzeniony społecznie, że w roli swoistego „autorytetu” czasami występuje sam reklamowany produkt jako wysoko notowany na rynku. Zestawiony z innym w sposób emocjonalny „przepromieniowuje” nań swoją wartość.⁹

Reklamie, w szczególności kodowanej w oparciu o uwarunkowania percepcyjne i sublimalne, na poziomie społecznego odbioru towarzyszy atmosfera nieufności, a nawet lęk. Potęgują go głośne medialnie wyniki jakoby kolejnych badań, ale także i incydentalne wydarzenia. Socjolog Wilson Bryan Key zdecydowanie twierdzi, że rutynowi twórcy reklam manipulują naszym zachowaniem, stosując podprogowe komunikaty seksualne. Dopatrywał się męskich i żeńskich organów płciowych lub słowa „sex” nawet w kostkach lodu, dymie papierosowym, butelce PEPSI, a także w ramionach małych dzieci. Choć treści takie nie są spostrzegane świadomie, jego zdaniem wprawiają one ludzi w dobry nastrój i skłaniają do skupienia uwagi na reklamie, wszystko to zaś może zwiększyć prawdopodobieństwo, że będą kupować właśnie ten produkt, mimo że eksperymenty wykazały, że na przykład kobiety, w przeciwieństwie do mężczyzn, w niewielkim stopniu ulegają wpływowi tak obrazowanym aktom seksualnym¹⁰. Wyjątkowo głośne medialnie było oskarżenie w latach siedemdziesiątych muzyków z grupy Pink Floyd, że na swoich płytach umieszczali sugestie podprogowe. Jak się okazało w muzykę wmontowano nagranie głosu, który puszczony wstecz wypowiadał tekst „gratulujemy odkrycia naszej tajemnicy”.¹¹ Powstał ogromny rynek taśm magnetofonowych, płyt i nośników pamięci zawierających podprogowe przekazy

⁸ S. Kuśmierski, *Reklama jest sztuką*, Warszawa 2000, s.51.

⁹ J. Kall, *Reklama*, Warszawa 1998, s. 128.

¹⁰ E. Aronson, T.D. Wilson, R.M. Akert, *Psychologia społeczna...*, s. 653 – 655.

¹¹ A. Augustynek, *Reklama podprogowa – fakt czy artefakt?*, Wiedza i Życie 7/1998.

dźwiękowe, pomagające zainteresowanym pozbyć się nadwagi, rzucić palenie, podnieść zdolność uczenia, samoocenę itp. W 1988r. Amerykanie kupili ponad 5 milionów taśm z takimi przesłaniami, a sprzedaż została oszacowana na 50 milionów dolarów („Newsweek”, July 30, 1990).¹² W 1991 roku Anthony Greenwald przeprowadził badanie dotyczące efektywności tego typu nagrań. Połowa badanej grupy wysłuchała taśmy, która zawierała komunikaty podprogowe służące poprawieniu pamięci, a pozostali wysłuchali nagrania z bodźcami podprogowymi przeznaczonymi do podnoszenia samooceny. Żadna z taśm nie wywarła wpływu na pamięć, ani na samoocenę badanych osób. W kolejnym badaniu, na tej samej grupie osób, połowie grupy powiedziano po eksperymencie, że słuchali innej taśmy, niż wysłuchali w rzeczywistości. Ci, którzy sądzili, iż wysłuchali nagrania polepszającego pamięć, uwierzyli, że naprawdę uległa ona poprawie, a ci zaś, którzy sądzili, że wysłuchali nagrania podwyższającego samoocenę, byli przekonani, iż się poprawiła. Działo się tak niezależnie od tego, której taśmy naprawdę słuchali.¹³

Niejednoznaczność niezauważalnego kształtowania zachowania odbiorcy dla praktyki reklamy zamyka się na dziś w przekonaniu, że jej treść oddziaływująca na podświadomość może wpływać jedynie na bardzo elementarne potrzeby odbiorcy, takie jak głód, pragnienie czy popęd seksualny, nie zaś na wyższe, a zwłaszcza system wartości, że może ewentualnie przywołać nieuświadomione motywy, ale nie może ich wytworzyć ani zmieniać, że działa krótko, mniej więcej od kilku minut do kilku godzin oraz że podlega dużym wahaniom ze względu na różnice indywidualne, a więc wielu ludzi wykazuje na nią odporność. Reklama tego typu w rzeczywistości podlega więc poważnym ograniczeniom. Efektem działania bodźców podprogowych mogą być zmiany w zachowaniu. Jednak zakres tego typu zachowań jest dość wąski. Gdy w grę wchodzi przekonania i wartości osobiste, do których jednostka jest w wysokim stopniu przywiązana i których zdecydowana jest bronić, nie można mówić o zmianach zasadniczych. Nadto wielu sądzi, że w normalnych, niekontrolowanych warunkach dnia codziennego jest wręcz niemożliwe, by człowiek zmuszony wybierać spośród olbrzymiej liczby bodźców pojawiających się powyżej progu sensorycznego, zwracał uwagę na bodźce wysyłane poniżej tego progu. Jednak w przypadku oddziaływania bardziej obojętnego z punktu widzenia wartości osobistych, nie wyklucza się, że może być ono skuteczne.¹⁴

Bibliografia

1. Aronson E., Wilson T.D., Akert R.M., *Psychologia społeczna – serce i umysł*, Poznań 1997.
2. Augustynek A., *Reklama podprogowa – fakt czy artefakt?*, Wiedza i Życie 7/1998.
3. Doliński D., *Psychologia reklamy*, Wrocław 1998.
4. Kall J., *Reklama*, Warszawa 1998.
5. Kuśmierski S., *Reklama jest sztuką*, Warszawa 2000.
6. Laszczak M., *Psychologia przekazu reklamowego. Dla twórców i odbiorców komunikatów reklamowych*, Kraków 1998.
7. Łodziana-Grabowska J., *Efektywność reklamy*, Warszawa 1996.
8. Młynarski S., *Metody badań marketingowych*, Warszawa 1990.
9. Rosołowicz Ł., *Działanie na zmysły konsumenta*, „Marketing w praktyce” 1998 nr 3.
10. Russel J. T., Ronald W. L., *Reklama według Ottona Kleppnera*, Warszawa 2000.
11. Tomaszewski T. (red.), *Psychologia ogólna*, Warszawa 1992.

¹² E. Aronson, T.D. Wilson, R.M. Akert, *Psychologia społeczna...*, s. 655.

¹³ M. Laszczak, *Psychologia...*, s. 58.

¹⁴ J. Łodziana-Grabowska, *Efektywność reklamy*, Warszawa 1996.

МЕСЯЦ І ЗОРКІ Ў КАРАВАЙНАЙ ТРАДЫЦЫІ БЕЛАРУСКАГА ВЯСЕЛЛЯ

Д.М. Алексенка

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы
і літаратуры НАН Беларусі, г. Мінск, Беларусь*

Ва ўмовах, калі глабалізацыйныя працэсы паставілі пад пагрозу захаванне самабытнасці і культурнай разнастайнасці народаў, наспела неабходнасць адроджэння нацыянальных традыцый, звычаяў і абрадаў, якія маюць вялікую сацыяльную каштоўнасць. Адным з моцных механізмаў забеспячэння ўстойлівасці і захаванасці нацыі і грамадства з'яўляюцца сямейныя абрады. Менавіта ў сям'і замацоўваюцца маральна-этычныя нормы паводзін чалавека ў грамадстве, даюцца духоўныя арыенціры, асэнсоўваюцца ідэі стварэння сям'і, працягу роду і выхавання дзяцей. Роля сям'і ва ўмацаванні гэтых устояў, у захаванні традыцыйнай культуры, такім чынам, становіцца надзвычай высокай.

Паколькі сям'я была і застаецца асновай грамадства, то стварэнне новай сям'і ў выніку шлюбу з'яўляецца важнай падзеяй у кожнага народа. На працягу стагоддзяў складваўся і беларускі традыцыйны шлюбны рытуал, якога прытрымліваліся ўдзельнікі вяселля ў шматлікіх абрадах, што выконваліся на розных яго этапах. Адным з важных абрадаў у беларускім вяселлі, як і ў вяселлі многіх рэгіёнаў Расіі і Украіны, быў каравайны абрад.

Каравайны абрад і яго паззія добра захаваліся сярод мясцовага насельніцтва і дайшлі да нашага часу ў жывым бытаванні, па-ранейшаму выконваючы і ўтылітарную, і паэтычную функцыі. Пры гэтым каравайны абрад з'яўляецца развітым магічным абрадам і ўяўляе сабою комплекс узаемазвязаных паміж сабою рытуалаў, якія доўжацца на працягу ўсяго вяселля [3, с. 1]. У сувязі з гэтым, як адзначае Л. Ермакова, каравайны абрад і яго паззія дазваляюць «зразумець “культурны кантэкст” з яго бытавымі апаэтызаванымі рэаліямі», даюць рэдкую магчымасць «убачыць і расшыфраваць сэнс як асобных знакаў, так і ўсёй міфапаэтычнай сістэмы», звязанай з каравайнай традыцыяй [3, с. 1–2].

З караваем як галоўным вясельным рытуальным хлебам звязаны нябесныя свяцілы, у прыватнасці месяц, зоркі. Гэта сувязь выяўляецца як у афармленні і ўпрыгожванні каравай, так і ў песнях, што суправаджаюць асноўныя моманты яго падрыхтоўкі.

У караваі ў розных моманты вясельнага абраду актуалізуецца сімволіка то шлюбу, то лёсу і долі маладых, то дзетанараджэння ў маладой сям'і. Акрамя таго, у сімволіцы каравай спалучаюцца мужчынскі і жаночы пачаткі. На думку В. Іванова, «паколькі сам вясельны абрад можа разглядацца як узаўленне боскага шлюбу (іерагаміі), першага ўзору, – натуральна дапусціць, што і каравай некалі функцыянаваў як рытуальны прадмет у найбольш урачыстых цырымоніях, дзе яго семіятычнае значэнне разгортвалася з найбольшай паўнатай» [4, с. 258].

Амбівалентная мужчынска-жаночая сімволіка каравай праяўляецца ў тым, што ў большасці мясцовасцей Беларусі яго выпякалі і ў жаніха, і ў нявесты [2, с. 147]. Пры гэтым караваі маладога і маладой часам адрозніваліся па знешнім выглядзе: у нявесты круглы каравай, а ў жаніха ў форме паўмесяца [13, с. 246]. Паводле запісаў Р. Зянкевіча, «наружная форма каравай набліжае яго да месяца, акружанага зоркамі: у сярэдзіне каравай лепяць месяц, па краях – зоркі, а потым ужо і іншыя выявы» [2, с. 380]. Апісанне каравай, акружанага выявамі зорак і месяца, даецца і ў наступнай песні: «*Біты каровай густо, // Подь блюхно хусто, – // М'сяцём окружоны, // Зорами осадзаны*» [12, с. 368]. Паказальна, што сам каравай часам і па сваёй форме, і ў

вербальных каментарыях атаясамліваецца з месяцам: «*Да ў зышоў мясячыкь высоко. // Занэслы коровай далэко, // Да поставылы на жити, // Суды намь, Боже, спожити!*» [2, с. 378]. М. Доўнар-Запольскі, каментуючы гэту песню, адзначае, што «каравай параўноўваецца з месяцам, выносіцца на жыта, паколькі ў ім ёсць сіла, якая садзейнічае ўрадлівасці поля» [2, с. 378].

Каравай у форме паўмесяца згадваецца ў некаторых песнях, як, напрыклад, у песні, дзе каравай кажа пра сябе «*я и рыгать, и быгать*» [8, с. 358], так і ў іншай песні, дзе маці нявесты просіць «*зляпіць каравай красны, як месяц ясны*» [11, с. 340]. Паводле М. Нікольскага, «у даным выпадку мы маем справу з выпадковай, мясцовай мадыфікацыяй традыцыйнага афармлення, якая ўзнікла ў сувязі са звычайем, шырока распаўсюджаным і ў Беларусі, і на Украіне, упрыгожваць каравай зробленымі з цеста выявамі сонца, месяца і зорак як сімвалаў жонкі, мужа і дзяцей, а часам толькі аднаго месяца» [6, с. 190].

Разам з астранамічнымі шырока распаўсюджанымі пры аздабленні караваёў былі зааморфныя фігуркі [12, с. 360–361]. Можна пагадзіцца з думкай А. Фядосіка, што «спалучэнне фігур зямных жывёл з касмічнымі свяціламі на караваі мела гамеапатычнае магічнае значэнне з мэтай садзейнічаць дзетанараджэнню маладой сям'і, таму што і нябесныя свяцілы ў народнай міфалогіі паўставалі ў выглядзе мужа і жонкі...» [10, с. 135]. Некаторыя з астральных фігурак з'яўляліся не толькі элементамі ўпрыгожвання караваёў, але і выступалі самастойнымі відамі вясельнага хлеба. Так, у Мазырскім пав., як вынікае з апісання К. Машынскага, у жаніха пяклі «месяц» у форме сярпа велічынёй на дзве далоні і «рагала» – шышку ў маладой [10, с. 134]. Па сведчанні І. Насовіча, калі выпякалі некалькі караваёў, то першы рабілі ў выглядзе паўмесяца, другі каравай меў выгляд вялікай каўрыгі, трэці каравай – невялікая булка прызначалася для маладой [7, с. 141].

Нябесныя свяцілы таксама «прымалі ўдзел» і ў падрыхтоўцы вясельнага хлеба. Асаблівую цікавасць у гэтых адносінах прадстаўляюць каравайныя песні, дзе галоўнымі персанажамі паўстаюць сам месяц, які каравай «у печь сажая», «зоренька закладаю», «слонейко запекая» [12, с. 378]. У дабраякасным караваі зацікаўлены і месяц: «*Свеціць месяц на двары, // Каравай гіблюць на сталі*» [1, с. 371]. Сувязь караваёў з нябеснымі аб'ектамі падкрэсліваецца ў песні, якую выконваюць, калі выймаюць каравай з печы і кладуць яго на стол: «*Дэ ты буваў, наш слаўны коровай, // Шо ты там выдаў? // Я бываў на нэбі, под хмарою, // Відаў місяца з зорёю // И Васылька з жэною*» [8, с. 177].

Кожны момант падрыхтоўкі і выпечкі караваёў пазытваўся, ідэалізаваўся і значнае месца тут адводзілася нябесным свяцілам. Гэта відавочна з наступнага песеннага дыялогу: «*Караваю мой маляваны, // Ды хто ж цябе маляваў: // Ці багі цябе малявалі, // Ці малыя бажанятчкі? // – Малявалі мяне зорачкі, – // Да расускія дзевачкі*» [1, с. 347]. А вось што спявалі пасля таго, як каравай быў пасаджаны ў печ: «*Як на небе зорачкі, // Так мае каравайчыкі, // Паміж імі месяц ясны, // Паміж малымі каравай старшым*» [9, с. 37]. Ці і такі варыянт: «*Колькі на небе зорачак – // То на караваі шышачак, // Як на небе ясныя – // Так на караваі красныя*» [5, с. 98]. Праз пару гадзін пасля таго, як каравай пасадзілі ў печ, старшая каравайніца, пераканаўшыся, што ўжо час яго вымаць, выгуквала: «*Браво, браво, нашо ўзяло – наш каравай упёкся, як пернічак румянькі, як яблычко гладзенькі, як мясячык... ясьненькі, так каравай красенькі*» [9, с. 38]. Як вынікае з вышэйпрыведзеных песень, вобразы нябесных свяцілаў выкарыстоўваюцца на розных этапах каравайнай абраднасці і ў разнастайных абставінах, у розных мастацкіх прыёмах і формах.

Такім чынам, ва ўмовах глабалізацыі і трансфармацыі грамадства нельга перабольшыць усю важнасць і каштоўнасць звычайу і абрадаў, якія дзейнічаюць як механізм самазахавання, самасцвярджэння народа. Веданне і апора на старажытныя традыцыі свайго народа, якімі з'яўляюцца сямейныя абрады, у прыватнасці вясельныя, дазваляе пабудаваць адносіны з навакольным светам, захаваць устойлівасць і стабільнасць у бурлівым патоку жыцця. У беларускім вяселлі нельга не адзначыць вялікую ролю каравайнага абраду і каравайных песень, дзе адметнае месца займаюць нябесныя свяцілы.

Спіс цытаваных крыніц

1. Вяселле. Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К.А. Цвіркі ; муз. дадат. З.Я. Мажэйка. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 683 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи / М.В. Довнар-Запольский. – Киев : Типография 1-й Киевской Артели Печатного Дела, 1909. – Т.1 : Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. – 487 с.
3. Ермакова, Л.Л. Каравайные песни Белорусского Полесья (историография, семиотика, специфика жанров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Л.Л. Ермакова; АН Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы. – Минск, 1995. – 19 с.
4. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
5. Лірыка беларускага вяселля / Пад рэд. Н.С. Гілевіча. – Мн. : Выш. школа, 1979. – 656 с.
6. Никольский, Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н.М. Никольский. – Минск: Изд-во АН БССР, 1956. – 273 с.
7. Носович, И.И. Белорусские песни, собранные И.И. Носовичем / И.И. Носович. – СПб : Типография Майкова, 1873. – 282 с.
8. Романов, Е.Р. Белорусский сборник : в 9 вып. / Е.Р. Романов. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1912. – Вып. 8 : Быт белоруса. – 600 с.
9. Федароўскі, М. Люд беларускі. Вяселле / М. Федароўскі ; уклад., прадм. і пер. з польскай мовы І.У. Саламевіча. – Мн. : Палымя, 1991. – 142 с.
10. Фядосік, А.С. Функцыянальнасць і семантыка абрадаў, жанравыя і мастацкія своеасаблівасці паэзіі асноўных этапаў вяселля / А.С. Фядосік // Сямейна-абрадавая паэзія: Народны тэатр / А.С. Фядосік [і інш.] ; навук. рэд. К.П. Кабашнікаў. – Мінск : Бел. навука, 2001. – С. 107-272.
11. Шейн, П.В. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями / П.В. Шейн. – СПб : Типография Майкова, 1874. – 562 с.
12. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – СПб : Типография Императ. АН, 1890. – Т.1, ч.2 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 708 с.
13. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал. : І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989. – 575 с.

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

М.С. Бодак

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Сущность происходящих в Республике Беларусь процессов заключается в переходе к социально-ориентированной рыночной экономике. Этот переход сопровождается активным формированием новых слоёв и классов, что влечет за собой серьезную трансформацию всей социальной структуры общества. Наблюдается интенсивное

изменение отношений собственности и власти, эволюция элит, интеграция новых социальных групп. Одновременно прежние группы распадаются, или меняется их социальный статус, образ и качество жизни, способы деятельности, происходит маргинализация массовых слоев населения, рост социально-периферийных групп, расширение «социального дна», что придает социальной стратификации форму «Эйфелевой башни». Качественно-количественные характеристики социальной структуры в существенной степени определяют направление общественных процессов и спектр возможностей реформирования общества, без выявления которых невозможно принятие адекватных стратегических решений в условиях наличия социального заказа на реформирование общественной системы.

Стратификация белорусского общества является индикатором оценки качества жизни граждан. Среди множества признаков, по которым оценивается принадлежность части социума к определенному слою, приоритетное значение имеет величина получаемых доходов, структура их распределения и величина собственности. Экономическая структура современного белорусского общества в зависимости от уровня материальной обеспеченности выглядит следующим образом. К верхнему слою (обеспеченные выше среднего) современного белорусского общества можно отнести малочисленную группу лиц, чьи доходы позволяют делать любые, даже самые дорогие покупки (недвижимость, автомобили и т.д.), отдыхать на престижных мировых курортах. Ее доля составила всего 10,8% населения. Более массовый средний слой (среднеобеспеченные) – 41,8%, объединяет людей, которым хватает денег на покупку достаточно дорогостоящих товаров длительного пользования (телевизор, холодильник), однако приобретение автомобиля или квартиры им недоступно. Базовый слой (малообеспеченные) составляет 33,3% и включает тех, чьи доходы хватает только на питание и покупку товаров первой необходимости (одежду, обувь, средства гигиены). Нижний слой (бедные) составляет около 14,1% населения, это люди, которым не хватает денег даже на нормальное питание [1, с. 23]

По социально-демографическим характеристикам можно отметить следующие особенности выделенных групп. Согласно переписи населения 2009 г. высший и средний слои сосредоточены в основном в столице и крупных городах страны. Чаще это мужчины молодого и среднего возраста. В базовом слое больше женщин, лиц старше 45 лет, жителей небольших городов и городских поселков. Нижний слой составляют преимущественно пенсионеры, жители небольших населенных пунктов (малых городов, деревень), а также безработные и низкоквалифицированные рабочие. Этот слой является довольно узким, поскольку в него включены только лица, сохранившие определенное статусное место в социальной структуре.

В составе СССР Беларусь в свое время была одной из наиболее развитых советских республик. Она обладала высоким промышленным и технологическим потенциалом, располагала достаточно квалифицированными трудовыми кадрами. После обретения независимости все это, а также весьма выгодное географическое положение объективно создавало ей благоприятные стартовые условия для проведения необходимых экономических реформ, конечной целью которых было становление современного социально ориентированного государства с рыночной экономикой и высоким качеством жизни его граждан. За период с 1990 по 1999 год в Беларуси произошло углубление неравенства. Процесс имущественной поляризации становится очевидным при сопоставлении среднего дохода 10% наиболее богатых семей со средним доходом 10% наиболее бедных семей. Отношение в 1990 г.

составляло разрыв в 3 раза; в 1999 г. – 9,8 раза; в 2014 г. – 4,1 раза. До развала СССР бедность в Беларуси не превышала 1% численности населения; а в 1999 г. по официальным данным она превысила 36% [2, с. 61].

Согласно данным Всемирного банка по состоянию на март 2014 года в Беларуси средний класс составляет 80%, к нему относятся граждане с доходом равным или превышающим 10\$ США в день. К социально уязвимой категории (малообеспеченные) относится около 18% населения и около 2% бедных. По прогнозам Всемирного банка в 2015 году доля малообеспеченных граждан должна сократиться до 8,9%.

Снижение уровня жизни обуславливается, с одной стороны, отсутствием институциональных условий для того, чтобы люди могли легально зарабатывать на достойную жизнь, а с другой – неготовностью многих из них к переменам, отсутствием необходимых социальных ресурсов, психологической неподготовленностью к работе в условиях рыночных отношений. Слой предпринимателей в стране малочисленный, на негосударственных предприятиях занята лишь восьмая часть рабочей силы. Тем не менее, большинство занятых в негосударственном секторе экономики относят себя к достаточно обеспеченному, среднему слою и стремятся дополнительно заработать. В нижних слоях такой способ повышения своего уровня жизни мало популярен вследствие собственной инертности и вследствие отсутствия развитой инфраструктуры мелкого и среднего бизнеса, наличие которой обеспечивает тысячи рабочих мест для лиц без высшего образования или высокой квалификации, работоспособных пенсионеров.

Об особенностях социальной стратификации дают представление характеристики социальной мобильности в вертикальном срезе социальной структуры. Для статистического учета и анализа социального положения человека (семьи) обычно используются показатели собственности и дохода. Связано это с тем, что другие признаки социального положения – престиж, власть, репутация – трудно выразить количественно, и они фиксируются в ходе эмпирических исследований по репрезентативной выборке. Определить имущественное положение каждой семьи, а значит и реальную дифференциацию людей, легко, когда государственные органы строго учитывают все виды собственности (земля, жилье, предприятия (фирмы), акции) и соблюдаются требования декларирования доходов. На сегодняшний день в стране учитываются только зарплата, пособия, доходы от предпринимательской деятельности, дополнительные заработки, если они выплачиваются через бухгалтерию. В такой ситуации о реальном процессе расслоения предпочтительнее судить на основании оценок населения, полученных во время социологических исследований с поправками на психологические искажения, проверяя, дополняя и корректируя иными данными оценочные суждения респондентов. Поэтому в ходе республиканского исследования респондентам предлагалось отметить собственную позицию на двух шкалах: 1) уровень жизни – градация от 1 до 10, где 1 – нищие, 10 – миллионеры; 2) собственность, где 1 – ничего не имею, 10 – владелец (совладелец) предприятия, фирмы, магазина и пр. Анализировались также показатели: а) самоидентификация (к какому классу респондент относит себя); б) среднего душевого дохода; в) ожидания в области зарплаты (какую заработную плату считает респондент достаточной для нормальной жизни).

Распределение населения Беларуси по уровню жизни и собственности (в % от общего числа)

Шкала собственника

31,5	22,9	20,3	4,2	7,6	2,4	0,5	0,2	0,2	0,2
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

(ничего не имею) (владею предприятием, магазином и т.д.) (совладею фирмой)

Шкала уровня жизни

	57,9		40,4				2,7		
9,2	16,4	31,3	20,1	16,3	4,0	1,0	0,5	0,7	0,5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

(нищие) (миллионеры)

Как видно из таблиц, распределения по обеим шкалам смещены влево, в сторону низких значений уровня жизни и собственности [3, с. 27].

В конце 80-х годов уже были реалистичные описания социальной структуры общества. Например, Рывкина Р.В. выделяла такие группы (слои):

1. Высшая политическая элита разной природы;
2. Средние слои правящего аппарата;
3. Низовые работники этого аппарата;
4. Ведущие хозяйственные руководители;
5. Хозяйственные руководители среднего ранга;
6. Низовые начальники (вплоть до мастеров и бригадиров);
7. Специалисты, служащие разных уровней и профилей;
8. Рабочие разной квалификации и социального статуса;
9. Члены колхозов;
10. Кооператоры;
11. Лица, живущие за счет семейных фирм и личных подсобных хозяйств;
12. Лица, живущие за счет других видов ИТД – кустарных производств, помыслов, заготовок;
13. Пенсионеры и инвалиды;
14. Лица, живущие за счет сезонной занятости в строительстве (шабашники), на транспорте, на погрузочно-разгрузочных и других работах;
15. Лица, находящиеся в «подаче», ориентированные на выезд из страны;
16. Деклассированные элементы, лица, находящиеся в местах заключения и др. [4, с. 48].

Выделенные группы существуют и в сегодняшнем белорусском обществе. Сохранились как часть элементов старой стратификационной системы рабочие, крестьяне, служащие.

В международной статистике и социологической теории социальной стратификации принято выделять общественные классы (страты) в первую очередь по показателям дохода и собственности, а также связанными с ними престижа, власти, образования, доступа к информации. Однако, как отмечает Соколова Г.Н., в обществах переходного типа при выделении социальных слоёв уменьшается значимость таких критериев, как профессиональный статус и образование. Это

подтверждается результатами исследований в Беларуси, которые показывают, что каждый слой белорусского общества представлен всеми категориями работников с разными уровнями образования [5, с. 170]: Так, исследователи выделяют в средний протокласс до 50% населения, из которых 30 процентам не хватает доходов и престижности профессии, чтобы стать объективно средним классом в классическом понимании, а 20 процентам не хватает образования и высокого профессионального уровня, хотя доход позволяет отнести их к среднему классу. Только 4-6% относительно среднеобеспеченных ведут образ жизни, соответствующий восточноевропейским стандартам среднего класса, представляя высший слой среднего класса.

Своё распределение населения по уровню доходов предлагает Бабосов Е.М., который к среднему классу в Беларуси относит 18-20% населения. По его мнению, к группе "богатые" относятся люди с доходом 5 и более БПМ, что на май 2015 года составляет доход равный 7374350 белорусским рублям и выше. Соответственно к группе "состоятельные" он относит тех, кто имеет доход, равный 3-4 БПМ (от 44224610 руб.), к "обеспеченным", имеющих доход 2-2,2 БПМ (от 2949740 руб.), к "среднеобеспеченным" 1,5-2 БПМ (от 2212305 руб.), к "малообеспеченным" 1-1,4 БПМ (от 1474870 руб.), к "бедным" 0,5-1 БПМ (от 737435 руб.), к "нищим" 0,5 БПМ [6, с. 146].

Причём доля слоёв в составе населения претерпела следующие трансформации:

Слой	Доля слоя в составе населения в 1999 г., %	Доля слоя в составе населения в 2007 г., %
Богатые	1,5	1,5-3
Состоятельные	5-6	11-12
Обеспеченные	8-9	31
Среднеобеспеченные	14	36-37
Малообеспеченные	17	14-15
Бедные	46	6-7
Нищие	7	0,5

В свою очередь Соколова Г.Н., придерживаясь классификации социальных слоёв, созданной Всероссийским центром изучения общественного мнения, выделяет пять основных слоёв белорусского общества:

1. Нижний слой - денежный доход ниже уровня БПМ (1474870 руб. на май 2015 г.);
2. Базовый слой – доход от БПМ до 1 МПБ (от 1474870 до 2064818 руб.);
3. Средний слой – доход от 1 до 2 МПБ (от 2064818 до 4129636 руб.);
4. Верхний слой – доход от 2 до 3 МПБ (от 4129636 до 6194454 руб.)
5. Элита – доход свыше 3 МПБ (свыше 6194454 руб.) [7, с. 79].

В целом следует отметить, что характер и качество социальной структуры белорусского общества на макроуровне будут зависеть от того, насколько энергично и последовательно осуществляются правящими элитами институциональные реформы, каковы будут их социальные последствия, насколько будет открыто современное белорусское общество и его культура для инноваций, нововведений. На микроуровне зависит от того, насколько успешно будет удаваться отдельным индивидам и группам обнаруживать в себе потенциал и желать реализовать его в деятельности, адаптироваться к новым условиям жизни в трансформирующемся обществе.

Список цитированных источников

1. Ивашевич, И.Ф. Особенности трансформации социальной структуры современного белорусского общества / И.Ф. Ивашевич // Управление в социальных и экономических системах: материалы XIX Международной научно-практической конференции, г. Минск, 18 мая 2010 г. / Минский ин-т управления; редкол.: Н.В. Суша [и др.]. – Минск, 2010.
2. Бабосов, Е.М. Методологические проблемы исследования стратификационной динамики постсоветского общества // Личность. Культура. Общество. – М., 2002. – Т. 4. – Вып. 3-4.
3. Анисов, Л.М. Мониторинг социально-демографических изменений // Информационный бюллетень Национального комитета по народонаселению при Совете Министров Республики Беларусь. – 2000. – №1.
4. Бабосов, Е.М. Динамика доходов и уровня жизни населения в постсоветском обществе. Задачи, противоречия, механизмы. – М., 2001.
5. Соколова, Г.Н. Трансформационные процессы в Беларуси и России: социальный аспект. – Мн.: Беларус. навука, 2009. – 223 с.
6. Бабосов, Е.М. Социология. – Мн., 2011.
7. Соколова, Г.Н. Средний класс: крона и корни // Белорусская думка. – 2003. – № 12. – С. 77-83.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СЕМЬЕ

В.Н. Варич

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Семья представляет собой уникальный социальный институт, который осуществляет трансляцию базовых ценностей культуры и социализацию каждого нового поколения. В этом качестве семья является посредником между личностью и обществом и серьезным фактором воздействия на социальные процессы. Потенциал семьи реализуется через выполнение ею основных функций, которые претерпевают серьезные изменения в современном обществе под влиянием как социокультурных, так и личностных факторов, определяющих также значимость семьи для отдельной личности, общества и государства. Транслируя семейные и социальные ценности, семья обеспечивает социализацию подрастающего поколения. На этот процесс существенным образом влияют изменения ролевых функций внутри семьи, трансформация основных функций семьи как социального института, а также осуществляемая государством семейная политика.

Указанные трансформации влекут за собой изменение форм и способов социализации детей в семье, возникновение новых моделей воспитания и взаимоотношений между родителями и детьми. В силу этих и других причин изменяется статус семьи как базовой (терминальной) ценности в ценностной иерархии современного человека, формируются различные желаемые образы семьи в глазах различных поколений и субкультур. Изменяется также характер взаимодействия семьи с другими основными социальными институтами, которые участвуют в социализации подрастающего поколения. Процессы модернизации, происходящие в обществе, изменяют требования, предъявляемые к семье как социальному институту, в силу чего происходит глубинная трансформация семьи, имеющая долгосрочный характер. Институт семьи в Беларуси изменяется в русле общих тенденций развития семьи в постиндустриальном обществе, для которого характерны изменение представлений о гендерных ролях в семье и вариативность индивидуальных и

семейных ценностных систем. Вместе с тем ценностное отношение белорусов к семье во многом определяется традиционным для славянского менталитета убеждением в высокой значимости семьи и детей.

В современном постиндустриальном обществе происходит деструкция традиционной системы ценностно-нормативной регуляции, утрачивают значимость важнейшие смысложизненные ценности, которые тысячелетиями обеспечивали функционирование общества и его воспроизводство. На уровне личности ценностный кризис семьи выражается в изменении системы ценностных ориентаций, в росте внесемейных ориентаций личности и в нарастании противоречий между семейными и внесемейными мотивациями. Ценностные ориентации личности всегда имеют социокультурную обусловленность и поэтому не могут быть объяснены исключительно исходя из ее внутреннего мира. Будучи сродни психологическим установкам, ценностные ориентации имеют иную природу: установка выражает готовность к удовлетворению некой конкретной потребности, а ценностная ориентация представляет собой регулятивный механизм, охватывающий все уровни человеческой деятельности.

По отношению к социально обусловленным ценностям возникают осознанные социальные установки (аттитюды). В своей совокупности психологические установки личности, ее ценностные ориентации и аттитюды образуют сложную иерархию в регулировании витальных и социальных потребностей человека. На низшем уровне действуют неосознаваемые фиксированные установки, определяющие конкретные действия в предметных ситуациях. Более высокий уровень образуют социально значимые установки, выражающие потребность личности в общении, признании и идентификации и реализуемые во взаимодействии с другими людьми. Третий уровень – это базовые социальные установки, которые определяют общую направленность интересов личности в различных социальных сферах и ее поведение. Высший уровень иерархии представляет собой систему ценностных ориентаций личности, выражающих высшие социальные потребности человека и определяющих его отношение к важнейшим жизненным целям и допустимым средствам их достижения.

Ценностные ориентации, таким образом, формируются в ходе усвоения личностью социальных значений – процесса, который включает в себя несколько этапов: приобретение знания о социальных значимостях (ценностях); формирование стереотипа восприятия – положительной или отрицательной реакции на указанные значимости; возникновение установки – готовности действовать в соответствии усвоенными ценностями; выработка побуждения – способности и готовности действовать на основе волевого усилия. С этой точки зрения личность обладает сформированными ценностными ориентациями, если у нее есть не только знания о ценностях, но и готовность реализовывать свое поведение на их основе. Сложившаяся система ценностных ориентаций выражается в относительно устойчивых отношениях личности к различным социальным явлениям и актам деятельности, а также к самим ценностям. При этом индивидуальное ранжирование ценностей может быть обусловлено как субъективными установками, так и их социальным значением, а сама система личностных ценностей выполняет двойственную функцию. С одной стороны, она закрепляет в сознании и поведении личности те ориентации, которые позволяют ей занять определенное место в обществе. С другой стороны, она выступает в качестве основы для оценки

собственного поведения. В таком качестве система ценностных ориентаций личности выступает посредником между ее индивидуалистическими установками и социокультурными нормами, позволяя коррелировать собственные интересы и потребности общества.

Ценностные ориентации подрастающего поколения, в том числе установки, определяющие образ семьи, формируются у подрастающего поколения под влиянием различных факторов. Наиболее значимым среди них является опыт собственной семьи, родителей, родственников и близких знакомых. В жизненно важных вопросах, касающихся семейного строительства, белорусы ориентируются на привычные модели поведения и отношений в семье, присущие их родителям и воспринимаемые как собственное представление. В то же время исследования показывают, что большая часть детей получает достаточно важную информацию о ролевых функциях в семье не от родителей, а из других источников, поскольку данная тема весьма редко (или никогда) является предметом обсуждения в их семьях. Тем не менее, формирование матримониальных и репродуктивных установок, которое происходит достаточно рано, во многом зависит от образа родительской семьи – ее размера, числа детей, отношений между родителями. Этот образ становится определенным идеалом семьи, имеющим довольно устойчивый характер, хотя и подверженным коррекциям в течение взрослой жизни.

Социологи постсоветских стран активно изучают и пытаются выявить тенденции изменения содержания семейного воспитания в новых социокультурных условиях. В целом можно утверждать, что в современной семье существенно возросла неопределенность тех ценностей, к которым родители приобщают своих детей. Если часть родителей по-прежнему ориентирует подрастающее поколение на привитые им самим в детстве нормы нравственной и трудовой культуры, то другие пытаются сформировать у детей установки, которые обеспечивают лишь элементарную культуру поведения. При этом они не стремятся выработать совокупность тех принципов, которые обеспечивают на основе самообразования и самовоспитания успешную адаптацию личности к жизни в постоянно меняющемся мире. Основные воспитательные усилия в современной семье нацелены на личный успех, материальное благополучие, достижение карьерных целей, то есть имеют характер индивидуалистических, а не семейных ценностей.

Социализация детей в семье происходит, как правило, под влиянием тех ценностей, которые являются традиционными для белорусского общества. Однако в постсоветских странах наблюдается также возрастающее воздействие ценностей западной культуры, которые имеют для них модернистский характер. Процессы демократизации социальной жизни и активной межкультурной коммуникации непосредственно влияют на развитие семейных отношений в направлении деструкции патриархальных устоев в сфере супружества и родительства, в силу чего семья утрачивает синкретический характер – распадается единство брачного, сексуального и репродуктивного поведения [1].

Ценностные ориентации подрастающего поколения складываются прежде всего в семье, которая не может не реагировать на серьезные трансформационные процессы, происходящие на постсоветском пространстве в последние десятилетия. Соответственно наряду с факторами микроуровня (семейным положением, образованием, возрастом, занятостью, вероисповеданием и проч.) на формирование

семейных ценностей влияют факторы мезоуровня (мероприятия местных и региональных органов, проводящих социальную политику), а также факторы макроуровня (общественные традиции и трансформации, меры государственной семейной политики). Смена ценностных ориентиров общества в сторону достижения личного успеха, который измеряется экономическими ценностями, обуславливает изменение воспитательных стратегий в сторону ориентаций, имеющих «рыночный» характер, — карьера, деньги, либеральные свободы. Родители стремятся сформировать у детей такие качества и установки, которые помогут им в самостоятельной жизни добиться профессионального успеха и материального благополучия.

Разрушение основных элементов традиционной системы социализации молодежи (община, церковь, цех и проч.) существенным образом повышает роль семьи как относительно стабильного фактора формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения. Вместе с тем ценностный мир семьи характеризуется многослойностью и противоречивостью, включая в себя как ценностные ориентации, значимые для функционирования семьи вообще (достаток, безопасность, здоровье, образование), так и ценностные ориентации, актуализирующиеся в современной рыночной экономике (высшее образование, социальный престиж, высокооплачиваемая работа) [см. 2]. Для белорусской семьи характерны также и традиционные ценности взаимопонимания, любви, поддержки, эмоциональной связи со старшим поколением. Соответственно мотивационное воздействие ценностных и эмоционально-психологических установок семьи на будущее социальное поведение молодых людей зависит от степени выраженности того или иного пласта ценностных ориентаций семьи как социальной и культурной среды первичной социализации. Именно в семье у нового члена общества формируется модель личностно окрашенного общения с близкими людьми, ребенок «проходит школу непосредственного практического гуманизма во взаимоотношениях с людьми» [3].

Трансформация семьи как социального института обуславливает необходимость формирования адекватных представлений о семье у современного подрастающего поколения. Конкуренция семьи с другими институтами социализации нынешнего общества требует качественного изменения системы семейного воспитания, которое не может и не должно осуществляться стихийно, на основе простой передачи социального опыта и житейской мудрости от старшего поколения к младшему. Поэтому родители в качестве первых агентов социализации нуждаются в специальных знаниях о том, как осуществлять воспитание нравственных и гражданских качеств своих детей в условиях информационной революции, появления новых форм общения, быстрого изменения технической оснащенности быта и способов коммуникации.

Список цитированных источников

1. Озиева, Л.С. Механизм формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-formirovaniya-tsennostnyh-orientatsiy-podrastayuschego-pokoleniya>.

2. Часовская, Л.А. Семья как фактор формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения: автореф. дисс. ... канд. соц. наук: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/semja-kak-faktor-formirovaniya-cennostnyh-orientacij-podrastajwego-pokolenija.html>.

3. Крапивка, И.А. Проблемы формирования ценностных ориентаций в подростковом возрасте // Общество: политика, экономика право. — 2010. — № 1. — С. 43.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Г.М. Грибов, В.Г. Ракицкая

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Устойчивое развитие (УР) – это такое развитие, при котором удовлетворение нужд нынешнего поколения происходит без ущемления возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности, это сбалансированный комплекс, включающий экономический и социальный прогресс, не приводящий к деградации окружающей природной среды. Наряду с термином УР употребляется и такое выражение как Местные повестки на XXI век (МП21), которое используется для обозначения сети местных или локальных стратегий устойчивого развития. Можно выделить два основных подхода к рассмотрению этого понятия, первый из них основан на паритете трех компонентов устойчивости: экономического, экологического и социального, второй предполагает определение приоритетов при оценке этих компонентов, отдавая предпочтение, к примеру, экологической или социальной сфере.

Рассматриваемая стратегия (СУР) в последние десятилетия стала очень популярной практически во всех странах мира. Это объясняется тем, что она представляет собой единственно правильный, разумный путь общественного прогресса, кроме того, данная стратегия в известном смысле наднациональна, надидеологична. В странах Европы накоплен значительный опыт разработки и реализации стратегий УР, и задачей данной статьи является следующее: 1) проанализировать данные документы в ряде некоторых государств Западной и Восточной Европы; 2) выявить национальные особенности в подходах к данной стратегии; 3) обобщить опыт разработки и реализации СУР в Беларуси на местном уровне.

Обратимся к опыту, накопленному в этой сфере в Германии. Развитие сельских территорий в этой стране основано на: 1) стратегических директивах Евросоюза, которые отражают основные, с точки зрения Европы, задачи, цели и концепции, необходимые действия; 2) национальной стратегии, где анализируется экономическая, структурная, экологическая и социальная ситуация сельских территорий и потенциала их развития, содержится общая стратегическая концепция, приоритеты, содержатся основные цели и индикаторы оценки, определяются меры государственной поддержки и распределяются средства по региональному принципу. Основные направления развития национальной стратегии в Германии – это: а) повышение конкурентоспособности, освоение новых источников дохода, создание рабочих мест; б) улучшение уровня образования, квалификации и инновационного потенциала; в) охрана окружающей среды, природы, флоры и фауны; г) сохранение и развитие культурных ландшафтов; д) улучшение качества жизни. Важным компонентом в структуре стратегических документов являются «Программы развития федеральных земель», которые акцентируют внимание на изготовлении продукции из возобновляемого сырья, сохранение биологического разнообразия, на агроэкологическом производстве, диверсификации сельской экономики, развитии туризма.

Самое поучительное и достойное подражания в германском опыте – это, на наш взгляд, сформировавшаяся в этом обществе процедура разработки стратегических документов. Она базируется на следующих основаниях: принцип «снизу – вверх»; партнёрство органов власти, частных лиц и отраслевых профсоюзов; учёт

потребностей, ожиданий и потенциала местного населения; обсуждение на совещаниях представителей федерации и федеральных земель (свыше 30-ти партнёров); размещение проектов на сайте; рассмотрение поправок, предложений, корректировка документов. Порядок разработки документов таков, что в ней активное участие принимает значительное число субъектов. Это общественные организации, представители бизнеса, государственные чиновники, СМИ, активные и заинтересованные граждане. Данный подход является гарантом качества и жизненности документа, условием того, что он будет реализовываться на практике.

Обратимся к нашей соседке Латвии. В этой стране существуют следующие типы стратегических документов: 1) долгосрочные плановые документы: на национальном уровне – «Стратегия устойчивого развития Латвии (на период 25 лет)»; на региональном уровне – планы пространственного развития (на период 20 лет); на местном уровне – муниципальные планы пространственного развития (на период 12 лет); 2) среднесрочные плановые документы: Национальный план развития, секторальные (отраслевые планы), программы развития регионов (на период 7 лет), программы развития местных муниципалитетов; 3) краткосрочные плановые документы: стратегии развития организаций, бюджетное планирование.

В стратегических латышских документах определены следующие приоритеты развития. Это: эффективный менеджмент ресурсов, создание и укрепление национальной идентичности, культуры и творчества, использование человеческого, интеллектуального, творческого капитала, сохранение биологического разнообразия, использование возобновляемых источников энергии, использование положения столицы: «Латвия как «зелёная» страна», «Рига как важный крупный город Северной Европы». Обращает на себя внимание тот факт, что в числе приоритетов находится такой фактор, как укрепление национальной идентичности граждан Латвии, государства, в котором значительная часть населения не относится к титульной нации, и где не в полной мере решена проблема статуса этой части общества.

Стратегическое планирование в Российской Федерации представлено Федеральной целевой программой «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года». Её государственные заказчики - Министерство сельского хозяйства и Министерство культуры РФ. В данном документе определены следующие основные цели: повышение уровня и качества жизни сельского населения; создание комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности; замедление процессов депопуляции и стабилизация численности сельского населения; содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе; создание благоприятных условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций и задач территориального развития; формирование позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни; активизация участия граждан, проживающих в сельской местности, в реализации общественно значимых проектов. На уровне субъектов федерации разрабатываются Подпрограммы устойчивого развития в регионах (Иркутская область, Алтайский край, Краснодарский край, Карелия, Татарстан и др.). Более конкретные документы составляются на муниципальном уровне, это мероприятия по реализации Программы.

Стратегическое планирование развития сельских территорий в Казахстане также носит многоуровневый характер. Глобальные принципы и подходы изложены в «Стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года» и «Концепции перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы».

Выделяя основные проблемы сельских территорий, казахские стратеги называют следующие: инфраструктурное развитие; образование, здравоохранение; водоснабжение; квалификация кадров; доходы социальных групп населения; занятость сельского населения. В их числе находится проблема переселения жителей из районов с низким потенциалом и экологическими проблемами в другие более благоприятные регионы, что в какой-то степени отличает стратегическое планирование в Казахстане от подобного процесса в других странах.

Не претендуя на обзор стратегических документов в общегосударственном масштабе в Украине, остановимся только на одном из них – «Стратегии социально-экономического развития г. Донецка на период до 2020 года». В нём была сформулирована достаточно амбициозная генеральная цель – достижение европейских стандартов по показателям уровня и качества жизни населения. Стратегия Донецка предполагала следующие ожидаемые эффекты от её реализации. Это – стабилизация демографической ситуации в городе, увеличение продолжительности жизни населения; постоянное и устойчивое снижение доли малоимущих в обществе, увеличение представительства среднего класса; обеспечение устойчивого роста экономического потенциала города не только за счёт инвестиций, но вследствие активизации человеческого фактора; активизация гражданского политического участия населения, формирование и развитие институтов гражданского общества; сохранение и повышение авторитета города как одного из крупных городов Украины, столицы шахтёрского края, успешно реализующего стратегию устойчивого развития. Очень знаменателен тот факт, что в перечне ожидаемых эффектов от реализации стратегии находился следующий – «преодоление большинством населения чувства социальной растерянности, дискомфорта, обретение душевного благополучия и веры». Показательно, что относящийся к сфере сознания, мировоззрения и психологии фактор был приравнен к факторам экономическим. Оценивая нынешнюю катастрофическую ситуацию в Донецке, следует признать, что устойчивое развитие любой территории невозможно без политической стабильности, без нормального функционирования всех институтов государственной власти.

Республика Беларусь также уже приобрела некоторый позитивный опыт стратегического планирования в своих регионах. Началом работы в области устойчивого развития в нашей стране явились подготовка и участие в международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Йоханнесбурге. Были подписаны итоговые документы саммита и начался постепенный процесс выполнения взятых на конференции обязательств. В результате зародились первые инициативы в области УР (Местные повестки 21). Первопроходцами в этой сфере были следующие территории и учреждения: в 1999 г. – детский реабилитационно-оздоровительный центр «Надежда» в Вилейском районе и г.п Туров, Первомайский р-н г. Минска, пос. Копаткевичи Петриковского р-на, г. Дзержинск и г. Фаниполь, школа № 12 г. Новополоцка. В 2001 г. представительство ООН в РБ софинансировало проект «Разработка и реализация Национальной стратегии устойчивого развития РБ на период до 2020 года». Активно изучался опыт стратегического планирования стран-соседей (Польша, Литва, Эстония), а в 2004 г. был разработан «Стратегический план устойчивого развития г. Минска на период до 2020 года».

Начало стратегического планирования в сельской местности было положено в 2005 г. в г. Дисна, где был разработан документ «Стратегия устойчивого развития Дисненского края» — первая в Беларуси Местная повестка для сельского региона, а в

2006 г. вышло второе издание документа, переработанное и дополненное. Разработка СУР в самом маленьком городе Беларуси позволило этой территории добиться целого ряда успехов. Были проведены обучающие мероприятия экспертами из Беларуси, Эстонии, Польши, Швеции, Италии, Великобритании, Германии, получил развитие сельский туризм, стало обычным явлением регулярное посещение Дисны группами шведских туристов. Были установлены побратимские связи со шведским островом Готланд и создан музей «Из варяг в греки».

Создание целого ряда локальных СУР в Беларуси привело к тому, что в стране появились свои национальные эксперты в этой области, которые выработали методику подготовки такого рода документов, их содержание и структуру. Как правило, он состоит из следующих компонентов: введение, общее описание территории, декларация принципов, образ желаемого будущего, анализ устойчивости развития по проблемным областям, цели и задачи, план первоочередных действий. Определились принципы работы над стратегиями, в числе которых природоохранный императив, системность, комплексность, целевая ориентация, партнёрство и равенство поколений. Накопленный методический опыт, созданный в Беларуси собственный экспертный потенциал в совокупности с местными инициативами, поддержкой государственных структур и различных зарубежных фондов, привели к тому, что в республике за относительно короткий период было создано свыше пяти десятков СУР в сельских регионах. Особенность этих документов состоит в том, что, во-первых, они были разработаны при активном участии инициативных местных жителей, во-вторых, стратегии учитывали локальные особенности территорий, своеобразие их социально-экономического и историко-культурного потенциала. В итоге, применяя общепринятые методики и принципы разработки СУР, авторы местных стратегий проявили творчество и создали оригинальные документы, каждый из которых неповторим, имеет свою собственную изюминку. Обратимся к конкретным примерам и выделим это имеющееся своеобразие.

1. Стратегия устойчивого развития города Барань интересна тем, что в её реализацию вовлечены общины четырёх существующих там религиозных конфессий.

2. Местная повестка на XXI век для города Чаусы и Чаусского района ориентирована на особое внимание к визуальной среде города, изменение облика города с учётом принципов видеоэкологии.

3. Стратегия устойчивого развития посёлка Глуша Бобруйского района построена на использовании личности земляка — знаменитого писателя Алесея Адамовича, на производстве экологических продуктов.

4. Стратегия устойчивого развития деревни Залесье акцентирована на восстановление усадьбы Огинского и её использование для «раскрутки» деревни.

5. Ядром концепция устойчивого развития города Лиды и Лидского района является создание в Лиде высшего учебного заведения.

6. Стратегия устойчивого развития Свирского поселкового совета опирается на инкубатор малого предпринимательства в деревне Комарово, акцентирована на развитие профессионального образования.

7. Местная повестка — 21 в гимназии №19 г. Минска сфокусирована на экологическом образовании и воспитании.

8. Стратегия устойчивого развития Белоозёрского сельского совета построена на партнерстве с ГПУ «Республиканский биологический заказник «Споровский» и опирается на потенциал работающего там инфоцентра по УР.

9. Стратегия устойчивого развития Выгонощанского сельского совета удачно сочетает использование имеющегося там богатого природного и культурно-исторического потенциала.

10. Стратегия устойчивого развития Видомлянського сельского совета опирается на развитие событийного туризма, на потенциал трансграничного партнерства и работающего в Видомле информационного центра по УР, агротуризму и сельскому предпринимательству.

Таким образом, обзор разработанных в последние годы в нашей стране стратегических документов, ориентированных на устойчивое развитие сельских территорий, показывает, что институты гражданского общества, местные инициативы могут быть серьезным фактором, катализатором успешного социально-экономического развития сельских территорий, нашего государства в целом.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Е.Н. Григорович, А.В. Климович

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Размышляя о влиянии современного научно-технического прогресса на различные стороны человеческой жизни, следует обратить особое внимание на тенденцию нивелирования личности. Известно, что ускоренное развитие техногенной цивилизации делает весьма сложной проблему социализации и формирования личности. Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, традиции, заставляет человека жить в разных культурах, приспосабливаться к постоянно обновляющимся обстоятельствам. Технические возможности человека начинают расти быстрее его миропонимания, материальная сторона бытия эволюционирует быстрее его духовной составляющей, что ведёт, в том числе, к существенному изменению в системе ценностей. Особое значение в таких условиях приобретает проблема идентичности.

Для стабильности, устойчивости любого социума важную роль наряду с экономикой играет духовная составляющая: наличие системы духовно-нравственных ценностей и идентификация социальных групп и слоёв с этими ценностями.

В любом обществе на каждом конкретном этапе его исторического развития существует набор ценностных приоритетов, которые позволяют поддерживать социальный порядок, регулировать социальные отношения, создают чувство сообщества. Безусловно, они не могут разделяться всеми членами общества, однако поскольку их придерживается большинство, то названные ценности можно рассматривать как нормативные ориентиры, ценностное ядро социума. Отсюда вытекает следующая важная социокультурная задача: конструирование идентичности – национальной, религиозной, культурной. Как пишет белорусский социолог, профессор Титаренко Л.Г.: «На уровне больших социальных групп важны ценности, которые сплачивают людей и делают общество стабильным, устойчивым. Это ценности стабильности, социальной безопасности, социального обеспечения, равенства и справедливости. Эти ценности, судя по результатам национальных опросов граждан Беларуси, имеют высокий рейтинг в современном обществе, поэтому государство, создавая и поддерживая условия для достижения указанных ценностей, одновременно создает условия для того, чтобы население идентифицировало себя с другими по сходным признакам» [1].

Так, например, абсолютное большинство опрошенных нами в 2010 году студентов 4 курса БрГУ имени А.С. Пушкина самоидентифицируется именно как «человек» (не представитель нации, религии и семьи). Для жизни как ценности у студентов 4 курса очень важна материальная стабильность, а не хорошее образование, интеллект или религиозная вера (причём последние практически уравниваются в своей незначимости). Проведенные в 2015 году социологические исследования среди студентов 2 курса показали почти те же результаты – студенты в большей мере идентифицируются как «человек», на втором месте – позиция – «сын (дочь) своих родителей».

Если ценности определяют поведение индивида, то идентичность является важной с точки зрения его представлений о себе и других. У каждого человека есть представление о себе как индивиде, о себе как члене социальных, национальных, религиозных, культурных и иных коллективов. Одни идентичности являются более значимыми для человека, другие менее важными, но все они влияют на его поведение. Безусловно, национальная или половая идентичность будет более значима для индивида, нежели идентичность его как поклонника конкретной спортивной команды, но и в том и в другом случае механизм формирования идентичности включает некоторые общие ценности, вокруг которых строятся социальные группы.

Проблема современного общественного развития, на наш взгляд, заключается в том, что современные ценности перестают быть устойчивыми, а идентичности – очевидными. Постепенно уходит в прошлое оптимистическое видение современного прогресса, пошатнулась вера в возможность рационального преобразования мира. Уже к середине прошлого века мыслящее человечество разуверилось в разуме, всё больше стало появляться теоретических доказательств иррациональности происходящих процессов, невозможности создания разумного общественного устройства. Сегодня опасная неопределённость пребывания человека в мире, исполненном событий, лишь усиливается. И события эти не поддаются объяснению, выходят за рамки здравого смысла, абсурдны по силе своей жестокости. (например, террористические акты).

Нельзя не упомянуть и о тенденциях социокультурного развития современного общества, характеризующегося многовекторностью и мультикультурностью. Индивид всё чаще оказывается перед выбором между несколькими возможными путями развития и альтернативностью позиционирования себя в поликультурном пространстве. Понятие альтернативности указывает не только на наличие вариантов идентификации человека на каком-то культурном основании. В условиях нарастающего вала неопределённости все чаще возникают ситуации риска, порождённые неадекватностью принимаемых субъектом решений.

Существенным фактором современного социального развития стала революция в сфере коммуникации, связанная с появлением интернет-технологий, расширивших возможности получения и передачи информации. Широкое распространение современных средств массовой коммуникации привело к тому, что информация стала более доступной, более полной и менее централизованной. Благодаря интернету индивид сегодня получает возможность для приобщения к разнообразным культурным ценностям, а также для самостоятельного культурного производства. Вместе с тем существуют угрозы информационной безопасности, есть опасность получения ложной информации, распространения клеветы, порнографии и многое другое. Может возникнуть реальная угроза принятым в обществе моральным ценностям, целост-

ности наций, социальных групп, индивидов. Таким образом, возникает дилемма между свободой самовыражения и риском утраты моральных ценностей и идентичностей.

Социокультурный смысл научно-технического прогресса заключается в том, что он становится средством, изменяющим самого человека, создающим проблему человека в мире техники. Техника расширяет человеческие возможности, создает условия для развития творческих способностей личности. Такими смыслами техника вписывается в культурное пространство.

Но вместе с тем есть и другие аспекты проблемы «техника – человек». Современная компьютеризация, воздействуя на интеллектуально-духовную жизнь личности, превращает разум в кибернетический, прагматически ориентированный рассудок, утрачивающий образную, эмоциональную окрашенность мышления и общения. Деформируются духовные коммуникации, связи, ценности, превращаясь в анонимную информацию, рассчитанную на усредненного потребителя. Общество лишается диалога в общении, возникает «дефицит человечности». Так, если выстраивать культурно-технологический исторический ряд по Маршаллу Маклюэну, то мы увидим такую последовательность слов, обозначающих этапы развития: «читатель» – «слушатель, зритель» – «пользователь». На каждом из этих этапов человек мог быть и активным, и пассивным. Но человек читающий – это и ученик, и соразмыслитель, которому присуще и сотворчество. «Слушатель, зритель» более пассивен и впечатлителен, а стало быть, впечатляем. Человек-пользователь имеет огромные возможности для соучастия (интерактива), ему предоставляется небывалая прежде степень свободы в обмене информацией, мнениями (через блог президента, например). Радио и телевидение теперь просто вынуждены развивать интерактив в своих программах. Но в то же время всё это может использоваться, несомненно, и как средство тотального «промывания мозгов» по воле тех, кто имеет средства активно влиять на состав и структуру сети Интернет и средств массовой информации. Парадоксально, но факт: ведь именно пользователи глобализаторского по сути Интернета объединились в известное движение антиглобалистов.

Так и согласно проведённым кафедрой философии БрГУ имени А.С. Пушкина исследованиям среди студентов выяснилось, что более всего на формирование их мировоззрения влияет не Интернет (хотя 25% опрошенных свободное время просиживают там), а семья и окружение, друзья – до 65% опрошенных убеждены в этом. Основным источником информации для студентов 1-го курса выступает телевидение. В целом для 39,9% молодых людей, принявших участие в анкетировании, свободное время занято телевизором. Хорошо видна значительная разбежка в предпочтениях между студентами гуманитарных и естественных специальностей. Эта разница, однако, ещё более возрастает, если учесть, что студенты-естественники значительно больше проводят времени у компьютера. Этот показатель структуры досуга чрезвычайно важен для исследований ценностного ориентирования современного человека. Электронные средства информации имеют тотальное превосходство над традиционными источниками, и именно они становятся факторами становления мировоззрения молодых людей. Речь в таком случае может идти об изменении базовых личностных и культурных характеристик современного человека, а значит, и общества.

С другой стороны – «человек сетевой» превращается в одно из программно-аппаратных средств виртуального пространства, которое, в свою очередь, имеет

широкие возможности для манипуляции им. Это вопрос ещё об одной ценности – свободе. Свобода и несвобода в глобальных сетях, таким образом, складываются в некую антиномию.

Рыночные экономические отношения, утверждающиеся сегодня в белорусском обществе, коренным образом изменили сознание людей. Приходится констатировать обесценивание некоторых традиционных духовных ценностей. Вместе с тем ценности подвержены изменениям значительно медленнее, нежели поведенческие установки большинства населения. Новые ценности, преимущественно ориентированные на ценности раннего буржуазного общества, зачастую оказываются неприемлемыми славянскому характеру белорусов, белорусскому менталитету. Конкретный индивид, будучи существом динамическим, противоречивым, а не просто претерпевающим изменения в силу определённых требований, критически относится к навязываемой системе ценностей. Известно, что исторически сложившаяся поликонфессиональность является отличительной чертой Беларуси, обусловленной геополитическим положением страны. При этом белорусские социологи в течение последних десяти лет отмечают, что разные конфессиональные направления удовлетворяют потребности различных социально-демографических групп. Большинство опрошенных видят социальную роль и ценность религии в том, что она способствует нравственному улучшению людей и помогает сохранить культуру и традиции. Для большинства населения ценность религии определяется не столько её специфическими духовно-интеллектуальными способностями, сколько тем, что религия выступает некой формой накопления, сохранения и трансляции культурного наследия (как основы интеграции нации) и нравственного опыта общества. Речь идет о двух неспецифических для религии социальных функциях: её способности интегрировать людей посредством общих верований, а также регулировать их нравственное поведение.

Действительно, сегодня в нашем обществе существует достаточно высокий уровень ожиданий по отношению к религии, прежде всего как к силе, интегрирующей общество, и как к носительнице общественной нравственности. Но какую роль действительно религия играет в формировании системы ценностей, в процессе идентификации личности? Уже в рамках проводившегося нами с 2005 по 2010 годы социологического исследования выяснилось, что опрошенные студенты, признавая себя религиозными людьми, очевидно, таковыми в действительности не являются, так как одновременно с верой в Бога полагают возможным для себя признание возможности существования магии, колдовства и так далее. Исследования второкурсников в 2015 года показали, что большинство из них считают себя верующими людьми, но не соблюдающими в полной мере предписания своей религии (до 95% респондентов на некоторых факультетах университета). Только 6,5% опрошенных безразлично относятся к религии. Но при этом наши респонденты (до 70% на отдельных факультетах) полагают, что не религия, а наука является главным фактором формирования современной культуры и мировоззрения человека.

Список цитированных источников

1. Титаренко, Л.Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития / Л.Г. Титаренко // Философия и социальные науки. – 2010. – №4. – С. 25.

USTAWA ŚMIECIOWA – SUKCES CZY PORAŻKA. PRZYKŁAD GMINY WASILKÓW

Jarosław Zalejski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Wstęp

Od wprowadzenia w życie znowelizowanej Ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach mija dwa lata. Zgodnie z Ustawą gminy mają obowiązek odbierania odpadów komunalnych od właścicieli nieruchomości. Już w okresie tworzenia prawa miejscowego dotyczącego Ustawy pojawiło się wiele problemów z implementacją (tak w samorządach, jak i ze strony mieszkańców). Kontrowersje związane były z wysokością stawek opłat oraz brakiem klarownych interpretacji nowego prawa, dlatego wiele gmin nie zakończyło procedury wdrożenia systemu do 1 lipca 2013 roku. Ustawodawca, widząc pewne ograniczenia Ustawy, znowelizował ją dwukrotnie, tzn. już w 2013 roku i 2014 (konsekwencja wyroku Trybunału Konstytucyjnego¹⁵).

Analizując stan prawny i wdrożenie Ustawy, Autor opracowania przyjął do weryfikacji następujące hipotezy:

- przepisy prawne do 2012 roku niewłaściwie regulowały gospodarkę odpadami komunalnymi, co powodowało, że system gospodarki odpadami w Polsce nie był sprawny;
 - błędy wynikające ze znowelizowanej Ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach z 2012 roku oraz Rozporządzeń Rady Ministrów z nią związanych stanowią przyczynę konfliktów w relacji samorząd – mieszkańcy;
- niedostateczna polityka informacyjna, związana z wprowadzeniem zmian dotyczących gospodarki odpadami komunalnymi, wynikająca z Ustawy z 2012 roku (dotyczy to zarówno samorządów, jak właścicieli nieruchomości).

2. Główne założenia Ustawodawcy

Zgodnie z treścią znowelizowanej Ustawy utrzymanie czystości i porządku w gminie należy do jej zadań własnych (rozdz.2, art. 3 Ustawy). W praktyce oznacza to, że to właśnie gminy są odpowiedzialne między innymi za wywóz odpadów komunalnych od właścicieli nieruchomości, na których zamieszkują mieszkańcy. Oczekiwane efekty to: ograniczenie wywozu odpadów w sposób niekontrolowany, objęcie systemem wszystkich mieszkańców gminy, zmobilizowanie mieszkańców do segregowania odpadów poprzez ustalenie odpowiedniej wysokości opłat. Założeniem Ustawodawcy jest uzyskanie poziomu recyklingu do dnia 31 grudnia 2020:

- papier, szkło, tworzywa sztuczne, metale – do poziomu co najmniej 50% wagowo;
- odpadów budowlanych i rozbiórkowych w wysokości co najmniej 70% wagowo (rozdz.2, art. 3b Ustawy).

Ograniczenia masy odpadów komunalnych ulegających biodegradacji przekazywanych do składowania:

- do dnia 16 lipca 2013 - do nie więcej niż 50% wagowo całkowitej masy odpadów komunalnych ulegających biodegradacji przekazywanych do składowania;
- do dnia 16 lipca 2020 – do nie więcej niż 35% wagowo całkowitej masy odpadów komunalnych ulegających biodegradacji przekazywanych do składowania (rozdz. 2, art. 3c Ustawy).

¹⁵Zastrzeżenia dotyczyły braku maksymalnej stawki opłaty oraz swobody rady gminy w zwolnieniach podatkowych.

Jako podstawę naliczania opłaty od nieruchomości zamieszkiwanych gmina może przyjąć:

- liczbę mieszkańców zamieszkujących daną nieruchomość,
- ilość zużytej wody,
- powierzchnię lokalu mieszkalnego.

Po nowelizacji Ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach z dnia 25 stycznia 2013 roku można łączyć sposoby naliczania opłat. W przypadku gospodarstwa domowego może to być również jedna stawka od całego gospodarstwa domowego (samorządy uchwalając prawo miejscowe do końca 2012 roku, zgodnie z wytycznymi, nie uwzględniały tego rozwiązania z wyjątkiem Gminy Wasilków).

W sytuacji, gdy gmina nie wywiązuje się ze swych obowiązków w zakresie wywozu odpadów, właściciel nieruchomości jest zobowiązany do przekazania odpadów komunalnych na koszt gminy, podmiotowi odbierającemu odpady komunalne od właścicieli nieruchomości (podmiot ten musi być wpisany do rejestru działalności regulowanej, o której mowa w Ustawie).

Zadaniem gminy jest także wskazywanie punktów prowadzenia zbiórek zużytego sprzętu elektrycznego i elektronicznego. Do obowiązków gminy należy również określenie wymagań wobec osób utrzymujących zwierzęta domowe w zakresie bezpieczeństwa i czystości w miejscach publicznych.

Zadaniem Rady każdej gminy jest ustalenie regulaminu (rozdz.2, art.4 Ustawy), w którym określi obowiązujące zasady zapewniające utrzymanie czystości, a tym samym wypełnienie przez gminę nałożonych na nią obowiązków (gmina może w nim obciążyć właścicieli nieruchomości dodatkowymi obowiązkami, które będą obowiązywać)

3. Podstawowe normy prawne

System gospodarki odpadami w Polsce jest regulowany przez:

- dyrektywy UE,
- 75 ustaw regulujących zagadnienia,
- 140 rozporządzeń RM i Ministrów,
- akty prawa miejscowego stanowione przez Sejmiki Wojewódzkie i Rady Gmin (powiatom nie przydzielono zadań).

Najważniejsze uregulowania dotyczące gospodarki odpadami:

- Ustawa z dnia 13 września 1996 r. o utrzymaniu czystości i porządku w gminach (Dz. U., 2005, nr 236, poz. 2008 z późn. zm.) zmieniona ustawą z dnia 1 lipca 2011 r. o zmianie ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach oraz niektórych innych ustaw (Dz. U., 2011, nr 152, poz. 897 z późn. zm.);

- Ustawa z dnia 14 grudnia 2012 r. o odpadach (Dz. U., 2013, poz. 21); data wejścia w życie - 23 stycznia 2013 roku;

- Ustawa z dnia 25 stycznia 2013 r. o zmianie ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach została opublikowana w Dz. U., 2013, poz. 228 z 19 lutego 2013 r.;

- Ustawa z dnia 28 listopada 2014 o zmianie Ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach oraz niektórych innych ustaw (Dz. U., 2015, poz. 87), data wejścia w życie - 1.02.2015. (Ustawa miała na celu wykonanie orzeczenia Trybunału Konstytucyjnego (wyrok TK z dnia 28 listopada 2013 roku, K 17/12);

- Wojewódzki Program Gospodarki Odpadami - akt prawa miejscowego (w woj. podlaskim Sejmik przyjął Uchwałę Nr XX/233/12 w dniu 21 czerwca 2012 wraz z późn. zm.) Jest to podstawowy akt który reguluje gospodarkę odpadami w województwie. Wszelkie działania i wykonywanie zadań w gminach musi być z nimi zgodne.

4. Proces wprowadzenia i obsługi systemu gospodarowania odpadami komunalnymi w Gminie Wasilków

Kalendarium wprowadzenia w życie Ustawy w Gminie Wasilków:¹⁶

- uchwała w sprawie wyboru metody ustalenia opłaty za gospodarowanie odpadami oraz ustalenia stawki tej opłaty (11 październik 2012); Uchwała była jedną z pierwszych w woj. podlaskim a przyjęcie kryterium opłat ze względu na gospodarstwo domowe było próbą weryfikacji zgodności Uchwały z obowiązującą Ustawą (umożliwiła przyjęcie stawki opłaty na mieszkańca, zużycie wody czy też powierzchnię zajmowanego lokalu). Uchwała została uznana za zgodną z prawem a wiele gmin zaczęło wzorować się na przyjętych założeniach w Gminie Wasilków. Stawki przyjęte w Uchwale obowiązywały od lipca do września 2013 roku, ponieważ Uchwała z czerwca 2013 roku wprowadziła zmiany obowiązujące od czwartego kwartału 2013 roku;

Tabela.1 – Wysokość stawek za odpady komunalne w Uchwale Rady Miejskiej (październik 2012)

Rodzaj opłat	Liczba osób w gospodarstwie domowym		
	1-2 osoby	3-5 osób	od 6 osób -
stawka za odpady niesegregowane	40 zł	70 zł	100 zł
stawka za odpady segregowane	20 zł	35 zł	50 zł

Źródło: opracowanie własne uwzględniające informacje uzyskane w Urzędzie Gminy Wasilków

- uchwała w sprawie przyjęcia programu osłonowego wsparcia rodzin wielodzietnych (grudzień 2012);
- kampania informacyjna na temat systemu odbierania odpadów komunalnych od mieszkańców w Gminie (luty– marzec 2013) – każde gospodarstwo domowe otrzymało biuletyn informacyjny na temat zmian w gospodarowaniu odpadami;
- dystrybucja i zbieranie deklaracji o wysokości opłaty za gospodarowanie odpadami komunalnymi (luty – maj);
- odrzucenie uchwały w sprawie zmiany metody ustalenia opłaty za gospodarowanie odpadami oraz ustalenia stawki tej opłaty (kwiecień 2013) – uchwała była konsekwencją protestu dotyczącego zbyt wysokich stawek opłat za odpady komunalne, który zainicjowała grupa radnych z opozycji (zebrano ponad tysiąc podpisów mieszkańców Gminy);
- przetarg na odbiór odpadów komunalnych od właścicieli nieruchomości (maj 2013) – wygrała firma ASTWA z Białegostoku (kwota związana z kosztem obsługi odbioru odpadów wynosiła 42 618 zł miesięcznie);
- uchwała (dotycząca zmiany stawek za odpady komunalne) w sprawie wyboru metody ustalenia opłaty za gospodarowanie odpadami komunalnymi oraz ustalenia stawki tej opłaty (27 czerwca 2013);

¹⁶Informacje uzyskane od kierownika ds. inwestycji w Urzędzie Gminy Wasilków oraz wynikające z doświadczenia autora publikacji (w latach 2010 -2014 radny w Gminie Wasilków, od 2012 roku Przewodniczący Rady Miasta Gminy Wasilków).

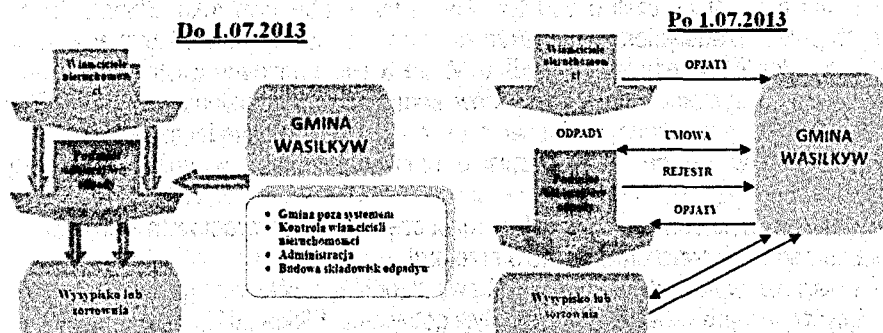
Tabela.2 – Wysokość stawek za odpady komunalne w Uchwale Rady Miejskiej (czerwiec 2013)

Rodzaj opłat	Liczba osób w gospodarstwie domowym		
	1 osoba	1-3 osób	od 4 osób -
stawka za odpady niesegregowane	14 zł	28 zł	48 zł
stawka za odpady segregowane	7 zł	14 zł	24 zł

Uchwała w sprawie programu osłonowego dla rodzin wielodzietnych straciła swoją moc obowiązywania

Źródło: opracowanie własne uwzględniające informacje uzyskane w Urzędzie Gminy Wasilków

- umowę na obsługę tzw. PSZOK podpisano ze Związkiem Gmin „Czyste Środowisko” – miesięczna opłata została ustalona na poziomie 3 200 zł;
- we wrześniu 2012 roku firma ASTWA wypowiedziała umowę dotyczącą odbioru odpadów komunalnych na terenie Gminy Wasilków (trzy miesięczne wypowiedzenie);
- przetarg na odbiór odpadów komunalnych od właścicieli nieruchomości (grudzień 2012) – wygrała firma Czyścioch z Białegostoku (kwota związana z systemem obsługi systemu odbioru odpadów komunalnych wyniosła 78 083 zł miesięcznie). Umowa została podpisana na okres dwóch lat (od stycznia 2013 do grudnia 2015).

Rys.1 – System gospodarowania odpadami w Gminie Wasilków (przed i po 1 lipca 2015 roku)
Źródło: opracowanie własne

Z deklaracji złożonych przez mieszkańców wynika, że w 2014 roku powinno wpłynąć na konto Urzędu Gminy na obsługę systemu 889 859 zł, natomiast wpłynęło 910 000 zł (związane to było z późniejszymi wpływami płatności od mieszkańców za 2013 rok). W 2014 roku około 93% gospodarstw domowych uregulowało płatności związane z odbiorem odpadów komunalnych w Gminie. Koszt obsługi systemu gospodarki odpadami komunalnymi przez Gminę Wasilków w 2014 roku wyniósł 1 121 000 zł (biorąc pod uwagę zaoszczędzone środki za 2013 rok, ponieważ opłaty za trzeci kwartał 2013 roku były wyższe, co związane było ze stawkami obowiązującymi na mocy pierwszej Uchwały Rady Miejskiej). Zgodnie z informacją uzyskaną w Urzędzie Gminy koszt obsługi systemu zbilansował się na koniec 2014 roku (pozostało 10 000 zł po półrocznym działaniu systemu). Planowane koszty na 2015 rok wyniosą około:

- 937 000 zł – koszt obsługi przez firmę Czyścioch,

- 38 900 zł – koszt obsługi PSZOK,
- dodatkowo koszty administrowania systemem.

Jak wynika z analiz pracowników odpowiedzialnych za administrowanie systemem na koniec 2015 roku powstanie deficyt około 200 000 zł. Burmistrz oraz Rada Miejska biorą pod uwagę zmiany stawek opłat za odbiór odpadów komunalnych, co związane jest z pozyskaniem środków na zbilansowanie systemu.¹⁷

Warto podkreślić, że wiele gmin nie kontroluje odbioru odpadów¹⁸. Nie inaczej jest w Gminie Wasilków, gdzie faktycznie nie ma kontroli firmy odbierającej odpady. Firma odbierająca odpady także nie weryfikuje segregowania odpadów przez mieszkańców¹⁹.

W 2014 roku 7% gospodarstw domowych w Gminie Wasilków nie uregulowało opłaty za gospodarowanie odpadami komunalnymi. Zgodnie z obowiązującymi w 2014 roku przepisami organem egzekucyjnym opłat za gospodarowanie odpadami był Burmistrz Wasilkowa. Znowelizowana Ustawa z 28 listopada 2014 roku przywróciła zasady ogólne, w myśl których organem egzekucyjnym jest naczelnik urzędu skarbowego i prezydenci niektórych miast. Ustawa umożliwia jednak utrzymanie windykacji w gestii samorządu, jednak musi być w tej sprawie podpisane odpowiednie porozumienie z urzędem skarbowym (Gmina Wasilków nie ma podpisanego porozumienia, dlatego Burmistrz ma obowiązek przekazania akt właściwemu organowi do egzekucji, czyli naczelnikowi urzędu skarbowego).

5. Zakończenie

Generalnie skutki wprowadzenia Ustawy utrzymania czystości i porządku w gminie należy ocenić pozytywnie. Jak szacuje GUS, „w 2013 roku z gospodarstw domowych zebrano 7,1 mln ton śmieci, czyli o 300 tys. więcej niż w ubiegłym roku. Zbiórka śmieci wytwarzanych przez przedsiębiorstwa (a także zebranych z ulic czy parków) zmniejszyła się o ponad 400 tys. ton²⁰. Należy jednak podkreślić, że w wielu gminach wystąpiły problemy ze zorganizowaniem systemu odbioru odpadów komunalnych i ustaleniem stawek. Stan wprowadzenia Ustawy przez gminy na koniec czerwca 2013 roku wyglądał następująco:²¹

- na 2479 gmin w Polsce 1763 podpisało umowy z firmami wywożącymi odpady komunalne,
- w 499 gminach wyłoniono wykonawców i rozpoczęto proces przygotowania umów,
- 195 samorządów dopiero organizowało przetargi.

Gmina Wasilków wprowadziła zapisy Ustawy zgodnie z wytycznymi, tzn. wszystkie procedury dotyczące wprowadzenia systemu były gotowe na 1 lipca 2013 roku.

Przedstawiona analiza wdrożenia oraz realizacji działań związanych z gospodarką odpadami komunalnymi w Gminie wykazała pewne problemy, które wynikały z ograniczeń Ustawy oraz niskiego poziomu polityki informacyjnej służb na szczeblu rządowym. Do najważniejszych należy zaliczyć:

- nowelizację Ustawy w 2013 i 2014 roku;
- harmonogram wprowadzenia Ustawy w życie (brak mechanizmów kontroli władz centralnych w odniesieniu do wprowadzanej Ustawy). Gmina Wasilków uchwaliła, w opinii

¹⁷Informacje uzyskano w wywiadzie swobodnym z pracownikiem Urzędu Miejskiego w Wasilkowie, który jest odpowiedzialny za działanie systemu gospodarki odpadami.

¹⁸www.administrator24.info/artykul/id7180,co-druga-gmina-nie-kontroluje-odbioru-odpadow,stan z dnia 25.04.2015.

¹⁹Autor publikacji był Przewodniczącym Rady Miejskiej w Gminie Wasilków do 16.listopada 2014.

²⁰www.administrator24.info/artykul/id7291,grzebanie-w-smieciach,stan z dnia 23.04.2015.

²¹www.biznes.onet.pl/premier-musimy-sie-solidarnie-nauczyc-lepszej-utyl,18493,5551121,5535500,474,1,news-detaj,stan z dnia 26.04.2015.

Autora, zbyt szybko prawo miejscowe (choć zgodnie z harmonogramem, tzn. do końca 2012 roku), które było następnie nowelizowane na skutek zmian w Ustawie i konfliktu na linii samorząd – mieszkańcy. Wiele gmin uchwaliło prawo miejscowe (bez żadnych konsekwencji) po okresie wyznaczonym przez władze wykonawcze na szczeblu centralnym;

• brak narzędzi kontroli nad firmą obsługującą wywóz odpadów oraz na okres współpracy (wypowiedzenie umowy przez firmę po trzech miesiącach).

W opracowaniu wykazano liczne niedociągnięcia wynikające z procedowania norm prawnych związanych z gospodarką odpadami oraz komunikacji w relacji rząd-samorząd-mieszkańcy, co wskazuje na pozytywną weryfikację hipotez przyjętych we wstępie.

Pozytywnym aspektem wprowadzenia Ustawy jest objęcie systemem wszystkich gospodarstw domowych, co ma wpływ na ograniczenie wywozu odpadów na tzw. dzikie wysypiska. Praktyka działania pokazuje pewne ograniczenia w funkcjonowaniu nowego systemu, np. brak narzędzi kontroli segregowania odpadów, zrywanie umów przez firmy obsługujące wywóz odpadów na terenie gminy, co wpływa na zmiany opłat oraz problemy z egzekwowaniem płatności za wywóz odpadów.

Po dwóch latach od wprowadzonych zmian systemie gospodarowania odpadami komunalnymi trudno jest określić, czy spowodują osiągnięcie określonego w Ustawie poziomu recyklingu i ograniczenia masy odpadów przekazywanych do składowania, które wynikają z dyrektyw przyjętych przez Unię Europejską. W dużej mierze będzie to zależne od zmiany świadomości Polaków odnośnie zagrożeń wynikających z zanieczyszczenia środowiska naturalnego i ich wpływu na jakość życia.

Bibliografia

1. Ustawa z dnia 13 września 1996 r. o utrzymaniu czystości i porządku w gminach (Dz. U., 2005, nr 236, poz. 2008 z późn. zm.) zmieniona ustawą z dnia 1 lipca 2011 r. o zmianie ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach oraz niektórych innych ustaw (Dz. U., 2011, nr 152, poz. 897 z późn. zm.).

2. Ustawa z dnia 14 grudnia 2012 r. o odpadach (Dz. U., 2013, poz. 21); data wejścia w życie 23 stycznia 2013 roku.

3. Ustawa z dnia 25 stycznia 2013 r. o zmianie ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach została opublikowana w Dz. U., 2013, poz. 228 z 19 lutego 2013 r.

4. Ustawa z dnia 28 listopada 2014 o zmianie Ustawy o utrzymaniu czystości i porządku w gminach oraz niektórych innych ustaw (Dz. U., 2015, poz. 87), data wejścia w życie - 1.02.2015.

5. www.administrator24.info/artykul/id7180,co-druga-gmina-nie-kontroluje-odbioru-odpadow.

6. www.administrator24.info/artykul/id7291,grzebanie-w-smieciach.

7. www.biznes.onet.pl/premier-musimy-sie-solidarnie-nauczyc-lepszej-utyl,18493,5551121,5535500,474,1,news-detaj.

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.П. Захаревич

*Главное управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи
Брестского облисполкома, г. Брест, Беларусь*

Современный цивилизационный процесс находится в состоянии качественного перехода, когда классическая модель представления об обществе, человеке и государстве трансформируется в постклассическую. Это означает, что параметрами,

задающими модус человеческого существования, выступают взаимозависимость, открытость, готовность к коммуникации, диалогичность. Суть диалогичности – в продуктивном взаимодействии суверенных позиций, составляющих единое и многообразное смысловое пространство и общую культуру. Главное, что отличает диалогичность от монологичности – стремление к пониманию взаимоотношений различных взглядов, идей, явлений, социальных сил.

Наибольшее значение для современной культуры имеет межцивилизационный диалог. Главную роль в нем играют цивилизационное самосознание и цивилизационные (базовые) ценности. В отличие от ценностей этнической или национальной культуры, ценности цивилизации претендуют на универсальность, на разрешение фундаментальных противоречий человеческого и социального бытия, на способность объединить человечество и стать основой мировой культуры. Поэтому диалог цивилизаций – это всегда диалог об их мировоззренческих основах, первичных символах, конечных сакральных ценностях, вокруг которых объединяются сложные социокультурные системы.

С точки зрения ценностной детерминации выделяются традиционные (космогенные) и индустриальные (техногенные) цивилизации. Для цивилизаций, называемых «традиционными», характерна высокая степень зависимости от природных условий бытия. Ценностным принципом функционирования таких цивилизаций является верность сакрализованной традиции, сохраняемость биосоциальных условий жизни. С учетом данного типа ценностной детерминации традиционные общества справедливо называют космогенными. Здесь «космос, мировой порядок ориентирует смысл жизнедеятельности в обеих своих главных ипостасях: и как совокупность законов, господствующих в царстве природы, и как порядок, изначально predeterminedный человеческому общежитию» [1, с. 49]. Такая ценностная ориентация способствует стабильному функционированию социальных институтов, но в то же время становится тормозом для инновационных процессов, для свободного развития личности. В качестве иллюстрации данного положения, как правило, приводят восточные общества [2].

Западные общества, начиная с эпохи позднего средневековья, ориентируются на новую аксиологическую установку – «принцип инноваций». Здесь научно-технический прогресс становится ведущей детерминантой общественного развития; поэтому цивилизацию, возникшую в результате эволюции западных обществ, как правило, называют техногенной.

Исследователи отмечают, что на современном этапе в межкультурном диалоге преобладает западное влияние и, следовательно, основу диалога составляют ценности западной техногенной цивилизации.

Однако несмотря на то, что различные регионы мира все больше и больше применяют западные технологии, внедряют рыночную экономику, западную демократию и западную модель образования, они не становятся частью цивилизации Запада, а наоборот, мы можем наблюдать определенный конфликт между современными западными ценностями, с одной стороны, и традиционными национальными ценностями – с другой. И эта конфронтация, похоже, никогда не прекратится, поскольку ни один из участников не может быть устранен.

Отечественные и зарубежные ученые высказывают мнение, что реальным разрешением противоречий между современными и традиционными ценностями было бы объединение общих усилий и взаимодействий в решении глобальных проблем, в особенности – экологической и борьбы с международным терроризмом.

Появление общих проблем помогает по-иному посмотреть на проблему консенсуса в современном диалоге цивилизаций. Угроза глобальной экологической катастрофы заставляет осознать, что консенсус – это не просто уступки и компромиссы, это в первую очередь совместная деятельность по созданию общих ценностей и единого социокультурного пространства, в котором смогут свободно развиваться и взаимодействовать разные цивилизации. Сегодня в ответ на экологический вызов человечество вынуждено начать действовать в новом направлении, искать новые пути диалога с природой, новые ценности цивилизации.

Новый, исторически третий (по отношению к космогенному и техногенному), этап цивилизационного развития формируется на основе «сверхлокальных ценностей» (Б.С. Ерасов). Эти ценности коррелируются с обширным комплексом духовных знаний, выработанным всем человечеством и способствующим преодолению замкнутости и обособленности локальных цивилизаций. Другими словами, детерминантой третьего этапа цивилизационного развития должна стать духовность, накапливаемая и фиксируемая мировой культурой.

Духовное начало пронизывает все, что связано с человеком и его культурой; оно определяет сферу культуры особой энергией, которая придает ей способность подчинить себе материальные силы цивилизации. Материальный прогресс, обеспечивая человечеству господство над силами природы, одновременно с этим оставляет его незащищенным перед лицом развертывания техногенного наступления. Лишь благодаря духовной энергии, изначально заложенной в человеческой культуре, человечество способно противостоять натиску социоинформационных и технических сил. Очень важно понять, что человечеству не на что больше рассчитывать, кроме как на силу духа, на духовное (ценностное) возвышение человеческих потребностей и деяний.

Духовное пространство глобальной цивилизации формируется на новом уровне интегрального синтеза, превосходящем существующие формы цивилизационного развития. «Глобальный мир, – пишет И.Л. Василенко, – необходимо созидать в диалоге цивилизаций как общее пространство многогранной духовности – всегда открытое и вечно совершенствующееся в процессе понимания другого» [3, с. 18].

Однако призывы к возрождению духовности как единственно спасительные в современной ситуации мировоззренческого кризиса должны быть основаны на ясном и как можно более полном знании и понимании того, что именно необходимо возрождать, какими характеристиками обладает данный традиционный тип духовности в современном синергичном мире, как интегрирован данный феномен в социокультурную реальность и как возможен в третьем тысячелетии, почему обладает именно такими характеристиками, где способен проявить максимум своего конструктивного потенциала, когда станет более приемлемым для критического сознания.

С точки зрения перспектив формирования планетарного ценностного сознания наибольший интерес представляет диалог культур Востока и Запада. Мы рассматриваем Восток и Запад как два противоположных социокультурных мира. Понятие «Запад» ассоциируется у нас с парадигмой антропоцентризма, или с либертарианско-конвенциональной культурой, а понятие «Восток» – с парадигмой космоцентризма, или с трансцендентальной культурой. Запад – это «воля к власти» (Ф. Ницше), покорение мира, а Восток – гармония с миром и ответственная солидарность. Запад ориентирован на совершенствование внешних форм и

материальных условий социальной жизни, а Восток – на совершенствование внутреннего мира человека, его духовного сознания и нравственного поведения.

Сегодня мы вынуждены констатировать факт вестернизации мира и ослабления идущих от Востока импульсов. Запад активно внедряет свои либертарианские ценности, в результате чего расплзается вширь «одномерное потребительское общество» (Г. Маркузе). Формируется «расколота цивилизация» (В.Л. Иноземцев) с единым центром господства, в роли которого выступает Запад (прежде всего США). Такое одностороннее укрепление позиций Запада (как мирового авангарда) грозит вселенской катастрофой, ибо нарушает закон гармонии противоположностей. По мнению А.С. Панирина, «различие Запада и Востока, возможно, имеет для человечества то же значение, что и различие левого и правого полушарий человеческого мозга. Вестернизировать мир, сделать его однополярным – то же самое, что и сделать наш мозг однополушарным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры» [4, с. 29].

Большую озабоченность данная проблема вызывает и у европейских ученых, среди которых глава исследовательской группы CRISE в Университете Парижа Р. Барбьер. Он предложил концепцию метиссажа, которая означает «сочетание культурных ценностей». Метиссаж – это объединение западных и восточных ценностей, в котором ни одна из сторон не будет ущемлена, но обе они объединятся в новое образование, которое не будет противоречить ни современности, ни традициям, но будет включать оба эти компонента. Оно не будет ни современным, ни традиционным. Метиссаж относится к особому виду ценностей – культурной и духовной жизни [5].

Другими словами, в целях обеспечения глобального устойчивого развития следует восстановить статус и роль традиционных обществ в современной цивилизационной трансформации: дополнить технократизм Запада духовностью Востока, а права и свободу человека – всеобщей ответственностью и «восточным духом» святости бытия.

Заметим, что речь не идет о духовном превосходстве Востока; но мы уверены в одном: диалог с Востоком необходим хотя бы для того, чтобы сдержать технократическую агрессию Запада, чтобы восстановить равновесие «холодного» ума и «теплого» сердца, материального и духовного начал в жизни. Сегодня задача философов состоит в том, чтобы на основе синтеза культур Востока и Запада разработать такую универсальную философскую систему, которая могла бы стать обоснованием единения человечества как глобальной общности.

В последнее десятилетие все более заметным становится возрастание значения результатов социально-экономического и культурного развития тех стран и регионов, которые обладают наиболее мощным биосферным потенциалом, этнокультурным разнообразием и духовными ценностями, соответствующими задачам грядущей эпохи.

По мнению белорусского исследователя Ч. Кирвеля, «инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать народы, сохранившие элементы органической жизни и обладающие мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными противостоять вирусу потребительства, утвердить ценности духовно-экологической цивилизации... Сегодня может получиться так, что технически и экономически «неимущие» смогут утвердить себя в качестве духовно имущих – тех,

кому есть что сказать миру, испытывающему настоятельную потребность в новом сознании и новых формах социального бытия» [6, с. 176].

Глобализация, как известно, – это, прежде всего, следствие прорыва в мир информационных технологий и систем, по своей природе являющихся глобальными. Глобальный мир – предельно информатизированный мир, в котором расширенное воспроизводство информационных технологий становится главным источником прогресса, в том числе и экономического. Управлять таким миром подобно тому, как это делалось в индустриальных обществах, уже невозможно. Потому, во-первых, что информационные потоки не укладываются в национально-государственные и региональные границы, во-вторых, от человека здесь требуются иные личностные качества, чем только его рыночная активность и исполнительское послушание. Экономика, основанная на информационных технологиях, превращает человека, владеющего информацией и способного генерировать новое знание, в основной капитал, главную производительную силу общества. Соответственно возрастает значение таких структурных подразделений общества, как наука, образование, культура в целом. Именно в них формируется новый тип работника, обладающего помимо своей рабочей силы еще и тем, что принято называть культурным капиталом. Роль последнего в производстве неизмеримо возрастает даже по сравнению с вещным и денежным капиталом. Здесь мало быть просто наемным работником или частным предпринимателем, равно как и отдающим приказы бюрократом, в любом случае надо быть человеком культуры, способным творчески решать встающие перед ним задачи. Можно сказать, что на этапе глобального развития именно культура становится главным фактором решения социальных проблем.

Все сказанное означает, что сегодня для того, чтобы выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие, не западные стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры. Речь идет об утверждении постиндустриальной эпохи, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, на деятельность, связанную с поддержкой экологического равновесия мира.

Список цитированных источников

1. Дилигенский, Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? / Г.Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1991. – №3. – С. 29-42.
2. Васильев, Л.С. История Востока: в 2 т. / Л.С. Васильев. – М.: Высшая школа, 1994. – Т.1. – 495 с.; Т.2. – 495 с.
3. Василенко, И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства / И.А. Василенко. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 269 с.
4. Философия истории: учебное пособие / Под ред. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
5. Колесник, В.С. Конфликт ценностей в межкультурном диалоге [Электронный ресурс] / В.С. Колесник // Киберленинка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-tsennostey-v-mezhsivilizatsionnom-dialoge>. – Дата доступа: 13.05.2015.
6. Кирвель, Ч.С. На пути к формированию постэкономической цивилизации / Ч.С. Кирвель // Славянская цивилизация: генезис, современность, перспективы. (Совместная российско-белорусская монография) – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет. – 2004. – С. 169 - 190.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В КАТЕГОРИЯХ ДИАЛЕКТИКИ

В.И.Игнатюк, А.А. Божко

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Строительная механика служит расчету реальных строительных сооружений, которые являются объектами строительной механики, представляя собой сложные системы, состоящие из различных частей и элементов.

Выделяют материальные и идеальные (абстрактные) системы. Расчет реального сооружения с полным и точным учетом всех его особенностей является очень сложной и, на любом уровне развития науки, в большинстве случаев практически неразрешимой задачей. Поэтому в строительной механике этот расчет упрощают, заменяя реальное сооружение его расчетной схемой [1].

Расчетная схема – это упрощенная, идеализированная и формализованная схема реального сооружения, вводимая в расчет, в которой отражены основные его свойства и происходит абстрагирование от второстепенных свойств и несущественных деталей, незначительно влияющих на работу сооружения.

Выбор расчетной схемы для реального сооружения является ярким примером проявления и действия закона единства и борьбы противоположностей, выявления общего между теми и другими противоречиями в сооружении. Расчетную схему надо выбрать так, чтобы максимально учесть все особенности данного сооружения и при этом максимально облегчить расчет. Здесь кроется основное противоречие теории сооружений – противоречие между реальным сооружением и расчетной схемой. Следует сказать, что выбор расчетной схемы во многом определяет трудоемкость расчета и корректность получаемых результатов. При выборе расчетной схемы необходимо хорошо представлять работу сооружения в целом и его отдельных элементов, принципы взаимодействия элементов сооружения между собой.

Например, при выборе расчетной схемы сооружения реальные колонны, стены, плиты перекрытий могут представляться просто стержнями, располагающимися вдоль осей элементов, для которых сечения приводятся к центрам сечений, в которых учитываются, конечно, реальные размеры сечений (площади, моменты инерции, моменты сопротивления и т.д.); реальные опорные устройства заменяются идеальными; не учитываются часто силы трения, упругая податливость в узлах соединения элементов. Еще больше приближений связано с нагрузками, определить точные величины которых в ряде случаев практически невозможно. Нормативные значения снеговых и ветровых нагрузок рассчитываются на основе статистической обработки величин нагрузок по результатам многолетних наблюдений. Разделение нагрузок на сосредоточенные силы и моменты, на распределенные нагрузки также достаточно условно.

Таким образом, строительные сооружения как реальные объекты в строительной механике рассматриваются и представляются в идеальном (воображаемом, абстрактном) виде – в виде расчетной схемы сооружения. И именно расчетная схема сооружения после ее выбора, определения является объектом исследований в строительной механике. И когда в строительной механике мы говорим о сооружении, мы имеем в виду его расчетную схему.

Каждый объект можно и реально, и мысленно разложить на части, и тогда возникает проблема соотношения между всем объектом и его составляющими, которая может рассматриваться через философские категории: часть, целое, элемент, структура и система.

Строительные сооружения как объекты могут иметь различную структуру, в зависимости от которой они по-разному работают и классифицируются. Выделяют, например, балки, фермы, рамы, арки, комбинированные системы, структуры, плиты, оболочки, массивные сооружения и т.д.

Целое есть взаимосвязь частей (составляющих), характеризующаяся свойствами, которых нет в составляющих, если они не входят в это целое. Часть – элемент целого. Нельзя найти целое, которое было бы только целым, или такую часть, которая навсегда оставалась бы частью. Впервые слово «элемент» употребил Платон для обозначения простейших тел. Эмпедокл под этим термином понимал землю, воду, воздух и огонь. Уже здесь отмечается смысл содержания понятия «элемент» как чего-то самого простого, того, что лежит в основе мира. Элемент – относительно самостоятельная, качественно определённая составная часть сложного целого. Методологическая ценность категории заключается в том, что в познании и перестройке мира он позволяет в каждой системе обозначить относительные границы мер этой системы и сосредоточить на ней деятельность.

В строительных сооружениях в качестве частей можно выделить конструкции, составляющие сооружения (например, балки, фермы, структурные покрытия и т.д.) и элементы как более простые объекты, которые могут быть и составляющими конструкций, и в целом сооружений – это стержневые элементы (стержни), пластины, оболочки и т.п. Эти части (а учитывая, что они должны быть неизменяемыми, их называют дисками) соединяются между собой в единую систему, образуя то или иное сооружение (его расчетную схему), которое опирается на землю (основание) посредством опорных устройств (опор).

Стержневые элементы – это прямолинейные или криволинейные пространственные элементы, у которых один размер (длина) значительно больше двух других (поперечных размеров). На расчетных схемах такие элементы заменяют их осевыми линиями (прямыми, криволинейными или ломаными) и называют стержнями. При этом в расчетах, естественно, учитываются и параметры поперечных сечений этих элементов через соответствующие их характеристики.

Опоры – это тоже части, элементы сооружений, если рассматривать их в единстве с землей. Опоры могут быть шарнирно подвижными, шарнирно неподвижными, заделками (защемлениями), упругими. Опоры характеризуются числом простых (кинематических) связей, каждой из которых отвечает реакция (реактивная сила), и числом допускаемых степеней свободы. Кинематическая связь – это связь, отнимающая у диска одну степень свободы.

Узлы – это часть сооружений, в которых элементы соединяются друг с другом. Узлы могут быть жесткими, упругими и шарнирными, в зависимости от действующих в них связей. Например, расчетная схема сооружения в методе конечных элементов, являющемся сегодня одним из основных методов расчета сооружений (дискретная схема сооружения), представляется в виде совокупности простых элементов – для стержневых систем – в виде стержней и узлов.

Система (от греч. «sistema» – целое, состоящее из частей, соединений) – это совокупность взаимосвязанных, упорядоченных элементов (частей), которая характеризуется структурой и организацией, определенной целостностью.

Системный подход имеет много общего со структурализмом и структурно-функциональным анализом, но более широко применяется. Системно-структурный

анализ – это один из принципов системного анализа, который требует анализировать структуру объекта с учетом назначения (функции) каждого из элементов.

Содержание – это совокупность разных элементов, свойств, связей, внутренних процессов и тенденций, которые образуют данный объект, процесс или явление. Форма отражает способ существования, законы связи элементов, их структуру, это закон существования содержания.

Строительные сооружения как материальные и социальные объекты, должны выполнять предназначенные им функции, в частности, быть неизменяемыми. Выявление изменемости или неизменяемости сооружений производится в строительной механике на основе кинематического анализа сооружений, а точнее, на основе анализа геометрической структуры сооружений. Одинаковое число дисков, как неизменяемых элементов, и одинаковое число связей (кинематических) не является гарантией неизменяемости сооружений, важным является то, как эти диски соединены друг с другом указанными связями, то есть все определяется структурой сооружения.

Структура (от лат. «structura» – строение, размещение, порядок) – это относительно устойчивый способ (закон) связи элементов (частей) качественно определенного сложного целого, который обеспечивает его целостность при различных изменениях (внутренних и внешних). Структура отражает единство, взаимосвязь внутренних и внешних связей, обеспечивает устойчивость качественных характеристик системы, целостного образования. Иными словами, она фиксирует состояние системы в данный момент. В этом и ценность, и содержание структурного подхода, структурного анализа.

Выполнение анализа геометрической структуры сооружений в строительной механике основывается на заранее определенных, выверенных случаях соединения дисков друг с другом шарнирами или связями (стержнями), являющимися явно неизменяемыми и называемыми признаками геометрической неизменяемости систем. При этом следует иметь в виду, что в определенных случаях соединение дисков друг с другом может быть таким, когда в системе допускается так называемая мгновенная изменемость, при которой имеется возможность достаточно малых перемещений, после появления которых система начинает удовлетворять признакам геометрической неизменяемости. Такие системы также не допускаются в строительных сооружениях, учитывая, что в их элементах могут возникать очень большие усилия. Отметим, что могут быть сформулированы и аналитические условия геометрической неизменяемости систем.

Подойдем к анализу сооружений с другой стороны, рассмотрим соотношение в характеристике сооружений философских категорий количества и качества. Эти категории являются отображением закона взаимного перехода количественных и качественных изменений. Согласно данному закону количественные изменения при переходе определенной меры вызывают качественные изменения объекта, протекающие в форме скачков.

Качество – это внутренняя определенность объекта, в которой выражается его специфика, своеобразие, отличие от других предметов. Изменяя качество объекта, мы получаем другой объект, у которого уже будет иная внутренняя определенность, иное качество. Как правило, качество представляется через свойства. Качество – это совокупность существенных свойств объекта, отражающих его коренное отличие (или общность) с другими объектами. В данном отношении качество объекта сближается с

его сущностью, но в отличие от последней характеризует предмет с точки зрения того, что он представляет собой в отличие от других предметов, указывает на то, чем он является. В выполнении этой функции качеству «помогает» свойство.

Свойство – категория, отражающая проявление отдельных сторон качества предмета во внешней среде.

Количество, определяя степень развития свойств предмета, становится внешней, более доступной восприятию, характеристикой его качества, определенностью пространственно-временных границ предмета и возможностей его изменений.

Характеристика предмета в его качественной и количественной определенности выражается мерой. Мера определяет те количественные границы, в которых качество предмета сохраняется.

Количественные изменения объекта, то есть прибавление к нему или убавление от него каких-то его свойств непрерывны до тех пор, пока они не перейдут определенную меру объекта. Качественные изменения представляют собой коренное преобразование существенных свойств объекта. Они происходят в форме скачка. Скачок – это разрыв непрерывности количественных изменений, дающий начало новому качеству. Скачок коренным образом преобразовывает существенные свойства предмета.

Важнейшей функцией сооружения в целом является способность нести нагрузку, не изменяясь, сохраняя свою функциональную форму. Уже говорилось о том, что в зависимости от количества дисков, связей между ними, связей в опорах и структуры, сооружения могут качественно отличаться друг от друга. Важным свойством сооружения является степень свободы системы сооружения W , в качестве которой выступает число независимых геометрических параметров (перемещений, координат), определяющих положение и вид системы в пространстве. В зависимости от величины степени свободы сооружения могут и будут качественно отличаться друг от друга – могут быть, с одной стороны, изменяемыми, мгновенно изменяемыми или неизменяемыми, с другой стороны, статически определяемыми и статически неопределимыми.

Здесь и проявляется закон перехода количественных изменений в качественные. Если степень свободы системы сооружения $W > 0$, то система изменяема, является механизмом, не может нести нагрузки и соответственно вообще не может быть строительным сооружением. В случае $W = 0$ система уже может быть неизменяемой и будет статически определимой – количественное изменение степени свободы системы привело к новому качеству ее, она уже может выполнять свои функции, может быть строительным сооружением. При этом для расчета такого сооружения достаточно применения обычных уравнений равновесия (уравнений статики) системы в целом либо ее частей. С дальнейшим уменьшением величины степени свободы системы сооружения и переходом в область $W < 0$ сооружение будет неизменяемым и статически неопределимым, в нем появляются так называемые «лишние» связи – система переходит в новое качество, характеризующееся более надежной работой, сооружения будут более жесткими (при одной и той же нагрузке в них в сравнении со статически определяемыми системами будут меньше прогибы и перемещения), при проектировании такие сооружения будут получаться более экономичными. При этом для расчета таких сооружений уже недостаточно обычных уравнений равновесия, необходимо составление дополнительных уравнений, например уравнений совместности деформаций, или других дополнительных уравнений. Так, количественная величина степени свободы системы при ее изменении представляет три качественно отличающихся состояния

строительных сооружений. При этом изменения в структуре системы в любой момент времени существования и эксплуатации сооружения могут приводить к переходу его в любое из рассмотренных состояний. Выход из строя отдельных элементов сооружения может приводить к изменению степени свободы системы и к качественному переходу ее из статически неопределимой в статически определимую, а что еще хуже, в мгновенно изменяемую или вообще изменяемую систему, что приведет к разрушению системы (и в наше время известны случаи разрушения зданий и сооружений).

Разрушение сооружения – это резкий качественный скачок в состоянии сооружения, который при проектировании сооружения не должен допускаться никоим образом.

Список цитированных источников

1. Ипнатьюк, В.И. Строительная механика: пособие / В.И. Ипнатьюк, И.С. Сырковашко. – Брест: БрГТУ, 2015. – 152 с.
2. Философия и методология науки: учебное пособие / Ч.С. Кирвель [и др.]. – Минск : Вышэйшая школа, 2012. – 639 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.Н. Ковалева

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В условиях глобализации проявляется множество факторов, размывающих национальную идентичность: демократизация, которая выдвигает на первый план интересы личности в сравнении с интересами национального государства, экономизация, ведущая к формированию единого мирового экономического пространства, информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство [1, 22]. Эти процессы девальвируют экономический и политический суверенитет национальных государств. Но национальные сообщества остаются важной формой самоопределения в глобальном мире. Все национальные государства предпринимают шаги, направленные на сохранение национальной идентичности, её «гражданского типа, который в зарубежной литературе связывается со страной, с принадлежностью гражданина к национальному государству» [2, 10].

Трудности сохранения национальной идентичности для современной белорусской нации рождаются как в процессе контактов с другими государствами, так и в пространстве внутриполитическом. Помимо тех внешних факторов, которые воздействуют на любое национальное сообщество в условиях глобализации, Республике Беларусь, как государству белорусской нации, приходится искать надёжные механизмы, которые позволили бы дистанцироваться от других бывших республик СССР, при значительной степени экономической и политической интегрированности с некоторыми из них.

Не менее сложной представляется задача сохранения национальной идентичности во внутриполитическом пространстве, потому что национальная идентичность по существу ещё не сформирована. По данным доктора социологических наук Л.Г. Титаренко, существуют разные типы идентичности, и гражданскую иден-

тичность (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь) «часто» выбирает около 30% опрошенных, а всего – 54%, значительная часть сохраняет территориальный, локальный или «тутэйшы», советский и этнонациональный тип идентичности [3, 27].

Относительно слабую закреплённость в национальном сознании гражданской идентичности можно объяснить молодостью нашего государства и незавершённостью процесса десоветизации. Вывод доктора Л.Г. Титаренко достаточно убедителен: «Пока само государство не станет достаточно сильным, не определится до конца со своим местом в постсоветском мире, трудно ожидать, что его граждане будут определять и свою гражданскую идентичность как доминирующую» [3, 26]. Действительно, формирование национальной идентичности – процесс длительный, и его итог, в значительной степени, будет зависеть от усилий, предпринимаемых государством. Известный английский исследователь Бенедикт Андерсон придерживается мнения, что общность современной нации не столько дана, сколько постоянно конструируется [4]. Важнейшие элементы этого конструирования – общая для данного сообщества память о прошлом, которая основывается на общезначимых для данного сообщества ценностях, идеях, мифах, предрассудках, нормах. Для новообразованных государств приоритетное значение приобретает государствообразующий миф, базирующийся на определённой интерпретации национальной истории, являющийся основой национальной исторической памяти и самопрезентации национального государства в контактах с другими государствами. Шаги, предпринимаемые в данном направлении, вписываются в концепцию «изобретения традиций», выдвинутую в начале 1980-х гг. и не утратившую актуальности. «Так, например, возникновение новых государств Восточной Европы в конце XX в. было сопряжено с поиском веских оснований для объединения граждан – отсюда ревизия исторического знания, усиление религиозных, националистических движений, организация этнических фестивалей, «реанимация» национальных языков, бум в возведении новых памятников и музеев, появление новых праздников и сопряжённых с ними обрядов и ритуалов и т.п.» [5].

Процесс конструирования общности белорусской нации идёт, но достаточно медленно. По нашему мнению, отсутствует должная последовательность в формировании национальной концепции истории, которую поддерживали бы национальные праздники, культы национальных героев, научно-популярные и художественные фильмы и другие элементы исторической политики государства. К сожалению, на этом пути достижений пока немного. У белорусов до сих пор нет единой национальной истории. Попытки утвердить национальную концепцию истории, предпринятые в начале 1990-х гг., сменились во второй половине 90-х гг. «реактивацией советских исторических мифологем» [6] и новой образовательной парадигмой. Институт образования Беларуси не смог внести своей лепты в формирование единообразных представлений у граждан республики об истоках белорусской государственности и важнейших вехах национальной истории, что нашло отражение во фрагментарности и неоднородности исторической памяти [7]. В других постсоветских республиках к национальной концепции истории относятся бережнее и не делают отступлений от неё в угоду политической конъюнктуре. Российские исследователи, проводившие анализ школьных учебников истории постсоветских стран, отмечают: «...за исключением Белоруссии и (в меньшей степени) Армении, все остальные страны пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки истории, основанной на мифах о древности своего народа, о высокой культурной миссии предков и о «заклятом враге» [8, с. 5].

Не способствуют формированию национальной идентичности и те даты, которые отмечаются в Беларуси в качестве памятных и в качестве государственных праздников. В определённой мере через призму памятных дат граждане воспринимают смысл исторического существования данного государства, если с ними существует эмоциональная связь, которая укрепляется благодаря регулярным празднованиям. Даже такие давно сформировавшиеся нации, как французы, изобретают национальные праздники ради консолидации нации. Например, День взятия Бастилии был утверждён в качестве национального праздника фактически через сто лет после реального исторического события. Республика Беларусь пока не смогла заполнить вакуум, сложившийся после распада Советского Союза, памятными датами, связанными с обретённым суверенитетом. Все республиканские праздничные дни имеют «советское происхождение»: 1) День защитников Отечества и Вооружённых Сил Республики Беларусь – 23 февраля, когда в СССР отмечался День Советской Армии, 2) День женщин (8 марта), 3) Праздник труда (1 Мая), 4) День Октябрьской революции (7 ноября). Сохранение советского праздника Дня Октябрьской революции имеет определённую логику, если рассматривать это событие, как точку отсчёта возникновения белорусской государственности, так как крушение Российской империи дало возможность создать свою государственность белорусам, украинцам, полякам и другим народам. К сожалению, по-прежнему, как и в советское время, игнорируя БНР, в современной Беларуси не придают должного статуса и той дате, которая связана с рождением белорусской советской государственности – 1 января 1919 г. Образование БССР не отмечается в Республике Беларусь ни как памятная дата, ни как государственный праздник. Вполне понятно, что социологические опросы показывают полный разрыв белорусов в определении истоков их государственности.

Из 5-ти государственных праздников, учреждённых в Республике Беларусь, непосредственное отношение к вехам белорусской государственности имеют только два: День Конституции (15 марта) и День Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь (второе воскресенье мая). Два других праздника – День единения народов Беларуси и России (2 апреля) и День независимости Республики Беларусь (День Республики), отмечаемый 3 июля, были учреждены под воздействием начавшегося в середине 90-х гг. строительства союзного государства. В соответствии с решениями референдума 1996 г., празднование Дня независимости было перенесено с 27 июля (день принятия Декларации о государственном суверенитете БССР) на 3 июля – день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Таким образом, в качестве исторической основы белорусской независимости было принято событие не особое, белорусское, уникальное, значимое только для белорусской нации, а имеющее значимость и для многих других народов, общее с другими народами, в первую очередь с русскими, украинцами. Таким же общим для всех народов СССР является и День Победы, отмечаемый 9 мая. Парадоксально, что в Беларуси есть государственный праздник День единения народов Беларуси и России, но нет праздника Народного единства в ознаменование воссоединения Западной Беларуси с БССР.

В 1939 г. белорусский этнос, бывший разделённым более 20 лет, воссоединился в составе одного государства. Конечно, эту дату нельзя отмечать 17 сентября, так как это дата вступления на территорию Беларуси войск Красной Армии, войск соседнего чужого государства (западнобелорусские земли никогда не были в составе Советского Союза), это веха советской истории. Но 14 ноября, когда Верховный Совет БССР

принял решение о воссоединении Западной Беларуси с БССР, может стать одним из важнейших государственных праздников. Для любого народа воссоединение после длительного периода существования в рамках различных государств является важнейшим событием национальной истории и фактором закрепления в массовом сознании национальной идентичности. Перед нами пример Новейшей истории, когда счастливые немцы сразу же после воссоединения восточной и западной частей своей разделённой страны сделали 3 октября государственным праздником – Днём немецкого единства.

При отсутствии определённости в понимании главных вех государственности, значимости исторических событий для сохранения нашего национального сообщества, ситуация, сложившаяся с белорусским языком, создаёт дополнительные трудности для формирования национальной идентичности. Отмечаемый многими исследователями билингвизм, как типологическая особенность белорусской культуры, отличается от двуязычия в других бывших советских республиках, где факт его существования вытекает из потребности в общении между членами двух разноязычных культур. Русский язык в Беларуси не только является языком межнационального общения, но и основным языком общения для представителей белорусского этноса. Закреплённое конституцией двуязычие становится формальным. После референдума 1995 года русский язык получил фактически монополию в делопроизводстве и образовании. Если в 1994/1995 учебном году более 40% школьников (в том числе около трех четвертей первоклассников) изучали все предметы на белорусском языке, то в 2013/2014 учебном году таких школьников осталось лишь 15% [9].

Прослеживается тенденция преимущественного увеличения выпуска книг и периодических изданий на русском языке в сравнении с белорусским. С 1990 г. по 2013 г. число наименований издаваемых в республике книг и брошюр увеличилось в 4 раза, а белорусскоязычных – только в 2,4 раза. За этот же период число журналов и других периодических изданий увеличилось в 7,1 раза, а издаваемых на белорусском языке – только в 3,7 раза. Количество наименований газет увеличилось в 2,9 раза, из них на белорусском языке – только в 1,4 раза (подсчитано автором, Н. Ковалёвой) [10, с.85, 87]. Похоже, что эта ситуация не вызывает беспокойства у руководства республики. Обращаясь с посланием к белорусскому народу и Национальному собранию президент А.Г. Лукашенко заверил: «Великий русский язык будет свободно развиваться в Беларуси, так же, как и наша «матчына родная беларуская мова». Если мы потеряем русский язык — мы лишимся ума! Если мы разучимся говорить на белорусской мове – мы перестанем быть нацией» [11].

В заключение подчеркнём, что успех в формировании гражданской идентичности в Республике Беларусь во многом будет зависеть от проведения правильной исторической политики государства, направленной на формирование у граждан единообразных представлений об истоках и исторических формах нашей государственности, о месте Республики Беларусь в современном мире.

Список цитированных источников

1. Кортунюв, С.В. Национальная идентичность: постижение смысла / С.В. Кортунюв. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 589 с.
2. Титаренко, Л.Г. Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития / Философия и социальные науки. – 2009. - № 1-2. – С. 9–14.

3. Титаренко, Л.Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития / Философия и социальные науки. – 2010. - № 4. –С. 24–30.

4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «КА-НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.

5. Колягина, Н. Изобретение традиции / Под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/media/book/1208> – Дата доступа: 02.05. 2015

6. Ластовский, Алексей. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / Алексей Ластовский // 19 июля 2010 ПОЛИТ. РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 06.09.2012.

7. Ковалёва, Н.Н. Формирование исторической памяти граждан Беларуси в контексте смены образовательной парадигмы в постсоветский период / Н.Н. Ковалева // Системная трансформация общества: инновации и традиции: сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск X / под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Брест, 2013. – С.82–86.

8. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств: доклад, подготовленный на основе материалов социально значимых проектов, поддержанных грантами Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» / Под ред. А.В. Филиппова. – М., 2009. – 389 с.

9. Белоус, С. Что изменится в школах, если историю Беларуси и географию начнут преподавать на белорусском языке? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/433183.html>. – Дата доступа: 27.01. 2015.

10. Изучаем Беларусь. Книги и пресса–Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.belstat.gov.by/kscms/uploads/.../knigi i_pressa.pdf](http://www.belstat.gov.by/kscms/uploads/.../knigi_i_pressa.pdf)// – Дата доступа: 03.05.15.

11. Лукашенко, А.Г. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию от 29.04.2015 г. / официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/. – Дата доступа: 30.04. 2015.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

А.Л. Куиш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси; г. Минск

Беларусь присоединилась к Болонскому процессу и вступила в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) 14 мая 2015 года в ходе Девятой конференции министров образования Европейского пространства высшего образования и Четвертого Болонского форума, состоявшихся в Ереване (Армения), в котором приняли участие министры образования и представители 47 стран и 20 международных организаций [1]. В процессе дискуссий о вступлении в Болонский процесс Беларуси в её сторону выдвигалась критика по проблемам академических свобод, принципов мобильности преподавателей и студентов, проблемам студенческого самоуправления и другим со стороны министров образования Норвегии, Швеции, Нидерландов и Исландии. В результате было принято решение о вступлении Беларуси при условии выполнения ею обязательного требования – «дорожной карты», которая предусматривает решение всех обозначенных проблем в течение трёх лет.

Таков сегодняшний результат долгого пути Беларуси в сторону Болонского процесса. Началом отсчета движения в этом направлении можно считать вхождение Республики Беларусь в процесс формирования Европейского пространства высшего образования путём присоединения нашей страны к Конвенции о признании квалификаций в Европейском регионе – Лиссабонской Конвенции, в 2002 г. [2]. Тогда же были заложены основы перехода отечественной системы образования на двухступенчатую структуру [3]. Процесс же включения республики в Болонский процесс получил институциональное оформление в 2010 г., когда Президентом Республики Беларусь было принято решение о присоединении страны к Болонскому процессу. Перед тем как принять это решение была проведена большая работа по анализу развития этого процесса в других странах, его результатов, взаимодействия представителей управленческих структур, научной и образовательной общественности со структурами, представляющими этот процесс и т.д. В результате были утверждены Рабочий план по присоединению Республики Беларусь к Европейскому пространству высшего образования и Рабочий план по реализации принципов Болонской декларации и коммюнике, принятых в ходе заседаний министров образования государств-участников Болонского процесса, в системе высшего образования Республики Беларусь [4].

Кратко характеризуя Болонский процесс, следует отметить, что он основывается на определённых принципах, которые были очерчены в *Болонской декларации (1999 года)* и последующих документах (Парижское коммюнике 2001 г., Берлинская конференция (2003 г., Бергенская конференция 2005 г., конференция в Левене 2009 г.) [5]. Это такие, принципы как:

- создание системы образовательных ступеней (бакалавриат, магистратура, докторантура);
- установление системы кредитов ECTS (европейская система трансфера кредитов);
- устранение препятствий для мобильности студентов и преподавателей;
- внедрение Приложения к диплому (для содействия трудоустройству граждан и повышения международной конкурентоспособности Европейского пространства высшего образования);
- внедрение национальных рамок квалификации;
- сотрудничество в обеспечении качества высшего образования;
- содействие измерению высшего образования (в аспектах учебных планов, межинституционального сотрудничества, схем мобильности, совместных программ обучения, практической подготовки, научных исследований и др.);
- демократическая структура системы образования;
- принятие системы непрерывного образования, базирующейся на двух основных циклах – додипломном и последипломном;
- создание возможностей для гибких образовательных траекторий;
- интеграция науки и образования;
- усиление связи образования с производством и рынком труда.

Первые три принципа являются основными для определения причастности страны к болонскому пространству, которое было обозначено с момента заявления в марте 2010 г. на конференции стран-участниц Болонского процесса в Вене и Будапеште о функционировании *Европейского пространства высшего образования*.

Реализация принципов Болонской декларации в национальных системах высшего образования стран, которые уже являются участницами Болонского процесса, происходит с разной скоростью и приоритетностью, что подтверждает добровольность в реализации этих принципов. Причём первоначальные тенденции к установлению структурной однородности образовательных систем были уравновешены требованиями к сохранению культурного разнообразия и национальной самобытности европейских систем высшего образования. То есть Болонская декларация не навязывает странам единственно возможную модель формирования национальной системы высшего образования, а только определяет принципы, на основании которых желательно строить данную модель, что зафиксировано в Лондонском коммюнике 2007 г.

Главная цель Болонского процесса – это повышение качества образования, приведение его в соответствие с требованиями современной эпохи, согласование его с системами образования стран болонского пространства, обеспечение мобильности и трудоустройства студентов и преподавателей.

Очевидно, что включение нашей страны в Европейское пространство высшего образования окажет положительное воздействие на повышение престижа национальной системы образования, как в глазах зарубежных партнеров, так и среди молодежи Республики Беларусь. Это также повлечет, с одной стороны, приток иностранных абитуриентов за счет международного признания качества белорусского образования, повышения информативности о национальной системе образования и ее «понятности» для лиц, желающих продолжить образование в других странах, с другой, снизит отток белорусских абитуриентов в иностранные вузы. При условии выполнения всех требований Болонской декларации, это также положительно скажется на мобильности студентов и преподавателей.

Одним из главных условий вхождения в Болонский процесс было создание уровневой системы образования в нашей стране, что собственно в настоящее время и происходит. Апробация была осуществлена на примере Белорусского государственного университета. Была проведена масштабная работа, связанная с переработкой учебных планов и учебных программ, изменением структуры образовательного процесса, увеличено время на самостоятельную работу, особенно на старших курсах, в то время как количество аудиторных часов уменьшилось. Происходит переход на компетентностный подход в формировании знаний, умений и навыков. В обучении появляются подходы, в которых приоритет принадлежит вооружению молодого специалиста методологией и технологиями получения и развития знаний. Осуществляется повышение квалификации преподавателей.

В настоящее время можно увидеть этот процесс в действии в отношении всей системы высшего образования. Практически осуществлён переход на двухуровневую систему образования: бакалавриат и магистратура. Фактически, аспирантуру можно рассматривать как её третий уровень. Обучение на первой ступени высшего образования предполагается осуществлять в течение 4-4,5 лет. Обучение в магистратуре – 1-2 года. Конечно, такой переход потребовал большой организационной и учебно-методической подготовки. В настоящее время перерабатывается практически весь спектр образовательных стандартов, учебных планов, учебных программ, учебно-методической литературы высшей школы.

Это явилось поводом для радикального реформирования и социально-гуманитарного образования в системе высшего образования. Причины же, как представляется, лежат в иной плоскости. Это его не очевидная эффективность,

меньшие объёмы учебной нагрузки в сопредельных странах (в России, на Украине, в Польше и др.), сложная экономическая ситуация в стране, технико-естественнонаучное лобби в руководстве системой образования, пассивность социально-гуманитарного профессорско-преподавательского корпуса и др.

Различные сроки обучения для бакалавров и магистров требуют различных объёмов учебной нагрузки, а значит, и различных учебных планов и программ. Но с самим переходом пока что до конца не всё ясно. Дело в том, что у нас магистерская степень всё ещё не рассматривается как профессиональная степень, но как степень научная, своего рода переход к степени кандидата наук. Так она и трактуется в вузах. Вместе с подготовкой магистерской работы магистранты сдают кандидатские экзамены. Говорить о полноценной социально-гуманитарной составляющей здесь не приходится, так как она сводится к философии и методологии науки как изучаемому обязательному предмету.

Само же социально-гуманитарное образование студент должен получить на уровне бакалавра, где сокращённые сроки обучения приводят к сокращению объёма, а значит, и изменению структуры, блока социально-гуманитарных дисциплин. Какова величина этого сокращения и каковы должны быть содержание и объём соцгумблока, какие изменения в связи с этим должны быть внесены в технологии и методики преподавания, как перестроить на них преподавателей – вот главные вопросы, на которые, в данных условиях, следует дать квалифицированный ответ. На эти проблемы и пути их решения указывали такие учёные, как, например, Колоницкая Л. и Старжинский В.П. [6], [7].

Следует упомянуть и другие факторы, которые в значительной мере оказывают влияние на структуру, содержание, ход реформ в области социально-гуманитарного образования. Это:

– кризисное состояние духовной и интеллектуальной сфер жизни нашего общества, выход из которых будет длительным и сложным;

– проблемы с реформированием высшей школы, отсутствие должной концептуальности и направленности этих реформ, требующие разработки национальной стратегии развития, доктрины образования и способов её реализации;

– отставание гуманитарных наук в нашей стране и их выпадение из мировой практики;

– отсутствие необходимой организационной и финансовой обеспеченности социально-гуманитарного образования;

– имеющий место низкий уровень разного рода поддержки гуманитарного образования в научной, образовательной, управленческой, финансовой сферах и др.

Все эти факторы следует учитывать при реформировании социально-гуманитарного образования. Главное же требование к реформам заключается в том, чтобы они были хорошо теоретически обоснованы, последовательно практически реализуемы, позитивны, под них были выделены достаточные человеческие, материальные и финансовые ресурсы.

Систему высшего социально-гуманитарного образования в настоящее время определяет «Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования» [8], которая вызывает много вопросов и нареканий со стороны профессорско-преподавательского состава, прежде всего из-за существенного сокращения учебного времени на

социально-гуманитарные дисциплины, неясную структуру блока, сгруппированную в модули, исключение некоторых социально-гуманитарных дисциплин из списка обязательных и понижение статуса других, сложности с методическим обеспечением Концепции, трудности с контролем знаний учащихся и др.

Главным аргументом её введения, выдвигаемым авторами, является переход на четырехлетнее высшее образование, мол, именно этот фактор вызвал «оптимизацию» социально-гуманитарного блока. Мы уже указали, что это, мягко говоря, не совсем так. Однако и с самой концепцией четырехлетнего образования не всё так просто. Она подвергается жёсткой критике в профессорско-преподавательской среде. Там, наоборот, говорят, что если вы хотите хоть чему-либо стоящему научить современного специалиста, то учить его надо шесть лет, а не пять. Время другое, объёмы информации другие, требования к специалисту другие. Народному же хозяйству нужны готовые хорошие специалисты, а не недоучки, которых надо ещё несколько лет «доводить» до ума. А у нас, даже при пятилетней системе, студент зачастую не усваивает необходимого объёма знаний, и это при том, что качество абитуриента (и, как следствие, студента) значительно понизилось.

Мне представляется, что пятилетняя система высшего образования на современном этапе вполне адекватно выполняет поставленные перед нею задачи и не следует её ломать. Конечно, необходимо перестроить, в той или иной мере, структуру преподавания, методики, учебный процесс, учебную нагрузку на студента. Сделать обучение студентов и труд преподавателей более мотивированными. Скоординировать наше образование с образованием на Западе по тем аспектам, которые для нас необходимы, в частности, по научно-исследовательскому, который, прежде всего, отличает их магистра от нашего специалиста. Это была бы реальная, нужная, хотя и рутинная работа, требующая высокой квалификации реформаторов, но, именно благодаря ей, мы смогли бы выйти на необходимые рубежи в высшем образовании. В этой системе легче найти место и, так необходимому в современную эпоху каждому студенту, социально-гуманитарному образованию и выполнить все требования, предъявляемые к последнему.

Что же касается получения степени магистра, то при наличии учебных программ, коррелирующих с программами в болонском пространстве, и выполнении необходимых требований к образованию указанных условий, мы имеем возможность присваивать степень магистра тем, кто на «хорошо» и «отлично» закончил вуз в системе пятилетнего образования. Остальные, которые недотянули, могли бы просто-напросто получать степень бакалавра. И это было бы не только справедливо и мотивировало бы студентов к качественному обучению, но при этом ещё и отражало реальное положение дел и с оценкой знаний, и с качеством обучения. И самое главное, что образование при этом было бы более полноценным.

В случае же если система образования пойдёт по тому пути, которым её ведут сейчас, с разделёнными во времени бакалавриатом и магистратурой, то социально-гуманитарное образование придётся всё же реформировать снова, для того чтобы исправить нынешние его недостатки и достигнуть его основных целей. К таким целям относятся: получение молодым специалистом системы знаний в области функционирования личности и общества, формирование конструктивного мировоззрения, приобретение умений и навыков для профессиональной, личностной, социальной и гражданской деятельности [9]. Для этого социально-гуманитарный блок должен быть структурирован не по модулям, а на дисциплины обязательные, по выбору и факультативные, с учётом их значимости для той или иной специальности. В нём

также следует выделить два уровня: фундаментальных и прикладных дисциплин. Необходимо также оптимизировать объём соцгумблока в сторону увеличения, а методическое обеспечение направить на формирование знаний умений и навыков, обладающих способностью их эффективного использования в практической деятельности молодого специалиста. В таком виде социально-гуманитарное образование будет способно достаточно полноценно выполнять свои цели и задачи.

Список цитированных источников

1. Беларусь принята в Болонский процесс решением министров образования стран общеевропейского пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/main.aspx?quid=18021&detail=3722773> – Дата доступа: 20 мая 2015 г.
2. Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 2002 г., № 5.
3. Положение о ступенях высшего образования: Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1419 от 14.10.2002.
4. Приказ Министерства образования № 636 от 30 сентября 2010 года
5. Болонский процесс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/>. – Дата доступа: 15 мая 2015 г.
6. Колоницкая, О.Л. Гуманитарная среда технического вуза // Интернет-журнал "Эйдос". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-21.htm>. – Дата доступа: 30 сентября 2013 г.
7. Старжинский, В.П. Гуманитарная и техническая культура в контексте теории и практики технического образования / В.П. Старжинский, И.С. Солодуха, Т.А. Емельянова // Современные методы проектирования машин: Вып. 2 в 7 т. – Минск: Технопринт, 2004. – Т.7.: Экологические аспекты проектирования машин. Теория и практика технического образования. – С. 63-69.
8. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. – Приказ Министра образования Республики Беларусь от 22.03.2012. – № 194.
9. Куиш, А.Л. Философско-теоретические основания системы социально-гуманитарного образования высшей школы / Философско-методологические проблемы социального познания: материалы Респ. философ. чтений, Минск, 20 нояб. 2008 г. / Редкол.: Демчук М.И. [и др.] – Мн.: РИВШ, 2009. – С. 124-132.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ: ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ

О.В. Кучмаева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

Семья является важнейшим институтом воспитания и социализации личности. На воспитательной функции современной российской семьи сказывается отсутствие единых норм воспитания, воспитательной стратегии в обществе. Исследователи отмечают, что в нашей стране в настоящее время нет единой воспитательной стратегии, что было присуще российским семьям как в дореволюционный, так и в советский период. В настоящее же время существует сильный разброс воспитательных стратегий и целей. Какие-то семьи ориентируются на прошлое, отечественно-традиционное, другие – на западные цели, третьи выбирают этнонациональные приоритеты. Российское общество становится все более мультикультурным, что связано во многом и с миграцией населения, одновременным проникновением западных норм и возрождением религиозных ценностей [1].

Процесс социализации личности в современном обществе осуществляется в условиях динамичности происходящих в обществе изменений, многосубъектности процесса социализации (в процессе воспитания и социализации детей, помимо семьи; участвуют школа, СМИ (печатные, электронные), в том числе реклама, церковь, общественные организации, референтные группы). Увеличивается многообразие воспитательных организаций в связи с усложнением и социально-экономических, и культурных потребностей общества, меняются их роли и значение в системе воспитания. В этих условиях усложняется воспитательная роль семьи. Она не может опираться в качестве воспитательных стратегий на запреты, отражающие единственно принятые в обществе нормативы поведения. В современных условиях родители должны суметь сформировать у детей линии поведения, основанные на исповедуемых ими ценностях, которые важно донести до своих детей.

Ответы родителей о том, что же представляет собой воспитание ребенка в современной семье, полученные в ходе исследования «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Белоруссии)», проведенного в 2014 г. при поддержке РГНФ (грант № 14-23-01551), тесно коррелируют с ответами на вопрос о том, что необходимо для достижения успеха в жизни. Успех – это весьма общее, размытое понятие, каждый понимает под ним что-то свое. Но все же почти все родители отмечают, что для его достижения необходимо много трудиться. Эта позиция заняла первое ранговое место. Так и воспитание нацелено, в общем, на это – первое место занимает позиция «воспитание у детей ответственности» - 42,7% родителей ее отметили, второе место - «воспитание у детей трудолюбия, добросовестности в работе» -33,2%.²²

Таблица 1 – Распределение ответов родителей на вопрос «На ваш взгляд, воспитание детей в семье – это, прежде всего ...?», % от числа опрошенных

Варианты ответа	Доля, % родителей
воспитание у детей ответственности	42,7
воспитание у детей трудолюбия, добросовестности в работе	33,2
учеба, подготовка уроков, воспитание стремления к знаниям	19,6
обучение детей правильно строить свои взаимоотношения с другими людьми	18,1
обучение детей выполнению работы по дому, житейским навыкам	16,6
формирование у детей здорового образа жизни	16,6
формирование у детей хороших манер, умения себя вести	16,3
воспитание терпимости, уважения к окружающим	16,1
передача детям от родителей тех знаний, умений и навыков, которые у них есть	16,0
воспитание у детей высоких моральных качеств, порядочности	16,0
воспитание достойных граждан страны	13,4
формирование умения постоять за себя	13,1
защита детей от различных неприятностей	11,3
воспитание независимости в поведении, поступках	4,7
обучение детей премудростям семейной жизни	3,0
другое	2,4

²² По данным исследования «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Белоруссии)», проведенного в 2014 г. при поддержке РГНФ (грант № 14-23-01551).

Третье место заняла позиция «учеба, подготовка уроков, воспитание стремления к знаниям» - около 19% родителей ее отметили. В целом и она выполняет ту же функцию – обеспечить ребенку будущий карьерный рост. Во многом, видимо, родители понимают успех как материальное благополучие и карьеру. Четвертое место заняла позиция «обучение детей правильно строить свои взаимоотношения с другими людьми» - около 18% (она тесно связана с мнением, что для достижения успеха в жизни необходимо уметь взаимодействовать с людьми – второе ранговое место, вслед за умением трудиться). Таким образом, ведущие составляющие воспитания детей в современной российской семье нацелены на успех, материальное благополучие, достижение личных индивидуалистических (во многом не семейных) ценностей.

Следующее, пятое, место заняло сразу несколько позиций воспитания, их отметило в среднем около 16% опрошенных родителей. Это – «формирование у детей здорового образа жизни», «воспитание у детей высоких моральных качеств, порядочности», «воспитание терпимости, уважения к окружающим». Эти ценности проигрывают наличию у детей «рабочих» качеств и ответственности. Совершенно традиционная, чисто семейная функция – «передача детям от родителей тех знаний, умений и навыков, которые у них есть» и «обучение детей выполнению работы по дому, житейским навыкам» - также набрала около 16% сторонников. Это, на наш взгляд, весьма мало. С одной стороны, это объясняется тем, что общество, окружающий мир в целом очень быстро меняются, знания и навыки родителей устаревают, с другой – что они полагаются в этом на авторитет школы как транслятора знаний.

Такова же доля родителей, отметивших, что воспитание – это «формирование у детей хороших манер, умения себя вести», то есть семья в незначительной мере готова взять на себя целиком и социализационную функцию, ибо этот пункт - ни что иное, как привитие детям определенных норм и правил поведения, которые приемлемы в данном обществе. Однако, как мы увидим, рассматривая еще несколько вопросов, касающихся воспитания, эти навыки стремится привить несколько большая часть родителей (примерно 30%).

Несколько меньше родителей считают, что воспитание – это «воспитание достойных граждан страны» (13%) и примерно столько же выбрали вариант «формирование умения постоять за себя, отстаивать свои интересы».

Опекающая модель воспитания не слишком распространена. Лишь около 11% родителей согласились с тем, что воспитание – «это защита детей от различных неприятностей», причем в основном это родители относительно маленьких детей.

Увы, лишь около 3% родителей отметили, что воспитание – это «обучение детей премудростям семейной жизни». Возможно, респонденты считают, что и обучать этому не нужно, само воспримется на примере семьи (отчасти это так и есть, поскольку значительная часть опрошенных подростков и молодежи считает, что идеал семейных отношений сформировался у них на основе взаимоотношений в родительской семье), либо что нельзя вмешиваться в эту сферу, пусть все развивается по желанию взрослеющих детей. Однако это важнейшая функция семьи – трансляция семейного опыта, и вызывает тревогу, что родители этого не осознают.

Со сменой поколений происходит смена воспитательных стратегий [2; 3]. Анализируя черты характера, которые родители хотели бы воспитать у своих детей, можно получить и представление об их ценностях в жизни, о мнении, что больше

всего пригодится детям, приведет их к успеху. Кроме того, это может дать некое впечатление и о характере взаимоотношений в семье. Интересно и сопоставить мнения «воспитателей и воспитуемых» о целях воспитания с точки зрения выявления возможных расхождений во мнениях родителей и младших поколений.

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопросы о принятых в их семьях стратегиях воспитания, % к числу ответивших

Варианты ответа	Какие черты характера стремились воспитать родители у Вас?			Какие черты характера Вы стремитесь воспитать у детей?
	родители	молодежь	подростки	родители
трудолюбие	58,8	54,1	56,8	53,7
целеустремленность	23,7	37,6	39,5	42,7
настойчивость	17,8	20,1	22,2	26,1
послушание	27,6	25,3	20,1	19,3
индивидуальность	12,5	21,0	20,4	25,8
заботливость	30,6	17,9	24,1	32,6
доброту	42,4	46,7	42,6	46,6
честность	46,0	55,5	41,4	45,1
порядочность	42,7	44,1	35,6	48,7
аккуратность, опрятность,	29,8	39,7	31,5	30,3
воспитанность, вежливость	30,9	43,2	33,5	37,4
дисциплинированность	30,0	17,0	16,7	29,1
самостоятельность, независимость	23,7	23,6	26,5	24,0
активность, целеустремленность	19,0	24,9	17,3	20,2
бережливость	9,2	13,5	14,2	24,0
любопытность, интеллект, широту мышления	18,2	20,1	25,9	40,9
терпимость	14,5	14,8	19,8	20,8
стремление к успеху	8,3	12,7	23,5	22,6
самоконтроль	5,9	12,2	13,0	11,9
воля, характер	15,1	20,5	12,1	29,7
другое	2,4	2,2	3,6	-

Надо сказать, что первое место заняла такая позиция, как «трудолюбие», причем у всех категорий опрошенных. При этом в ходе исследования «умение много и добросовестно трудиться» было выбрано всеми категориями опрошенных в качестве основного пути достижения успеха.

Второе место занял такой аспект воспитания, как доброта и честность. Подростки несколько реже отмечают обе эти позиции, хотя они все равно занимают те же рейтинговые места, что и у более старших групп опрошенных (42,6% и 41,4% соответственно). Эта ценность, так скажем, общечеловеческая. С одной стороны, она не определяет успешность (или только опосредованно), помогая строить отношения с людьми, однако удивительно, что этот аспект воспитания значительно уступает в численности его отметивших первому в рейтинге - трудолюбию. Можно сказать, что все же успешность (или даже ее материальная составляющая) ценится несколько выше альтруизма.

Родители, помимо всего перечисленного, хотели бы видеть своих детей порядочными людьми (эта позиция для них очень важна и стоит на втором месте, превосходя по числу выбравших эту характеристику даже доброту). Возможно, именно это качество, наряду с честностью, поможет детям, по мнению родителей, достичь успеха в жизни, правильно выстраивая отношения с людьми. Однако молодежь (44,1%), и подростки в особенности (около 35%), несколько реже выбирают этот аспект. Как и в других позициях, возможно, эта цель лишь декларируется, однако поведение родителей, их невербальные послылы, личный пример наталкивают часть подростков на выбор других характеристик воспитания в качестве ведущих. Так, например, 40,5% из числа опрошенных родителей отметили, что они хотели бы воспитать в ребенке «широту мышления, любознательность и интеллект», однако лишь пятая часть молодых людей (вдвое меньше!) и около четверти молодежи сочли, что у них это воспитывали, возможно, приняв желаемое родителями за какой-то другой аспект воспитания.

По ответам молодежи и подростков видно, что родители довольно часто указывают им на необходимость хороших манер и вежливости (43,2% и 33,5%), а также опрятности и аккуратности (39,7% и 31,5% соответственно). Однако сами родители хоть и ставят эти позиции на относительно высокое место, прививая детям нормы и правила, принятые в данном обществе, считают их менее значимыми (37,4% — «вежливость, хорошие манеры» и 30,0% «аккуратность, опрятность»). Позицию «послушание» выбрали 19% родителей, возможно, в этих семьях реализуется авторитарный тип детско-родительских отношений, как видно, что их не очень много, хотя молодежь (25% опрошенных) считает, что у них воспитывают (возможно, будет более уместным употребить слово «требуют») послушание несколько чаще.

Интересен момент, что во многих позициях расхождение больше между молодежью и родителями, нежели между подростками и родителями. Возможно, это возрастные различия, то есть подростки еще «соглашаются», чтобы их воспитывали, а молодежь чаще бунтует и подменяет одни воспитательные послылы другими.

Если проанализировать мнения родителей о том, что у них пытались воспитывать их родители (сегодняшние бабушки и дедушки), то выяснится, что трудолюбие потеряло некоторое число своих сторонников-воспитателей, наблюдается снижение значимости этой позиции в зависимости от возраста опрошенных и сокращение разрывов между этой целью воспитания как наиболее значимой и остальными. Наоборот, становятся значительно более популярными такие ценности воспитания, как «стремление к успеху» (лишь 8,3% ощущали, что у них это качество хотят воспитать и 26,6% хотят видеть у детей), «настойчивость» (17,8% против 26% соответственно), «целеустремленность» (23,7% и возрастание до 42,7% у современных родителей) и, собственно «индивидуальность» (с 12,5% до 25,5%), а также «бережливость в отношении денег и вещей» (с 9,2% до 25% у сегодняшних родителей). Однако именно в индивидуалистических целях воспитания наблюдается наибольшее расхождение между мнениями родителями и младшими группами респондентов. Возможно, что родители, полностью признавая необходимость наличия этих качеств у своих детей, даже ощущая их нехватку у себя, воспитывают их несколько наугад, не имея личного примера такого воспитания (в иных аспектах воспитания — доброте, порядочности, трудолюбии — расхождение несколько меньше). Можно сказать, что трансформация воспитательных ценностей и стратегий в российской семье произошла, однако реальное внедрение новых форм воспитания идет относительно медленно.

Российское общество становится все более мультикультурным, в нем уживаются совершенно различные традиции, ценности и цели воспитания. При этом исследование свидетельствует об изменении воспитательной стратегии поколений в сторону качеств, обеспечивающих личный успех и независимость; наблюдается движение в сторону тех ценностей, которые приветствуется обществом.

Список цитированных источников

1. Подерин, В.К. Методологическое и практическое значение изучения эксплицитных и латентных функций семьи: в кн. «Семья в мире социальных изменений»: сб. науч. тр. – Казань: ГУ «НИЦ семьи и демографии АН РТ», 2008 – 530 с.

2. Фонд "Общественное мнение". Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fom.ru;

3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Левада-Центр. www.archive/semya/kachestva-kotorye-roditeli-khoteli-vozpitat-v-svoikh-detyakh-otvety-ranzhirovany-po-pe

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ

И.П. Лотова

Институт изучения детства, семьи и воспитания, РАО, г. Москва, Россия

Средства массовой информации уже давно стали не только источником информации, но и средством социализации, воспитания и образования личности. Ретроспективный анализ исследований по социализации личности свидетельствует о разноаспектном изучении этого феномена социологами, социальными психологами и педагогами.

Нам более близка точка зрения А.В. Мудрика, который определяет сущность процесса социализации личности многофакторностью влияющих условий и обстоятельств. В работах А.В. Мудрика представлены такие педагогические характеристики факторов социализации, как мегафакторы (космос, планета, мир), макрофакторы (страна, этнос, общество, государство), мезофакторы (регион, село, город, поселок, средства массовой информации, субкультура) и микрофакторы (семья, соседство, микросоциум: группа сверстников, воспитательные организации, общественные организации).

Значимым итогом социализации и воспитания личности является развитие у нее определенной системы качеств, которая фиксируется понятием «социальная зрелость» и включает в себя интеллектуальную, трудовую, профессиональную, мировоззренческую, политическую, нравственную и другие стороны личностной зрелости. Зрелость представляет собой определенный этап в развитии, какого-либо процесса или явления, который характеризуется высшими достижениями качественных и количественных параметров этого развития. Стадия зрелости характеризуется реализацией потенций и возможностей, которые были заложены в данном явлении ими процесса, превращением этих возможностей в действительность.

Гармоничная социализация и цели воспитания предполагают создание ребенку социальной ситуации развития, среды общения и деятельности, позволяющей адаптировать школьника к современным условиям жизни, воспитать гражданина-

патриота, сформировать чувство коллективизма и умение жить и работать в коллективе, воспитать инициативу, самостоятельность, профессиональную ориентацию, развить творческие способности, организовать интересный и плодотворный досуг.

Инициировать данную проблему в настоящее время способны многие факторы. Но по результатам исследований последних лет в числе наиболее веских, влияющих на молодые умы, являются средства массовой информации (СМИ).

Аспекты влияния СМИ многочисленны. Здесь важно знать и учитывать как положительные, так и отрицательные факторы. СМИ, в первую очередь, являются важным информатором. Сообщая о новостях в стране и мире, они приобщают школьников к общественной жизни и социальным ценностям.

Так, например, при проведении опроса «Для чего молодые люди пользуются Интернетом» было выявлено: для образования – 53 %, для общения – 40 %, для удовольствия – 35 %, для поиска информации – 27 %, быть в курсе новостей – 17 % (так как допускалось несколько ответов на один и тот же вопрос, поэтому в сумме получилось более 100 %).

СМИ дают современным учащимся школ более широкий кругозор и степень информированности, нежели это было во времена наших родителей. СМИ обеспечивают более быстрое вхождение человека в общество, так как он имеет перед глазами множество различных примеров социального поведения.

При рассмотрении отрицательного влияния СМИ на человека большинство ученых признают его значительное преобладание над положительным, средства массовой информации оказывают пагубное влияние как на психику детей, так и на их физическое здоровье, являются средством манипуляции, а так же способом развития агрессивности.

Для того, чтобы избежать деформирования психики у детей, необходимо соблюдать установленные нормы и правила, которые ограничивают просмотр телевизионных передач, способствуют развитию так называемой «медиа-грамотности» родителей и школы. В результате появится возможность научить детей правильно понимать то, что они видят по телевизору, в кино, в том числе – в рекламе.

Многие исследователи пришли к выводу о том, что дети часто в игре или жизненных ситуациях подражают увиденному на экране. Зарубежный ученый М. Хьюсман с группой исследователей отслеживали корреляцию между просмотром телепередач и агрессивностью в течение 20-ти лет. Исследователи обнаружили, что тяжесть совершенных преступлений у 30-летних взрослых людей напрямую связана с имевшимися у них в детстве предпочтениями в телепередачах [1].

Ученые в области психологии обеспокоены тем, что мы можем в скором будущем получить поколение неуправляемых, агрессивных и жестоких людей с деформированной психикой. Американские психологи вычислили: подростки к двенадцати годам становятся свидетелями 100 тысяч сцен насилия и убийств по телевидению [2].

Известный канадский психолог А. Бандура вместе со своими коллегами провел первые опыты, связанные с влиянием средств массовой информации на поведение человека. В исследованиях участвовали дети от 3 до 7 лет. Им показывались короткометражные мультфильмы, в которых взрослый человек негативно обращался с куклой Бобо. После просмотра этих сцен детям давалось время на игру в пределах 10-20 минут, а исследователь в это время сосредоточенно наблюдал за каждым ребенком, фиксируя их действия и поступки. По результатам этого опыта было констатировано, что некоторые дети повторяли поведение актера, т.е. имитировали акты агрессии [3, с.23].

По мнению ученых, огромное количество детей, под влиянием потока западной кинопродукции, становятся жестокими, дерзкими и грубыми, не способными к восприятию нормальных человеческих чувств [4, с.55].

Отечественный психолог Р.С. Немов отмечает, что СМИ, пропагандируя упрощенную, примитивную культуру, затмевают высокую, настоящую, признанную в мире и получающую высокую оценку у специалистов. Согласно результатам опроса, проведенного в России в 2008 году, в 100 % соотношении телевидение выбрали 65 % респондентов, 32 % черпают информацию из Интернета, радио – 28 %, периодические издания (газеты и журналы) – 18 %.

Что касается европейских школьников, то они отдают предпочтение Интернету. А точнее, 46 % респондентов заявили, что все чаще выходят в онлайн, жертвуя просмотром телепередач [5, с.98].

При рассмотрении отрицательного влияния СМИ на человека большинство ученых признают его значительное преобладание над положительным (Коготько, 2008); средства массовой информации оказывают пагубное влияние как на психику детей, так и на их физическое здоровье, являются средством манипуляции, а также способом развития агрессивности [6, с.17].

В современном обществе все чаще говорится о необходимости формирования такой личности, которая обладает информационной культурой, может самостоятельно выбирать информацию для восприятия, запоминания и применения в своей жизни. В данном контексте актуальна проблема интернет-образования или дистанционного образования. Системное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), технологий дистанционного обучения (ДО) – эффективное решение проблемы образования и социализации детей, в том числе с ограниченными возможностями здоровья.

Неоспоримые преимущества онлайн обучения – это возможность учиться в любой точке мира. Основные преимущества онлайн обучения состоят в преодолении больших расстояний. Электронное обучение не требует непосредственного контакта ученика с учителем, что открывает новые возможности.

Во-первых, такой способ обучения позволяет учиться тем, кто не может посещать обычные классы по состоянию здоровья или из-за удаленности школы.

Во-вторых, он улучшает связь между студентом, учащимся и преподавателем. Контакт между ними возможен в любое время – не только в аудитории, классе.

В-третьих, онлайн-обучение позволяет индивидуализировать обучение. Студенту нет надобности приспосабливаться к темпу учебы целой группы. Скорость обучения зависит только от него.

Наконец, электронное обучение экономит время. И студенты, и преподаватели могут работать в своих собственных домах, не тратя время на дорогу в учебное заведение. Следует также отметить, что мультимедийные учебные материалы более разнообразны и интересны, чем те, которые используются в традиционных аудиторных и классных занятиях.

Однако без непосредственного контакта ученика с учителем (и другими обучающими) нет позитивного эффекта социализации детей, нет особых преимуществ перед традиционными формами обучения.

Во-первых, у детей не развиваются социальные навыки, такие как общение и работа в коллективе. Контакт через сеть с другими пользователями имеет иной характер, чем непосредственное общение. Она не учит, как необходимо вести себя в реальном мире.

Во-вторых, у детей должно быть постоянное общение. Во время общения с педагогами и сверстниками дети «поглощают» элементы культуры учебных заведений. Также нужно обратить внимание на то, что развитие инфраструктуры, необходимой для электронного обучения, является дорогостоящим удовольствием. На сегодняшний день обучение в режиме онлайн стоит расценивать как выгодную инвестицию в будущее. Даже критики электронного обучения не ставят под сомнение полезность данного метода в качестве дополнения к традиционному обучению.

Минусы и школьного, и дистанционного образования нужно превратить в плюсы, и мы можем это сделать. Нужно обсуждать, переосмысливать, совершенствовать до тех пор, пока личные мнения каждого не найдут точек соприкосновения и не возникнет одна общая линия решения проблемы. Нужно разумно соединить и получить третью форму обучения – школьно-дистанционную.

Список цитированных источников

1. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Портал о здоровье и личностном росте. Влияние компьютера на ребенка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://zdorovja.com.ua/content/view/326/187>
3. Бандура, Альберт. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений; пер. с англ. Серия: Психология, XX век Издательство: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С.23. (Психология. XX век) . – ISBN 5-04-004214-0. Данные ВОЗ по требованию к организации телепросмотра для детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.who.int/ru/>
4. Буданцев, Ю.П. Социология массовой коммуникации. – М.: Издательство МНЭПУ, 1995. – С.55.
5. Немов, Р.С. Психология. – Москва, 2003. Книга 1: Общие основы психологии. – С.98. // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/nemov1/index.php
6. Виленчик, М.М. Отдаленные последствия воздействия излучений. – М.: Энергоатомиздат, 1987. – С.17.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.С. Лученкова, А.П. Мядель

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь

Доминантой современного этапа цивилизационного развития выступают процессы глобализации, придающей современному миру более сложный, противоречивый, отягощенный многими рисками характер. В определенном смысле процессы глобализации сводимы к проблеме соотношения континуальности и дискретности (однородности и различий) в динамике мирового пространства. Глобализация стала одним из факторов устойчивого роста научного интереса к проблеме государственных границ и приграничных регионов. С одной стороны, это обусловлено внутри- и межгосударственными противоречиями, с другой – глобализацией экономики и развитием регионального сотрудничества. В контексте этих противоречий существенную роль играют государственные границы, которые влияют на развитие

приграничных регионов и страны в целом посредством своих базовых свойств. Благодаря границе государство реализует свою протекционистскую функцию, защищая интересы национальных производителей и потребителей. Другим базовым свойством государственной границы выступает контактность, которая выражается в проводимости национальных границ для перемещения через них товаров, людей, финансов, информации. Последнее свойство определяется степенью открытости внешних гуманитарных и экономических связей, которые регулируются через нормативно-правовые акты, развитостью институтов, обеспечивающих международные контакты, состоянием приграничной инфраструктуры.

Особое значение приграничная проблематика имеет для Беларуси, приграничный периметр которой протянулся на 2969 километров. Белорусско-российское приграничье формируют три области Беларуси (Витебская, Гомельская, Могилёвская) и три области Российской Федерации (Брянская, Псковская, Смоленская), а общая протяжённость белорусско-российского участка государственной границы составляет 990 километров. Белорусско-российский приграничный регион внушительен как в географическом, так и в административном плане. В основе его интеграции присутствуют исторические, геополитические, религиозные, социально-экономические и военные факторы.

В настоящее время выделяют четыре основные формы интеграционных объединений, которые направлены на усиление роли и места участвующих в них государств в глобализирующемся мире:

- 1) зоны свободной торговли, исключая таможенные барьеры при проведении торговых операций;
- 2) таможенный союз, предполагающий единые таможенные тарифы и свободное перемещение товаров и услуг;
- 3) экономический союз со свободой перемещения в рамках интеграционного объединения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы;
- 4) валютный союз, предусматривающий единую валютную систему.

Правовую основу экономической интеграции Беларуси и России составляют Договор о создании Союзного государства и Программа действий по реализации его положений от 8 декабря 1999 г. Эти документы определили задачи по формированию единого экономического и таможенного пространства, гармонизации национального законодательства в экономической сфере, переходу на использование единой денежной единицы, созданию объединённых энергетических систем. Качественно новым шагом в развитии интеграционного взаимодействия стало создание в 2010 г. Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Реализация соглашений, подписанных в рамках Таможенного союза, позволила унифицировать экспортно-импортные тарифы и перенести с 1 июля 2011 г. все виды согласованного государственного контроля с внутренних на внешние границы Таможенного союза. С 1 января 2012 г. начало действовать Единое экономическое пространство с участием России, Беларуси и Казахстана, в рамках которого предусматриваются обеспечение не только свободного движения товаров, но и услуг, капиталов и рабочей силы, а в перспективе и проведение согласованной валютной и макроэкономической политики. Закономерным итогом интеграционных процессов стало подписание 29 мая 2014 г. договора о создании Евразийского экономического союза, вступившего в силу с 1 января 2015 г.

Экономическая сфера сотрудничества белорусско-российских регионов является одним из важнейших направлений развития интеграционных связей между партнёрами по Союзу России и Беларуси [1, с. 92]. Это предопределяется совокупностью рядом объективных факторов: геополитическим местоположением двух государств, культурно-цивилизационными особенностями, взаимодополнением их экономических интересов, наличием достаточно высокого уровня научно-образовательных и технологических связей, сформировавшейся в советские времена относительно разветвлённой инфраструктурой, которые объединяют между собой Беларусь и Россию.

В хозяйственном плане приграничные с Беларусью регионы в целом являются депрессивными, имеющими в основном неконкурентоспособные отрасли обрабатывающей промышленности, нерентабельное сельское хозяйство и недостаточно развитую транспортную инфраструктуру. Тем не менее, в рамках приграничного российско-белорусского сотрудничества активно развиваются различные формы внешнеэкономической деятельности, способные изменить и улучшить положение в приграничных регионах.

В настоящее время наибольшее развитие получила торговля между приграничными регионами. Полного статистического учёта товарообменных операций в пределах непосредственно приграничной территории как с российской, так и с белорусской стороны не осуществляется, прежде всего потому, что торговля во многом имеет «челночный» характер, без оформления её участниками прав и обязанностей предпринимательской деятельности. Об объёмах и структуре приграничной торговли можно судить на основе экспортно-импортных операций на уровне областей. Департамент внешних связей правительства РФ констатировал, что на Смоленскую, Брянскую, Псковскую области приходится 4,72 % общего товарооборота российских и белорусских регионов. Во многом именно поэтому товарооборот трёх приграничных областей Беларуси (Витебской, Гомельской, Могилёвской) с названными российскими регионами не отличается от их взаимодействия с «дальними» регионами России. Например в общем объёме торгово-экономического взаимодействия Беларуси с субъектами Российской Федерации Смоленская область занимает 5-е место: в 2012 г. товарооборот между ними впервые в истории торгово-экономического сотрудничества достиг 1 млрд. долларов США [2, с. 55-59]. В товарной структуре белорусского экспорта в Россию преобладает продукция электронной, нефтехимической, химической, пищевой и лёгкой промышленности, металлообработки, автомобилестроения, строительной индустрии, сельскохозяйственного производства. В товарной структуре российского экспорта в Беларусь преобладают топливно-энергетическое сырьё (нефть, природный газ), металл, древесина, разнообразная продукция машиностроения, в том числе транспортные средства.

Развивается в приграничье и торговая инфраструктура. Например в Смоленске открыт первый Торговый дом, объединяющий ряд белорусских товаропроизводителей (ОАО «Гродненский мясокомбинат», «Новогрудский маслодельный комбинат», «Слонимский мясокомбинат», «Лидский молочно-консервный комбинат», «Волковысский мясокомбинат» и др.). Жители Смоленской области ежегодно участвуют в выставках-ярмарках, таких как «Инвестиционный форум» в Витебске, «Весна в Гомеле», «Инвестиции — кооперация — экспорт» в Могилёве. В Брянской области ежегодно проводится более 20 выставочно-ярмарочных мероприятий, в которых системати-

чески участвуют представители предприятий из Республики Беларусь. В российско-белорусском трансграничном регионе развивается и производственное сотрудничество между крупными предприятиями, холдингами и производственными объединениями [3, с.301-309]. На этом уровне общая картина в целом выглядит достаточно позитивно.

В рамках приграничного сотрудничества активно развиваются связи между Псковской и Витебской областями. В Пскове регулярно проходят ярмарки белорусских товаров, в которых участвует широкий круг производителей из соседней области. Так, в 2010 г. белорусская сторона была представлена 25 предприятиями. В рамках сотрудничества с белорусскими производителями сельскохозяйственной техники во время ежегодных выставок-ярмарок «Белагро» проводятся встречи по обмену опытом, где предприятия Псковской области знакомятся с новыми технологиями в растениеводстве и животноводстве, с новой техникой, заключают взаимовыгодные контракты для внедрения их в производство в российских условиях.

Достаточно активно развивается в приграничье инвестиционное сотрудничество. В структуре белорусских инвестиций 100 % приходится на прямые инвестиции. Например в 2012 г., по данным Федеральной службы государственной статистики по Псковской области, на её территории зарегистрировано 50 предприятий с участием белорусского капитала. Для поддержки сотрудничества в сфере предпринимательства Псковской областной администрацией была создана автономная некоммерческая организация «Фонд гарантий и развития предпринимательства Псковской области». Одно из направлений её деятельности – расширение партнёрской сети в соседних государствах. В сети контактов фонда есть предприниматели и структуры поддержки бизнеса Республики Беларусь, с которыми в настоящее время идёт активное развитие диалога [4, с.55-66].

Осуществляется приграничное сотрудничество российских регионов и с белорусскими производителями сельскохозяйственной продукции. Например Могилёвская область оказывает серьёзную помощь в загрузке перерабатывающих предприятий Смоленской области. Значительная часть того же молока, произведённого на могилёвской земле, уходит в Россию. И эту продукцию можно рассматривать как белорусские инвестиции в экономику Смоленской области. Кроме того, в приграничных районах Смоленской и Брянской областей периодически, особенно во время уборки урожая, белорусской стороной оказывается помощь в виде предоставления сельскохозяйственной техники российским хозяйствам.

Особое внимание в приграничном сотрудничестве уделяется развитию инфраструктуры приграничных территорий, сотрудничеству в области охраны окружающей среды и обеспечению санитарного, экологического и ветеринарного благополучия, защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, правоохранительной деятельности и регулирования миграции населения. Одними из перспективных форм приграничного сотрудничества становятся еврорегионы, кластеры, особые экономические зоны, созданные на границах. Наиболее качественно эти задачи реализуются в настоящее время при проведении ставших традиционными форумов межрегионального сотрудничества, проходящих как с привлечением глав государств, так и руководства регионального уровня. Эта новая форма диалога по широкому кругу вопросов становится все более результативной по итогам своей деятельности.

Основываясь на анализе теоретических аспектов развития приграничного сотрудничества и взаимодействия, представляется целесообразным осуществить проработку ряда совместных проектов, призванных углубить и расширить сферу двусторонней специализации и кооперации как на микро-, так и на макроуровне. Конкретные рекомендации по формированию Комплексной программы приграничного взаимодействия Беларуси и России были предложены учёными Национальной академии наук Республики Беларусь ещё в 2006 году, но до настоящего времени они не реализованы [1, с.94]. Это обусловлено как различиями экономических моделей соседних государств, так и рядом «факторов-ограничителей» межрегиональной интеграции, а именно:

- отсутствием заинтересованности в опытно-конструкторских разработках новых технологий и изделий вследствие несовершенства системы экономических и правовых регуляторов;
- неразвитостью венчурного предпринимательства;
- отсутствием специальных целевых программ на областном уровне для приграничных районов;
- неэффективным управлением и дефицитом инициативы местных властей;
- нехваткой инвестиционных ресурсов;
- коррупцией и криминализированностью (этот показатель в России вдвое выше, чем в Беларуси); деформирующими все хозяйственные отношения;
- несовершенством законодательной базы [5, с.114].

Развитие сотрудничества приграничных регионов России и Беларуси происходит в рамках Союзного государства, поэтому важнейшей задачей развития отношений между российскими и белорусскими приграничными областями является выработка концептуального подхода к развитию сотрудничества приграничных территорий, наполнение принятых документов конкретным практическим содержанием посредством создания и реализации межрегиональных программ сотрудничества в различных областях. Интенсификации интеграционных процессов может способствовать развитие национального законодательства Республики Беларусь в области приграничного сотрудничества, повышение роли органов регионального управления и местного самоуправления через делегирование на региональный уровень дополнительных компетенций в сфере осуществления международных связей.

Список цитированных источников

1. Никитенко, П. Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России / П. Никитенко, Т. Вертинская // Общество и экономика. – 2006. – №3.
2. Часовский, В.И. Производственно-экономическое сотрудничество приграничных территорий Смоленской области и Республики Беларусь // Псковский регионологический журнал. - 2012. - №13.
3. Часовский, В.И. Механизмы и этапы интеграции промышленности стран СНГ в региональные и мировые индустриальные структуры // Актуальные проблемы современной географии. – Смоленск: Универсум, 2007. – Вып. 5.
4. Баландин, А.А. Роль совместных проектов в приграничном сотрудничестве / А.А. Баландин // Вестник научной информации ИМЭПИ РАН. Реформы вчера, сегодня, завтра. Приграничные районы, приграничное сотрудничество. – М., 2000. - № 11-12.
5. Часовский, В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский регионологический журнал. – 2014.- № 17.

КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (1921-1939)

В.С. Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Особенности аграрной культуры западного региона Беларуси определяются спецификой аграрных отношений, имевших место в недавнем прошлом. В XX веке многие общества пережили период трансформации, который значительно изменил их облик: соотношение городского и сельского населения, характер занятости и т.п. Обобщенно его можно было бы определить как модернизация аграрных обществ под влиянием индустриализации и сопутствующих явлений в культуре.

Важным участником социальных, экономических, культурных процессов Западной Белоруссии были крупные землевладельцы. Крупная земельная собственность была одной из характерных черт экономики Западной Белоруссии. Концентрировалась она в южных воеводствах: Полесском (67,6%) и Новогрудском (50,5%). За пределами региона такой высокий процент встречался лишь в Познаньском воеводстве (53,6%).

Крупнейшим собственником было государство. В его собственности находилось 44,8% земель Полесского воеводства. Унаследовав от Российской империи роль крупнейшего землевладельца, польская республика унаследовала и патерналистский характер отношений, что в частности проявилось в планах по проведению в этой части государства масштабной колонизации (осадничества).

К обладателям «крупной частной собственности» Людвик Гроджицкий отнес владельцев земельных участков площадью более 50 гектаров [3, с. 32]. В имущественном отношении их можно разделить на три группы: хозяев более 5000 гектаров, обладателей участков от 500 до 5000 гектаров, а также собственников территорий площадью от 50 до 500 гектаров. В Полесском воеводстве насчитывалось 44 хозяйства первой категории, 270 – второй категории и 1164 – третьей. Средний размер латифундии составлял 18 тысяч гектар. На имения меньших размеров приходилось около 1,5 тысяч гектаров [3, с. 33-34]. Наиболее распространенный тип крупного землевладения был представлен хозяйствами с площадью около 130 гектаров.

Среди крупных частных землевладельцев доминировали дворяне. В Белостокском воеводстве наибольшее количество имений (110 из 577) приходилось на Гродненской повет. Их суммарная площадь составляла 40827 гектар [6, с. 19]. Дворянство владело 14% земель Гродненского повета, 15% – Пружанского, 25% – Слонимского, 27% – Брестского, 27,7% – Лидского, 29% – Ошмянского, 31% – Кобринского, 36,2% – Новогрудского, 38% – Вилейского, 71,2% – Пинского поветов [7, с. 26].

О социально-экономической роли крупных частных владений красноречиво свидетельствуют их характер и структура. Крупные имения в Западной Белоруссии располагались на землях с низкоурожайными почвами. Это определило их географию: они, преимущественно, сохранялись в воеводствах, поветах и гминах с повышенным процентом лесистости, заболоченных территорий. В Полесском воеводстве такими были части Лунинецкого, Столинского, Пинского и Кобринского поветов. Несмотря на то, что в группу крупных землевладельцев формально попадали собственники хозяйств площадью 50-100 гектаров, не менее 75 % этих площадей приходилось на малоурожайные почвы. Низкая урожайность зачастую компенсировалась количеством используемых в сельском хозяйстве площадей. С

низкой рыночной привлекательностью упомянутых земель связана пестрота социального происхождения их владельцев. Среди них часто встречались зажиточные крестьяне, священники, мелкие дворяне.

На примере нескольких хозяйств видно (см. таблицу), что только в категории до 500 гектаров встречаются такие, где сельскохозяйственными культурами занято около 50% площадей. Крупные хозяйства отличаются повышенной долей леса, неудобий, лугов. Животноводческая специализация им также не характерна. В этих условиях крупное имение не было синонимом высокотоварного конкурентноспособного хозяйства.

Характеристика сельскохозяйственного потенциала избранных крупных частных хозяйств Западной Белоруссии [6, с. 38].

№	Местность	Общая площадь, га	Пахотной земли, га	Пастбище, сенокос, га	Неудобий/лес, га	Коров/телят	Лошадей/жеребят	Свиней
1.	Кулики, Пружанский п.	286	89	28	34/135		7	
2.	Варняны, Ошмянский п.	300	102					
3.	Белоусовщина, Пружанский п.	373	202	36		304/10		108
4.	Огоревичи, Барановичский п.	947	150	695	-/98			
5.	Луковцы, Вилейский п.	1081	260	163	53/609	27/17	100/38	34
6.	Астюковичи, Вилейский п.	1200	300	100	-/800	41	30	
7.	Тышевя	1240	350	90	-/670			
8.	Круп Каменноль, Браславский п.	1300	400	200		50		
9.	Адаховщина, Барановичский п.	2300	800	1500				
10.	Ястребы, Барановичский п.	2325	407	206	-/1996			
11.	Севцы, Вилейский п.	2400	315	700		35	20	

Характерно, что в регионах с высоким процентом крупной земельной собственности отмечался низкий уровень аграрной культуры ее владельцев. В частности имения Пинского повета, по мнению местной администрации, были «ужасно запущены, в особенности те, которые насчитывают большое количество пахотной земли, поскольку из-за отсутствия живого и мертвого инвентаря собственники этих имений не в состоянии подобающим образом их обработать, эти земли в определенной мере они сдают по частям в аренду жителям окрестных деревень, которые по причине низкого уровня аграрной культуры опустошают почву, из-за чего урожайность этой земли становится все ниже и в конце концов доходит до того, что большинство этих земель становятся неудобьями» [9, с. 8]. Хозяин одного из крупнейших имений Брестского повета Леонид Ерогин «не интересовался хозяйством, и имение находилось в запустении» [8, 56об;2, с. 11]). В еще более плачевном состоянии находились имения Бориса Константиновича Постовского Дубовый круг и Медведка Брестского повета. Два кредита на сумму 20000 злотых хозяин израсходовал на личные нужды [8, с. 57;2, с. 12].

Несмотря на низкотоварный характер многих крупных частных владений и низкий уровень аграрной культуры обслуживающего их персонала, собственники не

стремились кардинальным образом менять ситуацию. Изменения ассоциировались у них с леворадикальной политикой, ведущей к социальным потрясениям. Крупные землевладельцы традиционно придерживались консервативных взглядов и по многим вопросам выступали против республиканской власти и политики польского правительства. В частности многих из них возмущала сама возможность легального существования левых партий, представляющих интересы национальных меньшинств. В 1927 году «в правой прессе проявилась все большая нервозность в связи с, надуманной, поддержкой или защитой Громады, были озвучены требования ее ликвидации. В последнее время в результате декрета о проведении аграрной реформы дворянская пресса стала бить тревогу, искусственно связывая покупку государством некоторых имений в восточных регионах, которое состоялось совершенно легальным, с фактом сохранения легальности Громады» [1, с. 7].

Детальное описание ситуации, в которой находился дворянин в Западной Белоруссии, оставила Мария Родзевич: «Он бы охотно продал часть имения, но на эти пески и болота не было желающих, так как крестьяне жили надежной, что с дня на день правительство отнимет земли у помещиков и отдаст им бесплатно. Все агитаторы и кандидаты в депутаты убеждали их на митингах, об этом же писалось в «украинских» брошюрах и журналах, щедро рассылаемых по гминам. Аграрная реформа, закон о гминах и местном самоуправлении, воеводство, сеймик, староство, налоговая система, закон о дорогах, тысячи новых предписаний, поборов, ограничений впрочем отнимали всем помещикам-полякам силы и здравый рассудок. Подорванные войной, среди руин своих хозяйств, теряя силы и веры в будущее, возможность существовать и выносить новые условия. Они были лишены средств и даже голоса в защиту своих прав в гмине и сеймике. Были меньшинством, о котором никто не заботился, которое нигде не было представлено, нигде не имело поддержки» [5, с. 103].

Консервативная позиция большинства крупных землевладельцев, основанная на защите социального статуса и имущественных прав, в определенной степени допускала отступления и, даже, поддержку новых форм хозяйствования. Известны примеры, когда хозяева имений обещали оказывать местным крестьянам значительную поддержку при условии их участия в работе польских организаций. Под влиянием владельца имения Юхновичи Дрогичинского Яна Кароля Виджиги 4 и 10 июля 1934 года украинские кооперативы в Потаповичах и Евлашах приняли решение перейти под патронат польского ревизивонного союза кооперативов «Сполем» [10, с. 1-15]. Подобные примеры свидетельствуют о размывании идеологической позиции крупных землевладельцев, росте антагонизма между отдельными представителями и группами по вопросу социально-экономической трансформации.

Широкий резонанс имело участие в избирательной кампании 1928 года в Сейм и Сенат владельца имения Баландичи Дрогичинского повета Александра Ивановича Кисловского. Его имение в 9 тыс. десятин оценивалось в сумму 200 тысяч злотых. Сочетая роль крупного латифундиста и регионального представителя концерна «Фиат», Кисловский считал возможным сочетать взгляды русского монархиста с идеями широкого просвещения (расширял и поддерживал сеть библиотек) и аграрной реформы. Деятельность Кисловского нашла отклик у интеллигенции ряда местечек Полесского воеводства (Давид-Городка, Лунина, Янова) и части крестьян. Возросшая популярность позволила кандидату от Русской национальной организации (РНО) пройти в избирательном округе № 60 в Сейм. Как оппоненты, так и коллеги по

организации раскритиковали Кисловского за популизм. После чего он перестал активно участвовать в общественной жизни [2, с. 4-5].

Крупные землевладельцы не были национально однородной группой. Наряду с польским/полонизированным дворянством была значительная группа русского/русифицированного дворянства. Со времен Российской империи между ними существовал конфликт интересов. В частности, хозяйка имения Копцовщина Гродненского повета Анна Трусова негативно относилась к полонизации и в 1937 году инициировала сбор подписей в защиту преподавания в школе Закона Божьего на русском языке. Ее инициативу поддержали 800 местных жителей [4, 9об].

В группах крупных землевладельцев с близкими политическими взглядами отношением к проводимой религиозной и национальной политике правительства также заметны отличия, обусловленные происхождением и различным социальным опытом. Именитые дворяне (вице-губернатор Лев Владимирович Лыщинский-Троекуров – владелец имения Руда Брестского повета [8, с. 57; с. 2, 9], вице-губернатор Борис Николаевич Палеолог – собственник имения Островок Дрогичинского повета [2, с. 35], князь Борис Федорович Оболенский) вели непубличный образ жизни, оказывая скромную поддержку элитарным инициативам представителей своего круга [9, с. 139; 9, с. 159; 2, с. 29]. Примером такой активности может быть съезд бывших российских кадетов, созданный князем Оболенским в Пинске 25 февраля 1932 года, на который собрались 9 человек [9, 139; 9, 159; 2, 29]. Среди лидеров национального движения, организаторов общественной жизни преобладали представители «полностью обруселой давней застенковой шляхтой» [2, с. 22]. Это было характерно для дворянства Пинского, Столинского и Лунинецкого поветов. Администрация Столинского повета характеризовала местную шляхту как «наиболее русифицированную». [9, 227об.]. Редактор газеты «Пинский голос», глава правления пинского отделения Русского благотворительного общества (РБО), умеренный монархист Николай Иванович Березницкий владел имением Соломенка Пинского повета [8, 55 об.; 9, с. 74; 2, с. 14]. Еще один председатель пинского отделения РБО, руководитель и попечитель пинской русской гимназии, меценат, просветитель Ольга Владимировна Смолянская была хозяйкой Лопатин Пинского повета [8, 55 об.; 2, с. 20-21]. Лидером радикальных монархистов г. Пинска был собственник имения Кристиново Дрогичинского повета, член нелегального Братства Русской Правды, меценат, публицист, издатель газет «Под небом Полесья» и «Пинский голос», участник избирательных компаний в органы местного самоуправления инженер Константин Петровский [2, с. 7-8].

Выводы

Крупная земельная собственность способствовала сохранению и усилению авторитарного характера государственной власти – прямой причины создания в 30-е годы национальной формы авторитаризма.

Западная Белоруссия была регионом концентрации дворянского землевладения. Недостаток политической воли способствовал сохранению в Западной Белоруссии низкотоварных латифундий. Располагались они преимущественно в местностях с низкоурожайными землями, со значительной долей болот, лугов и лесов. Крупные землевладельцы были разнородной группой населения в имущественном, социальном, национальном плане. Под влиянием процессов общественной трансформации существующие в ней внутренние противоречия усугублялись. Это проявлялось в стихийной поддержке частью землевладельцев аграрной реформы, кооперации и т.п. Ведущую роль в представительских организациях играло Местное малоземельное

дворянство в силу консервативных монархических взглядов большинства, находившихся в конфликте как с массовыми социалистическими партиями, действовавшими на местах, так и республиканской политикой правительства.

Список цитированных источников

1. Archiwum akt nowych (AAN)z. 296syg. 19.
2. AANz. 976 syg. 56.
3. Grodzicki, L. Struktura posiadania grontow na Ziemiach Zschodnich – W-wa: Komisja naukowych badań Ziem Wschodnich, 1938. – 39 s.
4. Państwowy Archiwum w Białymstoku (PAwB) z.79syg.97.
5. Rodziewicz, M. Gniazdo Białozora – Poznań: Wydawnictwo polskie R.Wegnera, 1936. – 252 s.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф.4 – Оп.21 – Д.1775.
7. НАРБ – Ф.242 – Оп.1 – Д.7.
8. Государственный архив Брестской области (ГАБО) – Ф.1 – Оп.9 – Д.136.
9. ГАБО – Ф.1 – Оп.9 – Д.1182.
10. ГАБО – Ф.1 – Оп.9 – Д.2310.

ЭЛЕКТРОННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: ПОНЯТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

С.А. Михальчук

*Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки,
г. Луцк, Украина*

Социальный прогресс XXI века отмечен тенденцией внедрения инновационных принципов коммуникации и интеракции между государством и обществом. Одни из них, такие как электронная демократия и электронное управление носят конструктивный характер, тогда как электронный авторитаризм – деструктивный.

Е-демократия и е-управление являются объектом исследования целой когорты ученых, чего нельзя сказать об электронном авторитаризме. Понятие электронного авторитаризма является в большей степени полемически острым, чем научным, однако сегодня существует потребность ввести его в научную дискуссию для характеристики конкретных политических процессов.

Определение и характеристика электронного авторитаризма отчасти являются производными от понимания электронной демократии. Так, концепция электронной демократии развивается в рамках общей теории демократии. Демократия – форма организации общества, его государственно-политического устройства, основанного на признании народа источником власти, последовательном осуществлении принципа равенства и свободы людей, их реального участия в управлении делами государства и общества [2].

Ключевая характеристика электронной демократии – изменение формы и степени привлечения граждан к принятию политических решений. Электронная демократия является следствием развития собственно демократии как института народовластия. Суть электронной демократии сводится к использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях усиления демократических процессов в условиях существования представительной демократии. Л. Фридлэнд считает, что понятие электронной демократии предполагает кардинально новую форму демократических практик, трансформированных новыми ИКТ [9].

Электронный авторитаризм, как и электронная демократия, находится в тесной взаимосвязи с определенным политическим режимом. Отличие между ними заключается в том, что если электронная демократия внедряется в пределах представительной демократии, то электронный авторитаризм является характеристикой авторитарного типа политического режима. Если главной задачей электронной демократии является собственно «электронная поддержка демократии» [12], то электронный авторитаризм имеет целью усиление авторитарных институтов и методов организации государственной и общественной жизни. Таким образом, электронный авторитаризм есть не что иное как антипод электронной демократии.

Сегодня актуализация электронной демократии и электронного авторитаризма невозможны без понимания сущности электронного управления. Электронное управление – форма организации государственного управления, которая способствует повышению эффективности, открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления с использованием ИКТ для формирования нового типа государства, ориентированного на удовлетворение потребностей граждан [1, с. 13].

В идеале, электронное управление является характеристикой представительной демократии и направлено на обеспечение прозрачности и открытости власти, но если свести его к более узкому пониманию, а именно к сетевой организации инфраструктуры власти, то его сущностные характеристики могут быть изменены в зависимости от изменения политического режима.

Дж. Снайдер в статье «Е-правительство vs э-демократия» утверждает, что власть «обожает е-управление и ненавидит электронную демократию». По мнению автора, причина заключается в том, что е-управление использует ИКТ для повышения эффективности управления, в то время как е-демократия направлена на обеспечение прозрачности в действиях власти [13]. Электронное управление, которое внедряется в пределах представительной демократии, построено на принципах, кардинально отличающихся от принципов е-управления авторитарного типа.

Функционирование электронной демократии построено на принципе горизонтальной коммуникации, при которой коммуниканты находятся в равных условиях. При электронном авторитаризме доминирующим является принцип вертикальной коммуникации, при которой гражданское общество определено объектом информации и лишено субъектного статуса.

Основой электронного авторитаризма является контроль над информационными потоками, их фильтрация, в общем Интернет-цензура. Сразу отметим, что не все, что подлежит фильтрации и цензуре, подпадает под определение электронного авторитаризма. Под электронным авторитаризмом мы понимаем форму организации государственного управления, при которой ИКТ используются не для обеспечения прозрачности в действиях власти, а для контроля над обществом. Интернет-цензура не является практикой исключительно авторитарных режимов. Так, Джермин Брукс, председатель организации Global Network Initiative отмечает, что «в мире есть, может, пара Интернет-провайдеров и государств, которые не фильтруют содержимое сети. Просто когда этим занимаются демократические государства, они ведут детальные дискуссии о том, какой именно контент и на каких основаниях подвергнуть цензуре». Даже такая страна, как Швеция, где 90% домашних хозяйств имеют доступ к Сети, не может обойти стороной вопрос цензуры. Однако шведы защищают демократию, в то время как авторитарные и диктаторские режимы – антидемократии [6].

Понятие «электронного авторитаризма» не имея основательного научного обоснования, отражает реалии общественно-политической практики. Даже в Эфиопии, где доступ к Интернету есть всего лишь у 1% населения, уже активно используют интернет-фильтр и удаленное наблюдение за соединениями пользователей [6].

Ярким примером инкорпорации элементов электронного авторитаризма в общественно-политическую практику является Китай с его проектом «Золотой щит», представляющий собой систему фильтрации содержимого Интернета в КНР. Интернет в КНР является средством пропаганды и манипуляции общественным мнением. В Китае существует целая армия комментаторов и блогеров (около 300 тыс. человек), положительно пишущих о политике коммунистической партии и правительства Китая в Интернете, на форумах, блогах и в комментариях [7].

Уникальным примером государства, почти полностью закрытого от Интернета остаётся КНДР. Доступ к нему есть у немногих северокорейцев, а большинство, если чем и пользуется, то «Кванмёном» – закрытой от внешнего мира национальной сетью [3].

Куба – страна с чрезвычайно низким уровнем информатизации. До 2008 года кубинцам запрещалось покупать компьютеры, на которые они так или иначе не имели и не имеют средств. Средняя зарплата кубинца составляет 20,48 долларов, тогда как время доступа к национальной сети составляет 1,63 долларов в час, для глобальной – 6 долларов в час. Основной способ выхода в сеть для жителей страны – точки доступа в государственных учреждениях и отелях, а также немногочисленные Интернет-кафе. Активность пользователей всех подобных точек доступа записывается. Стоимость домашнего подключения неподъемна для обычного жителя страны. **Главная проблема кубинского Интернета** заключается в том, что он есть не везде. Скоростным Интернетом обеспечена в основном только столица страны – Гавана. В провинции о нем остается только мечтать [4].

В начале 2000-х Интернет таки проник в вот уже почти 40 лет контролируруемую военными диктаторами Мьянму. Однако, количество пользователей невелико. Подключение стоит очень дорого по местным меркам, широкополосные подключения фактически отсутствуют. Так что большинству бирманцев доступ в Интернету попросту не по карману – менее 1% населения имеют доступ к Сети. Во время так называемой «шафранной революции» 2007 года всяческий доступ в Интернет в стране был отключен. Позже связь была восстановлена, однако с этого момента Интернет – однозначный враг для властей страны. Жители Мьянмы имеют доступ лишь к так называемой Myanmar Wide Web (MWW). Сам по себе факт доступа на внешние ресурсы считается нарушением закона. Любые материалы на сайтах, которые могут подорвать режим, вызвать межнациональную вражду или политическую нестабильность, считаются опасными, так что список разрешенных сайтов одобряется официальными цензорами. В стране запрещены сайты оппозиции, правозащитных групп, демократических организаций [5].

Отметим, что ни одна из систем контроля и цензуры не оказывается пока достаточно прочной. В Китае около 10% пользователей научились обходить государственную систему блокировок «Золотой щит» [6].

Как сказал Билл Гейтс: «Я не вижу никакой опасности в мире в целом, если кто-то будет ограничивать свободный поток контента в Интернете, вы не можете контролировать Интернет» [8].

В современном мире конструктивный подход к новейшим информационно-коммуникационным технологиям предполагает их использование для обеспечения

эффективности функционирования демократических институтов. Однако не всегда ИКТ способствуют реализации демократических практик. Находясь в руках властного аппарата, заинтересованного в установлении контроля над обществом, ИКТ становятся средством нивелирования демократических ценностей.

Электронный авторитаризм как общественно-политическая практика имеет отличия в зависимости от страны, где его собственно имплементируют. Так, в авторитарных странах с широкополосным доступом к сети Интернет, ИКТ в полной мере становятся электронной поддержкой недемократического политического режима. Однако в странах с низким уровнем информатизации населения, ИКТ не имеют масштабного потенциала в обеспечении функционирования авторитаризма.

Отметим, что отчасти сущность электронного авторитаризма была описана в работе американского ученого Мартина Хиллберта «Цифровые процессы и теория демократии», где он, в частности, описывает так называемую демократию «Старшего Брата» [10]. Демократия «Старшего Брата» является наиболее благоприятной для установления информационной диктатуры. Теоретические основы этой «псевдодемократической» модели мы находим в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» [11].

При демократии «Старшего Брата» информационные потоки обеспечивают беспрецедентный уровень прозрачности граждан. Государство, используя ИКТ, контролирует общество. Этот контроль является масштабным и непропорциональным. Мы видим, что иногда стирается грань между демократическими и недемократическими ценностями в условиях развития информационного общества.

Понятие электронного авторитаризма должно быть основательно исследовано, несмотря на его широкое применение в ряде стран. Помимо того, нужно сделать научное различие понятий «электронный авторитаризм» и тех демократических инициатив цифровой эпохи, которые теряют органическую связь с демократией как таковой. Существует потребность в четком очерчивании понятийного поля электронного авторитаризма, которое должно включать следующие элементы - представительная демократия, авторитаризм, электронная демократия, электронное управление, электронный авторитаризм, Интернет-цензура, информационная диктатура.

Список цитированных источников

1. Влада - бібліотека - громада: приєднуємося до електронного урядування : практичний посібник для бібліотек з надання послуг електронного урядування / Центральна бібліотека ім. М.Л. Кропивницького ЦБС для дорослих м. Миколаєва ; уклад. Г.М. Гич, Т.О. Михайловська, О.М. Некипелова, А.Є. Цуканова – Миколаїв : ФОП Швець В.Д. – 2013.

2. Колодій, А.М. Демократія, верховенство права та права людини у контексті європейської інтеграції людини / А.М. Колодій [Електронний ресурс]. – Режим доступу: irbis-nbuv.gov.ua/.../cguiirbis_64.exe?.

3. Интернет в государстве-изгое: Опыт Северной Кореи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/206327-north-korea-internet>

4. Несвободный Интернет: Куба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whoyougle.ru/texts/internet-censorship-cuba/>

5. Несвободный Интернет: Мьянма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whoyougle.ru/texts/internet-censorship-myanmar/>

6. Цензура в Интернеті стає глобальним трендом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.finance.ua/ua/news/~/289921>

7. Что такое умаодан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newfact.ru/obshestvo/strany/539-cto-takoe-umaodan-50-centovaya-partiya.html>

8. Bill Gates: Internet censorship just won't work [Electronicresource]. – Regime to access: <http://www.infoworld.com/article/2648408/technology-business/bill-gates--internet-censorship-just-won-t-work.html>

9. Friedland L. A. Electronic Democracy and the New Citizenship [Electronicresource]. – Regime to access: <http://www.cpn.org/crm/contemporary/electronic.html>

10. Hilbert M. Digital Processes and Theory of Democracy... [Electronicresource]. / M. Hilbert // Regime to access: <http://www.martinhilbert.net/democracy.html>

11. Orwell, G. 1984 [Electronicresource] / G. Orwell // Regime to access: <http://www.Planetebk.com/ebooks/1984.pdf>

12. Recommendation CM/Rec (2009) 1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) [Electronicresource] // Офіційний веб-сайт Ради Європи // Regime to access: http://www.coe.int/t/t/dgap/democracy/Activities/GGIS/CAHDE/Default_en.asp

13. Snider, J.H. E-democracy vs E-government [Electronicresource]. / J.H. Snider // Regime to access: http://www.newamerica.Net/publications/articles/2001/e_government_vs_e_democracy

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Мядель

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь

Процесс социальной трансформации современного белорусского общества настолько многопланов и сложен, что имеет смысл говорить о трансформациях, охватывающих все сферы социальной жизни и вызывающих глубокие изменения институтов и социальных практик.

Междисциплинарные исследования трансформационного процесса представляют собой новое направление социальной науки. В них ставится задача постичь суть происходящих социально-культурных, политических и психологических превращений, «измерить» глубину и степень необратимости изменений, наметить контуры рождающегося на наших глазах нового общественного порядка.

Ответ на вопрос о перспективах развития Беларуси непосредственно связан с углублением теоретического и эмпирического анализа реальных проблем, которые в изобилии порождает переживаемый нами период быстрых и глубоких изменений. Теория и методология исследования социальных трансформаций находятся в стадии становления и обсуждения. Исходя из этого, особое значение приобретает взаимосвязанность эмпирических исследований и теоретических объяснений, а также необходимость соотнесения результатов исследований и различных концепций между собой.

Теоретические и методологические трудности, с которыми столкнулись социальная философия и социология, отчасти воспроизводят в современных условиях ситуацию, сложившуюся в советской социальной науке. Конструкция, в которой философское знание об обществе играло роль теории и методологии социологических исследований, зафиксировала компромисс, достигнутый между государственной идеологией и социальной наукой. На деле, обосновывалось отождествление социологии исключительно, с эмпирическими исследованиями, обозначился разрыв между объяснительными концепциями в социологии и социально-философской теорией. Это выразилось в снижении уровня социальной рефлексии в советском обществе.

Принципиальным является то, что социальные трансформации изучаются в рамках социальной философии - составной части системы философского знания, которая под определенным углом зрения интегрирует результаты других социальных наук. Социальную философию, или философскую науку об обществе, с этой точки зрения можно представить как сумму наиболее общих выводов, раскрываемых в рамках различных социальных наук, прежде всего социологии. Речь идет о способе теоретического осмысления результатов социальных исследований в системе философского знания, которое опирается на его классические традиции и современные направления. Со временем становится все более очевидно, что для постижения сложного, многоуровневого процесса социальных трансформаций в современной Беларуси необходимы разнообразные концепции и исследовательские программы.

В постсоветский период проблема теории и методологии возникла в идеологизированном теоретическом дискурсе и была непосредственно связана с его открытостью многим западным концепциям и методологиям. На философском уровне был сформулирован тезис о том, что таким основанием становится смена парадигм социального знания; связанная с переходом к новому - «постнеклассическому» типу рациональности. В этом контексте в исследованиях социальных трансформаций возникли два подхода. Один ориентируется на множественность объяснений, рассматривая в качестве и методологической базы исследований весь корпус современных социальных теорий. Другой подход сконцентрирован на особенностях трансформаций постсоветского общества и заостряет методологическую постановку вопроса о природе объекта исследований.

В настоящее время большинство ученых признает, что в исследованиях постсоветских трансформаций отсутствует сложившийся категориальный аппарат и достаточно обоснованные модели объяснения. Это обусловлено, в первую очередь, новизной, многоплановостью и противоречивостью объекта изучения - постсоветского общества, находящегося на историческом переломе, поэтому, в известной степени, понятна преимущественная ориентация на сбор данных и их первичную систематизацию. Вместе с тем, уже сейчас обозначилась негативная тенденция к нормативности такого положения, которое закрепляет растущая специализация научного сообщества [1, с. 41-74].

Наиболее плодотворные подходы в социальной философии и социологии возникают на основе обобщения новых фактов, описания проблемных ситуаций, формулирования гипотез и создания моделей объяснения. Поворот социальной науки к реальным проблемам напрямую связан с необходимостью повышения методологической культуры исследований. Это означает, что перед профессиональным ученым встают вопросы эпистемологии, то или иное решение которых связано с его принадлежностью к определенному направлению социальной мысли. Именно в этой связи возникает вопрос о взаимоотношениях социально философского и социологического подходов: социально-философский подход стимулирует разработку новых понятий и идей, без которых невозможно развитие исследований современных социальных трансформаций, поэтому новые концепции в таких исследованиях возникают на основе синтеза философского и социологического знания.

Современные исследования социальных трансформаций развиваются в русле модернизационного подхода. Это обусловлено тем, что истоки радикальных изменений на постсоветском пространстве связаны с новым пониманием ситуации в мире. Соот-

ветственно основное внимание исследователей сосредоточено на анализе модернизационных моделей, или способов перехода к новому общественному устройству.

Модернизационный подход в широком смысле, рассматриваемый на социально-философском уровне, понимается как переход от традиционного общества к современному (modernity). Его центром выступает идея «современности», в основе которой лежит понимание того, что изменения последних десятилетий имеют всеохватывающий характер и большую глубину, чем изменения предшествующих периодов истории. На вызовы современности отвечают все общества, и многообразие этих ответов представляет собой объект изучения в социальной философии и социологии.

Другое, «узкое» понимание модернизационного подхода, более распространенное среди отечественных исследователей, основано на его отождествлении с классической концепцией модернизации, в соответствии с которой модернизация рассматривается как направленное движение от периферии к центру современного общества, отождествляемого с современным Западом, т.е. как догоняющее развитие отсталых или слаборазвитых стран.

Радикальные перемены, происходившие в последние 15-20 лет в Центральной и Восточной Европе, способствовали ренессансу модернизационного подхода и возникновению в его рамках концепции неомодернизации, которая стремится преодолеть ограничения эволюционистского взгляда на историю как на направленный процесс прогрессивного развития, предостерегая от попыток подогнать социальные изменения в разных обществах под единственную «правильную» модель перехода к современности.

Новое видение модернизации непосредственно связано с перспективой глобализации, которая втягивает в себя все социальные трансформации современного мира, которые не сводятся только лишь к развитию капитализма или становлению демократии. Включая в свою орбиту страны с разным уровнем развития, глобализация усиливает разрыв между полюсами богатства и бедности в мире, с одной стороны, и между богатством и бедностью внутри развивающихся стран, с другой. В результате в ходе глобализации возникают две разнонаправленные тенденции – «отторживание» Запада от остального мира и одновременно его стремление диктовать свои условия странам, продолжающим решать задачи собственной модернизации. Поэтому аналитики предпочитают сейчас говорить о многообразии типов модернизации. Модернизация рассматривается теперь как исторически ограниченный процесс, в ходе которого решаются задачи, связанные с рационализацией как социальной жизни в целом, так и индивидуального поведения, результатом чего является современное общество, способное отвечать на новые вызовы.

Социально-экономические, политические и культурные изменения, составляющие содержание современных белорусских трансформаций – процессы с открытым финалом. Поэтому в фокусе исследования оказываются разнообразные проблемы и тенденции, которые обусловлены активностью субъектов трансформаций и выражаются в возникновении и распространении новых социальных практик, формировании новых систем ценностей и жизненных стратегий. В связи с этим в исследованиях последних лет была поставлена проблема переориентации вектора изменений, который прежде был обозначен как «европоцентристский». Это стало основанием для противопоставления модернизационного подхода как общеисторической перспективы, с одной стороны, и конкретно-социологического анализа социального механизма трансформации, или «трансформационного подхода», с

другой, а также для понимания социальных трансформаций как стихийного, многовекторного и трудно предсказуемого процесса. Вместе с тем отказ от модернизационного подхода и пользу трансформационного не снимает проблемы общего вектора, определяющего специфику и значение современных трансформаций в контексте глобальных изменений. Модернизация - трансформация традиционного общества в направлении современности, сохраняющее методологическое значение для исследований современного общества, решающего задачи модернизации в условиях, когда наряду с внутренними проблемами перед ним стоят вызовы «новой современности» (postmodernity), сконцентрированные в «феномене риска».

Базовой моделью отечественных социальных трансформаций выступает не реформа, результатом которой является постепенное включение в процесс изменений всех социальных групп населения, а разрыв с прошлым, чреватый кризисами и социальными катаклизмами. В результате первоочередной задачи общества становится поиск стабильности, происходит воспроизводство в новых условиях прежних социальных образцов, устойчивых к последующим изменениям, возникают переходные формы сосуществования «новых» и «старых» норм, ценностей и социальных практик, препятствующих развитию модернизационных процессов «вглубь». На этой основе формируются и получают распространение жизненные стратегии выживания, которые превалируют над инновационными стратегиями.

Концепция «преодоления культурной травмы» ориентируется на исследование переходного общества как особого состояния социальной системы с характерным для него специфическим сознанием и поведением людей. Методологический потенциал моделей «модернизации через катастрофу» А. Фадиной и «рецидивирующей модернизации» Н.Ф. Наумовой, как и концепции культурной травмы, состоит в том, что они основываются на анализе конкретной социальной ситуации, сложившейся в 90-х годах XX в. в переходных обществах, выявляют ее специфическое содержание и одновременно стремятся рассмотреть современные трансформации в широком историческом контексте [2, с. 22-28].

Переходное общество – не результат исторического отставания, а возможная историческая альтернатива – «ресурс человечества». Употребляемый в социальной теории термин «запаздывающая модернизация» означает не констатацию отставания постсоветских стран от Запада (что характерно для исследований, проведенных в методологии классической теории модернизации), а констатацию специфического типа отношений с историческим временем, характерных для переходного общества. Особенность этих отношений, сконцентрированная в феномене переходности, заключается в том, что нерешенность проблем предыдущего периода вынуждает социальную систему отвечать одновременно как на вызовы современности, так и на вызовы прошлого, на которые она «не успела» или «не смогла» ответить, когда сущностные проблемы и противоречия были впервые обозначены. Интеллектуальная работа, проделанная к настоящему времени, позволила выдвинуть целый ряд объяснений и сформулировать идеи, имеющие методологическое значение для изучения различных типов проблемных ситуаций, возникающих в переходном обществе: теория постиндустриального общества, миросистемный анализ и неомарксистский подход.

Список цитированных источников

1. Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А.Н. Данилов. – Минск: Харвест, 1998. - 432 с.
2. Наумова, Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Н.Ф. Наумова. – М.: Едиториал УРСС, 1999. - 176 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ РЕСПОНДЕНТОВ

В.И. Наумова

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Семья – это первая в жизни человека социальная группа, благодаря которой он приобщается к ценностям культуры, развивается как личность, осваивает первые социальные роли. Большая часть населения земного шара живет в семье, семейный уклад считает основным и правильным, и именно к созданию своей семьи стремится, как правило, каждый человек.

Важное место в исследовании семьи занимает изучение ее структуры и системы функций. Особое внимание структуре и функциям семьи в своих работах уделяют А.И. Антонов, А.Н. Елизаров, И.В. Гребенников, Э.К. Васильева, П. Сорокин, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, И.А. Герасимова, И.Л. Анастасьева, С.И. Голод, Ю.М. Гончаров, М.Г. Муравьева, В.М. Целуйко и др.

Ученые и исследователи предлагали и продолжают предлагать различные классификации функций семьи, но практически всегда на первом месте стоит именно репродуктивная функция, и это не удивительно, т.к., как правило, всякий семейный союз строится в том числе и для того, чтобы родились и воспитывались дети – это надежда и будущее семьи.

Репродуктивная функция семьи является одной из важнейших. Но в последнее время, все чаще говоря о кризисе семьи, мы имеем в виду именно кризис репродуктивной функции. Дело в том, что ранее и в нашей стране и в России был повсеместно распространен тип многодетной семьи, при котором роль матери, как правило, сводилась в основном к рождению и воспитанию детей, вследствие чего женщина практически полностью была исключена из общественной жизни.

В настоящее время сложилась другая картина. Женщина прежде всего стремится состояться именно в общественной жизни, получить хорошее образование, построить карьеру, решить основные материальные вопросы, и очень часто рождение и воспитание детей уходит на второй план, откладывается на более поздний срок, а то и вовсе не входит в планы семьи. Вследствие чего более половины всех семей сегодня имеют одного ребенка или вообще не имеют детей, значительно уменьшилось количество семей, имеющих двоих или троих детей.

Современная демография часто выделяет и еще одну особенность – это так называемая вторая демографическая революция, суть которой состоит в том, что вслед за резким снижением детской смертности, произошедшим в 50-60гг. XX века, сократилась и рождаемость. Однако сегодня рождаемость стала уже ниже уровня, в котором заинтересовано общество. Демографы считают, что для простого воспроизводства населения семье мало иметь двоих детей. Подсчитано, что население, состоящее из двухдетных семей, примерно через тридцать лет теряет третью часть своей численности. Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы половина семей имела по трое детей, а остальные по двое. А для расширенного воспроизводства просто необходимо, чтобы больше половины семей имело трех и более детей, в противном случае нацию относят к вымирающей. Но, к сожалению, намерения многих молодых родителей на сегодня совсем не направлены на расширенное воспроизводство. И это связано еще и с таким немаловажным фактором, как занятость современных замужних женщин в сфере производства.

Именно интересом к взглядам на современную семью был вызван опрос, проводимый в рамках совместного исследования, осуществленный кафедрой философии и культурологии Брестского технического университета и Институтом семьи и воспитания РАО (проект БРФИ Г14Р-39). В рамках данного исследования был проведен анкетный опрос 728 белорусских и российских респондентов трех возрастных групп – подростков в возрасте от 13 до 17 лет, молодежи в возрасте от 18 до 30 лет и родителей (взрослых людей) в возрасте от 30 до 50 лет.

Опрос производился таким образом, чтобы подростки и молодежь отвечали независимо от взрослых, в силу чего их мнения высказывались самостоятельно. Опрашиваемые являются членами семей различного типа.

Данные о типах семей представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Тип семьи

	подростки	молодежь	родители
полная нуклеарная	74,3	58,3	67,7
полная сложная	7,1	4,2	14,5
неполная нуклеарная	14,3	15,3	11,3
неполная сложная	2,9	2,8	3,2
прочие	1,4	19,4	3,2

Семьи респондентов различаются также по количеству детей:

Таблица 2 – Количество детей в семьях

	подростки	молодежь	родители
один ребенок	27,1	29,0	45,6
двое детей	57,1	60,9	47,1
трое детей	11,4	8,7	4,4
более трех детей	4,3	1,4	1,5

Полученные данные свидетельствуют о том, что в изучаемой выборке преобладают полные нуклеарные семьи, членами которых являются 74,3% подростков, 58,3% молодых людей и 67,7% родителей. Более низкий показатель применительно к полной нуклеарной семье у молодых респондентов, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что многие из них еще не состоят в браке.

Большинство семей являются малодетными: 27,1% и 29,0% молодых людей являются единственными детьми в своих семьях, 45,6% родителей имеют единственного ребенка; по двое детей в семьях 57,1% подростков, 60,9% молодых людей и 47,1% родителей соответственно. Данные показатели весьма типичны для европейских стран, в которых нуклеарная семья является самым распространенным типом семьи, а патриархальная (сложная) семья становится все более редким явлением, и свидетельствуют о том, что современная семья развивается в соответствии с общими тенденциями, свойственными для индустриального и постиндустриального общества.

Вместе с тем можно отметить положительную динамику в количестве детей в семьях в зависимости от возраста респондентов: если в семьях взрослых респондентов лишь 4,4% имеют троих детей, то в семьях молодых людей их 8,6%, а в семьях подростков – 11,4%. Данную тенденцию можно связывать с последовательно проводимой в наших странах демографической политикой, а также с теми идеалами семьи, которые свойственны славянскому менталитету с его патриархально-общинными ценностями и установками.

В нашем исследовании определенный блок вопросов был посвящен именно вопросу планирования и рождения детей. В анкетах всех трех возрастов была предложена группа вопросов, касающихся представлений о семье. В обработанной и сведенной вместе таблице это выглядит следующим образом.

Таблица 3 – С какими взглядами на семью Вы согласны?

	Под. Бел.	Под. Рос.	Мол. Бел.	Мол. Рос.	Род. Бел.	Род. Рос.
1. При заключении брака надо оформлять брачный контракт	27,1	20,2	20,8	17,2	1,7	14,3
2. Регистрировать брак не обязательно	7,1	6,7	11,1	10,8	1,4	6,0
3. Нужно венчаться в церкви	28,6	21,3	36,1	15,3	21,1	24,1
4. Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей	22,9	12,4	29,2	35,7	32,4	18,8
5. Брак обязательно должен быть зарегистрирован, иначе это не настоящая семья	20,0	16,9	16,7	23,6	35,2	38,3
6. В наше время развод – это нормально, ничего страшного	4,3	3,4	2,8	5,1	9,9	5,6
7. Семья без детей – это не семья	42,9	33,7	31,9	31,2	46,5	31,2
8. Забота о детях является исключительно обязанностью женщин	2,9	7,9	-	5,1	2,8	7,1
9. Девушка должна сохранять девственность до свадьбы	11,4	4,5	6,9	7,6	8,5	7,5
10. Хорошая жена всегда покорна своему мужу	15,7	10,1	11,1	10,8	7,0	4,1
11. Для того, чтобы быть счастливым, не обязательно создавать семью	2,9	9,0	5,6	7,6	11,3	4,1
12. Чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	5,7	2,2	6,9	6,4	11,3	4,9
13. Одинокий человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье	22,9	20,2	27,8	19,7	31,0	6,0
14. Семья – это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга	31,4	21,3	40,3	47,8	62,0	19,9
15. Другое		4,5	1,4		-	

В таблице достоверно показано, что все возрастные группы респондентов единого мнения во мнении о том, что семья не может существовать без детей. Однако серьезные опасения вызывают данные п.п.12,13 указанной таблицы. Мы видим, что респонденты всех возрастов высказывают мнение о том, что семья на сегодняшний день не является насущной необходимостью современного человека, а родить и воспитать ребенка можно и без семьи. Именно так считают от 3% до 7% белоруссов и от 6% до 11% россиян. И это уже достаточно для того, чтобы говорить о кризисном состоянии репродуктивной функции семьи. Еще более развернуто отношение к репродуктивной функции семьи представлено в следующих таблицах. В них хорошо видно, что желание иметь детей, иметь рядом родного и близкого человека является основным показателем заключения брака, как в Беларуси, так и в России.

Таблица 4 – Если Вы хотите в будущем создать свою семью, то по каким причинам.

	Подростки Беларусь	Подростки Россия	Молодежь Беларусь	Молодежь Россия
Это отвечает желаниям моих родителей (родственников)	1,4	4,5	2,8	1,9
Так принято	18,6	15,7	8,3	7,0
Иметь ребенка (несколько детей)	22,9	15,7	27,8	36,9
Стать взрослым	8,6	16,9	2,8	5,1
Чувствовать материальную поддержку со стороны мужа (жены)	5,7	12,4	8,3	5,7
Жить отдельно от родителей	5,7	10,1	4,2	8,3
Иметь домашний уют	35,7	13,5	38,9	33,1
Иметь рядом близкого, любимого человека и не чувствовать себя одиноким	67,1	46,1	72,2	73,2
Не хочу создавать свою семью	1,4	4,5	-	0,6
Затрудняюсь ответить	2,9	1,1	4,2	1,3

Данные, представленные в таблицах 4 и 5 заставляют нас серьезно задуматься. Да по-прежнему желание иметь детей является важным фактором создания семьи, и это однозначно отметили и респонденты России и наши земляки, но боязнь одиночества и желание создать свое уютное гнездышко, которое далеко не всегда сочетается с наличием детей, в нашем опросе являются более весомыми факторами создания семьи. В современном мире все больше и больше пар, которые как принято говорить «хотят пожить для себя» и при этом рождение детей не является сегодня естественным продолжением развития современной семьи. А между тем рож-

даемость сегодня стала уже ниже уровня, в котором заинтересовано общество. Демографы считают, что для простого воспроизводства населения современной семье мало иметь двоих детей. Ведь не каждый мужчина становится отцом, и не каждая женщина — матерью. Подсчитано, что население, состоящее из двухдетных семей, примерно через тридцать лет теряет третью часть своей численности. Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы половина семей имела по трое детей, а остальные по двое. А для расширенного воспроизводства просто необходимо, чтобы больше половины семей имело трех и более детей, в противном случае, нацию относят к вымирающей. Но, к сожалению, намерения многих молодых родителей на сегодня совсем не направлены на расширенное воспроизводство. И это связано еще и с таким немаловажным фактором как занятость современных замужних женщин в сфере производства. Со времён Второй мировой войны доля работающих женщин в сфере производства значительно возросла. Статистика фиксирует обратную корреляцию между уровнем профессиональной занятости женщины и уровнем рождаемости. Занятость женщин оказывает глубокое влияние на семьи, где имеются маленькие дети. Согласно данным статистики, почти половина женщин планирует вернуться на работу после достижения трехлетнего возраста их детей, а то и в более ранние сроки.

Для того чтобы проследить реальное представление о рождении детей всем нашим респондентам был задан прямой вопрос о реальном желании иметь детей в будущем, для подростков и юношества и о реальном количестве детей в семьях взрослых, результаты этого опроса представлены в следующей таблице.

Таблица 5 – Сколько детей Вы хотели бы иметь всего?

	Под. Бел.	Под. Рос.	Мол. Бел.	Мол. Рос.	Взрос. Бел.	Взрос. Рос.
Ни одного	1,4	6,9	9,8	5,2	-	1,2
Конкретное число детей	49,3	50,6	58,6	36,4	62,1	61,8
Столько детей, сколько пошлет Бог	26,1	25,3	29,3	43,5	27,3	25,7
Затрудняюсь ответить	23,2	17,2	2,4	13,0	10,6	11,2

Данные таблицы 5 показывают, что, как правило, и в семьях наших опрошенных взрослых респондентов, и в предполагаемых будущих семьях наших молодых респондентов наиболее приемлемым является определенное и конкретное количество детей. Чаще всего это, как было отмечено выше один или два ребенка. Позитивным фактором данных представленных в данной таблице является показатель того, что более 25% респондентов всех возрастных групп и в РБ и в России высказались за то, что будут рады любому количеству детей (как говорится «сколько бог пошлет»). Но, в свою очередь удручающим является и тот факт, представленный в таблице 5, что все чаще и чаще люди откровенно заявляют о том, что совсем не хотят иметь детей. В нашем опросе это от 1.2% до 9.8% респондентов различных возрастов и из Беларуси и из России.

В заключение хотелось бы сказать, что результаты нашего исследования позволяют нам сделать ряд характерных выводов, касающихся современного состояния семьи, а именно:

– к сожалению, современная семья проходит этап деформации ее репродуктивной направленности;

– сегодня семья не является единственным институтом, выполняющим репродуктивную функцию.

– следует отметить и такой безрадостный факт современной семьи как абсолютное нежелание иметь детей.

Однако хотелось бы отметить, что несмотря на все трудности, которые переживает сегодня институт семьи в наших славянских странах, у семьи, я считаю, есть позитивное будущее, которое с уверенностью позволяет мне говорить о том, что ни в РБ, ни в России мы не столкнемся с тем кризисом семьи, который переживает современная Европа. И для того чтобы мы могли сохранить наше традиционное представление о семье и ее ценностях, наши государства ведут направленную и взвешенную политику актуализации и развития ценности современной семьи.

Список цитированных источников

1. Антонов, А.И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. – М., 1995.

2. Дружинин, В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 208 с.

3. Мацковский, М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. – М.: 2006. – 340 с.

4. Харчев, А.Г. Современная семья и ее проблемы / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. – М.: Норма, 2008. – 345 с.

5. Целуйко, В.М. Психология современной семьи / В.М. Целуйко. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2004. – 288 с.

PROBLEMY WDRAŻANIA INNOWACYJNOŚCI W WOJ. PODLASKIM

Tadeusz Popławski,

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Wstęp

Innowacyjność regionalna jest ważnym procesem kreującym podstawy rozwoju regionu, który wymaga gruntownej analizy teoretycznej i praktycznej. Źródła nowych pomysłów są różnorodne: dotychczasowe strategie i dokumenty na temat innowacji, „burze mózgów”, sesje i konferencje naukowe, materiały prasowe, szkoleniowe, raporty o wdrożeniach, sprawozdania innowacyjnych ośrodków i wydziałów uczelni regionalnych, analizy praktyk innowacyjnych przedsiębiorstw, agend rządowych i samorządów, prace wybitnych uczonych dotyczące kreatywnej przedsiębiorczości, programów innowacyjnych, przykłady z wiodących pod względem innowacyjności krajów itp. Myślenie heurystyczne, lateralne, czyli kreatywne, nowatorskie, niekonwencjonalne, „niespodziankowe”, nakierowane na zmianę staje się źródłem pomysłów na innowacyjność (Obłój, 1998; 63). Nawet niekonwencjonalne style życia mogą być ciekawym przyczynkiem do wyszukiwania nowych rozwiązań i spojrzenia z zewnątrz np. znaczącą rolę mogą tutaj odgrywać nowe doświadczenia

wyniesione z pobytów migrantów z województwa w krajach zachodnich, którzy mają zwykle krytyczną postawę wobec regionu, ale i intencję wprowadzania zaobserwowanych innowacji u siebie, vide – niespodziewany, ale wielki sukces podlaskiego rolnictwa ukazuje wpływ takich postaw zaradnej przedsiębiorczości. W niniejszym opracowaniu przedstawione zostaną wnioski dotyczące możliwości działań innowacyjnych w powiązaniu z wyznaczeniem ram rozwoju dla województwa podlaskiego tworzącego koherentny system innowacji, co umożliwi wymianę dobrych praktyk, planowanie zmian i przewidywanie potrzeb innowacyjnych. Praktycznym wnioskiem posłużyć może analiza SWOT, napisana w sposób dynamiczny, ukazująca zwłaszcza jak poprawić słabe strony regionalnej strategii innowacji (parki technologiczne Polska-Wschód w Suwałkach i BPN-T, udane przypadki kooperacji nauki z przemysłem, inwestycje np. lotnisko, w mniejszym zakresie klastry). Monitorowanie systemu innowacji w tych dziedzinach, które są podstawą podlaskiej pracy i przedsiębiorczości jest niemal obowiązkiem władz regionu. Można stworzyć nową politykę wzrostu regionu, której podstawą byłoby proinnowacyjne nastawienie do działalności gospodarczej i rozwiązywania problemów społecznych, takich jak choćby słaba oferta pracy dla absolwentów wyższych uczelni w kluczowych dla rozwoju regionu specjalnościach, na które jest popyt w kraju i za granicą.

Należy dążyć do wdrożenia regionalne rozwiązania systemowe w zakresie innowacji, na których bazowałyby rozwiązania niższego rzędu, takie jak gospodarka oparta na wiedzy w województwie podlaskim, regionalna scena innowacji złożona z uczelni i ośrodków innowacyjnych powiązanych z firmami (np. parki technologiczne, centra transferu technologii, firmy spin-off i spin-out powstające na bazie kadry naukowej i laboratoriów uczelni, szkoły rolnicze i Ośrodki Doskonalenia Rolniczego w rolnictwie (wiodący w Polsce ODR Szepietowo), instytucje wdrażające programy informatyzacji przedsiębiorstw i szkoleniowe, agendy samorządowe i rządowe, odpowiedzialne za innowacje). Przykładem takiego typu pragmatycznego myślenia była realizowana w gm. Zawady inwestycja drogowa, gdzie położono od razu światłowód do internetu, gdyż jest to tańsze niż późniejsze rozkopywanie ulic.

Sukces regionalnej innowacyjności w regionie jest to, co kiedyś nazwałem „zaczynem instytucjonalnym procesu innowacji”. Zaczyn ów stanowią istniejące instytucje uczestniczące w projektowaniu innowacji w regionie takie jak: urząd marszałkowski, Naczelna Organizacja Techniczna, Międzynarodowe Wschodnie Centrum Innowacji, „Wrota Podlasia” i pozostałe portale internetowe, media lokalne, agencje szkoleniowe, instytucje organizujące biznes i rolnictwo (izby biznesowe, rolnicze, BCC, polsko-litewska i polsko-białoruska izba handlowo-przemysłowa), Suwalski Park Technologiczny, BFKK, ARES, Podlaska Fundacja Rozwoju Regionalnego i Polska Agencja Rozwoju Przedsiębiorczości (programy realizowane przez agendy PARPu w woj. podlaskim), uczelnie podlaskie (w tym akademickie inkubatory przedsiębiorczości i start-up'y) itp.

Innowacyjne coraz bardziej stają się firmy, które dokonują internacjonalizacji na szerokich rynkach zagranicznych, spośród których warto wymienić innowacyjno-wdrożeniowe np. AC Auto, Mlekovita, KAN), prężne firmy regionalne z udziałem kapitału zagranicznego, z sektora MŚP (małe, ale prężne firmy budowlane, drzewne, rolnicze, ogrodnicze, handlowe, wdrażające innowacje, unowocześniające swoje technologie w rozmaitych dziedzinach gospodarki województwa). Należy dostrzec sukces w Europie branży niszowych takich jak gorseciarstwo (Ava, Kinga, Kostar, Gorteks), produkcja znakomitej jakości polaru i pluszu (Biruna), dywanów (Agnella), albo mebli metalowych (Mallow) czy też ekspresów do kawy (Biazet). Unowocześniają się wdrażając technologie

pro-środowiskowe zakłady komunalne (EC Białystok, ASTWA, MPO, „Czyscioch”, Zakład Energetyczny Białystok, Wodociągi Białostockie, Mazowieckie Zakłady Gazownicze w Białymstoku i ich odpowiedniki w regionie), a także oczyszczalnie ścieków, przy ewidentnych słabościach w zakresie gospodarki odpadami komunalnymi, wykorzystaniu paliw odnawialnych czy budowie spalarni śmieci, co można potraktować jako nowy obszar innowacyjności,

– nowy obszar innowacyjny można wdrożyć w transporcie miejskim i indywidualnym, czego dowodzi system wypożyczania rowerów BIKER czy ekologiczne LPG, a można wdrożyć stacje CNG, czy nawet elektryczne lub wodorowe,

– szybko unowocześniają się, uczą oraz wprowadzają nowoczesne programy inwestycyjne niektóre samorzady woj. podlaskiego

– i najważniejsze - innowacje tworzą innowatorzy: kadra techniczna, racjonalizatorzy, wynalazcy, badacze, praktycy, menadżerowie, migranci, zakładający przedsiębiorstwa i wprowadzający w nich podpatrzone za granicą innowacje, wizjonerscy przedsiębiorcy itp. Ostatnio głośno jest o innowacyjnych systemach ppoż. „Pluma”, czy też o rękawicy dla niewidomych młodego białostockiego wynalazcy K.Psyllosa, do niedawna ucznia technikum, obecnie studenta PB.

Przeszkadzają w instytucjonalizacji innowacyjności regionalnej:

- słabo dostrzegająca problem i skłócona klasa polityczna
- przepisy prawne, które są „niezyciowe” w tym zakresie
- nieadekwatny do potrzeb podział środków na innowacyjność
- centralizacja funduszy na innowacje
- słaby lobbing podlaskich interesów w instytucjach centralnych
- brak współpracy transgranicznej.

Podlasie powinno obrać strategię endogennego rozwoju i wykorzystywania nisze specjalizacyjnych i „na uboczu” w sektorze MŚP (małe, prężne firmy budowlane, firmy oferujące nowoczesne produkty na rynki wschodnie, rola spółdzielczych form np. spółdzielni mleczarskich w produkcji, przetwarzaniu i dystrybucji wyrobów mleczarskich, ale i maszyny rolnicze, meble, okna plastikowe i drewniane, mierniki do gazu, materiały budowlane, usługi motoryzacyjne, produkcja ekologiczna, alkohole, wyroby regionalne, takie jak kindziuk, ser koryciński, sękacz, kiszka ziemniaczana, miody kurpiowskie).

Przy badaniu innowacyjności posłużyć się własną definicją, określającą innowacyjność jako strategię przedsiębiorstw, organizacji, agend i instytucji do tworzenia i wdrażania innowacji oraz wprowadzania nowych i zmodyfikowanych wyrobów, przyswojenie nowych umiejętności lub praktyk. Natomiast w wymiarze jednostkowym nowoczesność oznacza otwartość osobowości na zmianę, a także posiadanie kwalifikacji i zdolności do pracy w nowoczesnych dziedzinach gospodarki. Analizując pojęcie innowacyjności w kontekście życia gospodarczego, można przyjąć sformułowanie, że innowacyjność gospodarki to zdolność podmiotów gospodarczych do ustawicznego poszukiwania i wykorzystania w praktyce nowych wyników badań naukowych, prac badawczo-rozwojowych, nowych koncepcji, pomysłów i wynalazków (Założenia..., 1994; 15).

Mozna też ogólnie przyjąć, że innowacyjność gospodarki jest wypadkową innowacyjności poszczególnych podmiotów gospodarczych, jakimi są przedsiębiorstwa. Niektórzy z autorów wyraźnie rozróżniają innowacyjność gospodarki od innowacyjności nauki. O sile tej drugiej stanowią innowacje uzyskane dzięki i poprzez badania naukowe. Pomiędzy tymi dziedzinami innowacji nie zachodzi zwykle ścisły związek. Nawet dość

często innowacyjna nauka może nie wywoływać innowacyjności gospodarki, jeśli nie przejawia ona właściwej chłonności na innowacje. Może też być odwrotnie. Wówczas gospodarka czerpie innowacje z własnej struktury lub z zagranicy (Wiszniewski 1999; 14-20). Przykład Grecji ukazuje ważność pierwszego, natomiast Finlandii – drugiego twierdzenia.

Warto dostrzec takie podlaskie firmy, które wdrażają aspekty nowoczesnego zarządzania kosztami i przez to poprawiają pozycję konkurencyjną (K), stale redukują koszty (SRK), wprowadzają zmiany w zakresie kontroli i koordynacji działalności rynkowej (K+K), zwiększają skalę i zakres działania (S+Z), kreują innowacyjność (I), polepszają postrzeganą wartość użytkową swoich produktów w oczach klientów (PWU), kierują się strategią zapewniania wartości (ZW), która podsumowuje efekty ich działalności w taki sposób, że po zmniejszeniu kosztów dla firmy nie spada wartość produktu dla klienta. Mało znany, ale kompleksowy model Bowmana i Faulknera zastosowany wg powyższego wzoru do oceny innowacyjności (Bowman 1996, s.43-5) zawarłby wszystko, co potrzebne do wdrożenia procesu innowacyjnego i jego monitorowania na szeroką skalę, zwłaszcza w sektorze podlaskich MŚP.

2. Możliwe obszary innowacyjności w województwie podlaskim

Województwo podlaskie - jak wynika z przeprowadzonych badań, których wnioski zawarto w przywołanych na wstępie raportach – należy do najsłabiej rozwijających się gospodarczo regionów Polski, a tym samym regionów Unii Europejskiej. Jednak obecnie zauważyć można symptomy poprawy tego stanu rzeczy, co może być efektem podejmowanych wcześniej działań innowacyjnych. Z racji charakteru gospodarczego województwa, do typowych sektorów należy zaliczyć: rolnictwo, przemysł (ogólnie rozumiany) i usługi. W sektorach tych ogniskują się tendencje innowacyjne. Generalnie wynikają one z samodzielnych działań podmiotów gospodarczych wynikających z wykorzystania strategii naśladownictwa, działań administracji rządowej i samorządowej wspomagających działalność innowacyjną przedsiębiorstw (np.: program Phare), rzadziej (albo w ogóle) ze współpracy firm z jednostkami badawczo – rozwojowymi. Rodzące się innowacje wykorzystują tradycyjne atuty regionu: rodzime produkty, ekologiczność produkcji, dobrą strukturę agromą i wysoką jakość wykorzystania przestrzeni rolniczej i gleb, przygraniczne położenie, stosunkowo dużą liczbę przedsiębiorstw sektora MŚP czy różnorodność usług oferowanych w regionie. Nie sposób tutaj nie dostrzec również słabości istniejącego stanu rzeczy: niska jakość infrastruktury, nieinnowacyjne otoczenie wsi, niewiele naprawdę funkcjonujących klastrów, zbyt mały obszar gospodarstw rolnych, niedostaki w kapitale własnego czy trudności jego pozyskiwania ze źródeł zewnętrznych (brak kapitału wspierającego ryzykowne inwestycje: venture capital, bussiness angels', equity funds).

Dostrzegalne są jednak szanse na wzrost innowacyjności przedsiębiorstw, które przełożyć się mogą na innowacyjność regionu: zdefiniowanie problemów gospodarczych w dokumentach strategicznych, rosnące globalnie zainteresowanie produktami ekologicznymi, możliwość wykorzystania funduszy strukturalnych do finansowania rozwoju gospodarczego, w tym finansowania działań innowacyjnych, duży i niewykorzystany kapitał ludzki, wynikający chociażby z systematycznego wzrostu liczby ludności z wyższym wykształceniem czy olbrzymiej, bo ponad stutysięcznej grupy wahadlowych migrantów. Na przyciąganie ich kapitału oraz innowacyjnych zdolności w niektórych subregionach województwa należy szybko postawić, choćby dzięki ofercie terenów inwestycyjnych. Pojawiające się szanse mogą zostać zniweczone przez istniejące zagrożenia, wśród których wymienić można: rozwarstwienie ekonomiczne społeczeństwa powodujące

pojawienie się dużej liczby ludzi zmarginalizowanych i wykluczonych (nawet 5-10% ludności województwa), płytki popyt wewnętrzny, przywiązanie do tradycyjnych form gospodarowania na wsi wynikające m.in. z niskiego poziomu wykształcenia większości rolników, mała liczba instytucji wspierających przedsiębiorczość, niski poziom inwestycji zewnętrznych, infrastruktura (drogi, media, tereny przemysłowe) niedostosowana do wymogów nowoczesnej gospodarki, brak informatyzacji i wykorzystania nowoczesnych technologii. Poniżej przedstawiona krótka analiza SWOT ma służyć szerokiemu ukazaniu roli potencjału badawczo-rozwojowego i innowacyjnego w województwie.

Mimo dynamicznego rozwoju szkolnictwa wyższego w Polsce od lat 90. XX wieku, województwo podlaskie charakteryzuje się jednym z najniższych odsetków osób kształcących się. Zwiększonemu popytowi na usługi edukacyjne nie towarzyszy odpowiedni wzrost liczby pracowników naukowych. Ów szybki rozwój szkolnictwa wyższego nie znalazł (i nie znajduje) przełożenia na sferę gospodarczą w dziedzinie innowacyjności.

Odnotować również należy fakt wyższego niż w reszcie kraju wzrostu nakładów przedsiębiorstw podlaskich na B+R, mimo słabego punktu wyjścia oraz nierównomiernego rozwoju w regionie. Istniejące ośrodki badawczo – rozwojowe niestety często prowadzą działania pozorujące innowację w miejsce prawdziwych badań i wdrożeń. Poważnym wyzwaniem będzie stworzenie systemu powiązań sektora gospodarczego ze światem nauki, co tworzy zasadniczy zrąb obszaru prawdziwej innowacyjności regionalnej typu endogennego, charakterystycznego dla regionu peryferyjnego o silnej tożsamości i odrębności kulturowej (Popławski 1997). Wymagać to będzie zmiany modelu kształcenia na uczelniach wyższych, w celu zwiększenia stopnia partycypacji uczelni podlaskich w kształtowaniu europejskiego obszaru edukacyjnego, zaś od sfery gospodarczej – przygotowania oferty praktyk dla studentów uczelni i absolwentów, uwzględnienie możliwości oferowania stypendiów naukowych fundowanych dla przyszłych pracowników, stworzenie ram zaangażowania firm w projekty ze szkołami wyższymi oraz udziału kapitałowego w branżowych i klasterowych ośrodkach badawczo-rozwojowych (działających np. na rzecz mleczarstwa, przemysłu drzewnego, przemysłowego dziedzinie projektowania nowych produktów, wzornictwa przemysłowego, w zastosowaniu biotechnologii w firmach farmaceutycznych, spożywczych itp.).

Wobec słabych punktów głównych sektorów gospodarczych województwa podlaskiego, wnioskować należy o większą aktywność jednostek publicznych, które poprzez różnorodne programy społeczno – gospodarcze mogłyby się włączyć do motywowania do wdrażania innowacyjności. Wskazane powyżej zagrożenia, zwłaszcza w burzliwym otoczeniu rynkowym, w związku z wojną na Ukrainie i sankcjami rosyjskimi i unijnymi wymagają stałego monitorowania i oceny przez odpowiednie instytucje. Można powołać swoisty *think tank* regionalny, albo inną instytucję do tego celu.

3. Analiza SWOT obszarów innowacji w firmach podlaskich i w woj. podlaskim

Zaktualizowana analiza SWOT obszarów innowacji w woj. podlaskim stanowi, moim zdaniem, dobre narzędzie do wykrywania nowych możliwości w procesie tworzenia i rozpowszechniania innowacji w woj. podlaskim.

Silne strony	Słabe strony
<ul style="list-style-type: none"> • duża liczba mocnych szkół kształcących na poziomie wyższym, • drugi w Polsce wskaźnik liczby studentów w stosunku do liczby mieszkańców regionu, 	<ul style="list-style-type: none"> • słabo rozbudowany rynek usług konsultingowych, marketingowych, badań rynku, reklamowych, prawnych w aspekcie nowoczesnej gospodarki i niska ich jakość

<ul style="list-style-type: none"> • szeroka gama alternatywnego szkolnictwa prywatnego w stosunku do uczelni państwowych, • nacisk na badania dla praktyki i rozwój naukowy w uczelniach prywatnych, • istniejące agendy GOW (centra transferu technologii, parki naukowo – techniczne, strefy specjalne, wymiana międzynarodowa studentów, współpraca przedsiębiorstw z uczelniami), • niewielkie, ale dość prężne firmy informatyczne, • wzrost liczby ofert edukacyjnych na studiach państwowych (zaoczne, wieczorowe, podyplomowe, doktoranckie), • ciągły rozwój oferty edukacyjnej w wyższych szkołach prywatnych, ich specjalizacja np. w rolnictwie; bankowości, administracji usługach, turystyce oraz uruchamianie przez nie badań na potrzeby gospodarki regionalnej, • powstanie dwóch państwowych wyższych szkół zawodowych w Łomży i w Suwałkach, • decentralizacja szkolnictwa wyższego (nowe ośrodki: Łomża, Suwałki, Bielsk Podlaski, Siemiatycze, Hajnówka), rozwój, choć niedostateczny, wydziałów zamiejscowych uczelni państwowych (zwłaszcza politechnicznych), • nowoczesna, ciągle się modernizująca infrastruktura techniczna szkół wyższych, a nawet niektórych techników, • powstawanie dużej liczby firm szkoleniowo - konsultingowych, marketingowych, finansowych, ubezpieczeniowych, prawnych, logistycznych, eksport-import, badań rynku - wzmacnia otoczenie biznesu, • wzrost liczby obcokrajowców studiujących na podlaskich uczelniach i wymiany międzynarodowej, • wzrost liczby pracowników naukowych (zwłaszcza ze stopniem doktora), napływ pracowników z zewnątrz, a nawet i zza granicy (matematycy, informatycy, architekci, zwłaszcza z Białorusi), uruchomienie i rozwój studiów doktoranckich na wydziałach mechanicznym, elektrycznym, budowlanym (PB), • ciągły proces dostosowywania programów i kierunków studiów do potrzeb rynkowych, • wzrost współczynnika skolaryzacji na poziomie średnim i wyższym, 	<ul style="list-style-type: none"> • niewystarczający poziom finansowania badań naukowych i sfery B+R w przedsiębiorstwach • problemy ze znalezieniem zewnętrznego wsparcia finansowego p badań naukowych, brak powiązań z firmami • niskie zarobki w sferze B+R i młodej kadry na uczelniach • niedostateczna pomoc kredytowa dla innowacji lub jej brak, ze względu na duże wymagania stawiane przez instytucje finansowe, • nieistnienie instytucji finansujących projekty innowacyjne dużych podwyższonym stopniem ryzyka (business angel's, equity funds), • brak dużych firm i instytucji, mogących spełnić rolę tzw. aniołów biznesu i equity funds, wspierających mniejsze innowacyjne firmy, • brak powszechnie dostępnych programów pomostowych między uczelniami polskimi i zagranicznymi, • zbyt duże obciążenia podatkowe firm • brak wyodrębnionych struktur B + R w przedsiębiorstwach MŚP, • niedostosowanie trybu pracy pracowników naukowych oraz sposobów jej organizacji do potrzeb gospodarczych (innowacyjności), • brak ukierunkowania modelu kształcenia w szkołach wyższych na potrzeby współpracy z sektorem gospodarczym w regionie, • słaba baza drogowa, logistyczna, transportowa (np. brak jeszcze lotniska, szybkiej kolei, dróg szybkiego ruchu) czynnikiem antyinnovacyjnym, • zbyt niskie zaangażowanie administracji samorządowej i państwowej w promocję GOW i innowacyjności na terenie województwa, np. poprzez wspieranie klastrów, współpracę z innymi regionami w Europie itp.
---	---

- stosunkowo dobry dostęp do zewnętrznych źródeł informacji z agend rządowych i zapoczątkowanie społeczeństwa informacyjnego w województwie (Wrota Podlasia, portale internetowe w województwie, wortale),
- nowoczesne inwestycje koncernów międzynarodowych (np. Philips, IKEA) i regionalnych mocnych firm
- nowe inwestycje w nowoczesną aparaturę w szpitalach i medycynie,
- nowe formy powiązań i sieci zależności (innowacyjne spółdzielnie mleczarskie),
- napływ sieci do handlu podlaskiego, co powoduje współpracę dostawców regionalnych
- napływ klientów zza wschodniej granicy
- poszerza się potencjał popytu wewnętrznego,
- coraz lepsze rozeznanie banków w kredytowaniu innowacyjności

Szanse

- wyczerpywanie się prostych, nieinnowacyjnych rezerw rozwojowych w firmach podlaskich skłania je do inwestycji i modernizacji,
- internacjonalizacja firm podlaskich, zwłaszcza w obszarze transgranicznym, rozszerzenie działalności firm podlaskich poza region i za granicę (wzrost eksportu zwłaszcza na Litwę, Białoruś, Łotwę, do Rosji, Kazachstanu, ostatnio - do Estonii),
- opracowanie pakietów (pakietyzacja) komplementarnych usług oferowanych w różnych dziedzinach przez różne firmy,
- możliwość rozbudowy (tworzenia) sieci placówek sektora B + R w regionie i działów B+R w firmach,
- stworzenie przyczółków uniwersytetów III generacji w sensie nadanym temu pojęciu przez J. Wissemää (opartych na innowacji i kształcących dla innowacyjnej przedsiębiorczości),
- pozyskiwanie zewnętrznych źródeł finansowania potrzeb innowacyjnych (pożyczkowe, poręczeniowe, gwarancyjne) ,
- możliwość wykorzystywania funduszy strukturalnych do finansowania rozwoju usług i działów innowacyjnych,
- możliwość wykorzystywania funduszy strukturalnych do kreowania nowych instytucji w dziedzinie innowacji,
- możliwość kształtowania środowiskowego charakteru szkół wyższych i kooperacji z lokalnym biznesem,

Zagrożenia

- inne województwa tzw. ściany wschodniej szybciej wprowadzą system innowacji skorelowany z potrzebami regionalnych firm, zwłaszcza woj. podkarpackie,
- brak stabilności prawnej zwłaszcza w dziedzinie podatków (finansowej),
- przestarzała i niefunkcjonalna w stosunku do gospodarki infrastruktura badawcza w uczelniach państwowych,
- utrwalenie obecnie funkcjonującego systemu oceny działalności naukowej typu „nauka dla nauki”, nieinnowacyjnego, niezwiązanego z praktyką gospodarczą, nie premiującego wdrożeń),
- wysokie koszty usług konsultingowych zewnętrznych, głównie przez firmy z Warszawy,
- mała dostępność informacji o oferowanych szkoleniach i dodatkowych usługach edukacyjnych o charakterze proinnowacyjnym,
- niski poziom wykorzystania wiedzy naukowej przez przedsiębiorstwa – brak systemowej współpracy przedsiębiorstw ze sferą nauki,
- niż demograficzny w szkolnictwie,
- ucieczka młodych wykształconych ludzi z regionu,
- wtórny (funkcjonalny) analfabetyzm
- niska selektywność (liczba kandydatów) na uczelnie techniczne,

- zwiększenie atrakcyjności rynkowej kapitału ludzkiego poprzez dopasowanie profili zawodowych do aktualnych i przyszłych potrzeb rynku,
- wzrost wykorzystania w regionie nowoczesnych umiejętności absolwentów szkół wyższych,
- przyspieszenie tempa rozwoju społeczeństwa informacyjnego w regionie,
- wzrost atrakcyjności regionu dla dużych inwestorów ze względu na granicę UE,
- tworzenie i implementacja regionalnej sieci innowacji (RIS Podlasie) i GOW,
- implementacja modeli kształcenia „na zamówienie” gospodarki lokalnej, nowe profile absolwentów, szybkie systemy przeszkolenia i doszkalania pracowników w deficytowych i nowoczesnych zawodach,
- utworzenie nowoczesnych, zarządzanych informatycznie centrów logistycznych na wschodniej granicy, przy Via Baltica oraz Carpatia,
- nowoczesne obwodnice oraz inwestycje drogowe i transportowe,
- wdrażania zarządzania wspomaganego komputerowo przez firmy podlaskie,
- uruchomienie laboratoriów nowych technologii w parkach naukowo-technologicznych w Suwałkach i w Białymstoku

Ogólnie rzecz ujmując – zalecenia dotyczące wykorzystania zmodyfikowanej dla potrzeb wyznaczenia nowych obszarów wzrostu w woj. podlaskim analizy SWOT polegają na uwzględnieniu silnych stron, polepszaniu słabych, wykorzystaniu szans i uniknięciu zagrożeń. Ważne jest **osiągalność** celów i **szybkość** wdrożenia programów. W niniejszej analizie starałem się zatem mocno osadzić strategię innowacyjną w realiach województwa podlaskiego. Należy wykorzystać napływ programów unijnych, niezwykle szybki rozwój szkolnictwa wyższego w naszym województwie, powstawanie nowych przedsiębiorstw i firm, możliwości sprowadzenia nowych inwestycji na granicę UE (w tym pilna potrzeba uruchomienia „małego ruchu granicznego”) oraz najważniejszą możliwość, jaką jest olbrzymia kreatywność zasobów ludzkich i szybkość uczenia się mieszkańców tego regionu. Powinna być ukierunkowana zwłaszcza na młodzież Podlasia, która potrzebuje nowych proinnowacyjnych możliwości pracy i samorealizacji, czemu może sprzyjać twórcze i praktyczne potraktowania analizy SWOT, czyli wdrożenie programów poprawiających słabe strony i wykorzystujących możliwości (Diagnoza... 2004, roz. V).

Zakończenie

Brak rozwiniętej infrastruktury badawczo – rozwojowej jest słabym punktem woj. podlaskiego. Fakt powstania licznych niepaństwowych szkół wyższych (znajdujących się na czołowych pozycjach w rankingach ogólnopolskich) i poszerzenie oferty kierunków

kształcenia szkół państwowych daje możliwość wypracowanie kapitału społecznego, który mógłby stanowić podstawę rozwoju innowacyjności w województwie w kontekście:

- diagnozy potrzeb i możliwych obszarów innowacyjnych dla województwa, opis instytucji i przedsięwzięć innowacyjnych w formie *case studies* i analizy najlepszych praktyk,
- procesu umacniania bazy społeczno wspierania innowacji w regionie, swoistej socjalizacji tego procesu w środowiskach społecznych przy wykorzystaniu kapitału kulturowego,

- promocji wizerunku województwa jako wspomagającego proces innowacyjny, czyli pro-innowacyjnego,

- promowanie wzornictwa zgodnego z charakterem i kulturą regionu

- innowacyjne wykorzystanie tzw. renty zacofania w rolnictwie (naturalność produktów, tradycyjne sposoby wytwarzania, tradycyjne umiejętności, bartnictwo, zbieractwo runa leśnego, ziół, grzybów, smak i wartości odżywcze warzyw i owoców miękkich z regionu, wprowadzenie certyfikacji ekologicznej i unijnej dla wyrobów tradycyjnych i ekologicznych,

- duży potencjał innowacji leży w obszarze współpracy samorządy-sektor prywatny, jednak jego wykorzystanie warunkuje nowa ustawa o partnerstwie publiczno-prawnym, samorządy już mogą jednak zarządzać tak szkolnictwem na swoim terenie, aby generowało ono absolwentów do firm regionalnych i jako podstawy tzw. uczącego się regionu (*learning region*),

- wykorzystanie suwalskiego i Parku Naukowo-Technologicznego w Białymstoku do inkubowania firm zakładanych przez przedsiębiorczych absolwentów oraz studentów, a przede wszystkim do realizowania strategii regionu innowacyjnego (Florida 2000),

- selektywnym, ale celowym programie wykorzystania szans i likwidacji słabych stron w procesie kreowania innowacyjności w województwie,

- aktywnym przyciąganiu inwestycji innowacyjnych w ściśle określonych dziedzinach, związanych z budową wizerunku województwa, np. biotechnologii, technologii spożywczej i ekologii – w pierwszym rzucie, w logistyce, transporcie kolejowym, kołowym i lotniczym związanym z granicą UE – w drugim,

- utworzeniu infrastruktury GOW na bazie wzmocnienia powiązań przemysłu z uczelniami regionalnymi i włączenie uczelni do programów innowacyjnych europejskich i polskich, a nawet uwzględniających współpracę z Białorusią i Rosją (Okręg Kaliningradzki),

- przyjęciu strategii imitacyjnej – naśladownictwa w warunkach województwa rozwiązań innowacyjnych np. skandynawskich – w zakresie informatyzacji i nowoczesnych technologii, niderlandzkich – w rolnictwie i włoskich - w zakresie klastrów, ale i wzorów z innych regionów,

- wspieraniu przedsiębiorczości i innowacyjności w sektorze MŚP województwa, który musi obecnie sięgnąć po rozwiązania bardziej innowacyjne, gdyż wyczerpał na przełomie lat 2000-2001 proste rezerwy wzrostu, budowane dotychczas jedynie w oparciu o kapitał rodzinny, zaufanie do członków rodziny i bazujące na nich gospodarstwa domowe (Stawasz 1999).

Obszary najbardziej prorozwojowe w woj. podlaskim niewątpliwie związane są z masowym kształceniem i wykorzystaniem kapitału ludzkiego w procesie innowacyjnym. Powinna temu służyć nowoczesna infrastruktura instytucji. Jednostki myślące innowacyjnie powinny być w naszym województwie „wylawiane” i wspierane przez otoczenie instytucjonalne.

Bibliografia

1. C. Bowman, W. Faulkner, Strategie konkurencji, Gebethner i Ska, Warszawa 1996
2. Diagnoza stanu innowacyjności woj. podlaskiego, T. Truskolaski red., Wydawnictwo UwB, Białystok 2004
3. R. Florida, „The Learning Region”, w: Acs Z.J. (red.) Regional Innovation, Knowledge and Global Change, Pinter, London 2000
4. K. Obłój, Strategia organizacji, PWE, Warszawa 1998
5. T. Popławski, Peryferyjność i społeczeństwo. Dylematy przelomu w Europie, FEŚi ZN, Białystok 1997
6. E. Stawasz, Innowacja a mała firma, Wydawnictwo UŁ, Łódź 1999
7. W. Wiszniewski, Innowacyjność polskich przedsiębiorstw przemysłowych, IOiZwP „Orgmasz”, Warszawa 1999
8. Założenia polityki proinnowacyjnej państwa, KBN, Warszawa, listopad 1994

ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ

Л.Л. Скворцова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Современный этап развития общества особо обострил проблемы личностного развития учащейся молодежи, требуя от науки определения оптимальных условий, способов и механизмов формирования и развития личностной зрелости учащихся, студентов и выпускников образовательных учреждений. Под влиянием процессов глобализации в ситуации роста конкуренции на рынке труда происходит изменение нравственных установок и культурных ценностей молодых людей, проявляющееся в изменении жизненных приоритетов и ориентиров, среди которых доминирующее положение стали занимать собственный успех и личные достижения, потребительство и отсутствие социального интереса.

Количество современных научных исследований проблем личностной зрелости неуклонно растет. И это вполне объяснимо запросами общества на полноценно функционирующего субъекта, способного не только конструктивно решать проблемы самого разного содержания, но и передать плоды своего развития другому человеку, стать образцом, эталоном гражданина, семьянина, профессионала. В современных исследованиях феномен зрелости изучается специалистами разных наук, это свидетельствует о многомерности и сложности понятия «зрелость».

Тем не менее, несмотря на широкое и разнообразное использование термина «личностная зрелость» в обыденной жизни и научных источниках, до сих пор не было самостоятельных исследований имплицитных концепций личностной зрелости, решающих задачи системного описания их структуры, функций, содержания, а также определения места и роли представлений о личностной зрелости в регуляции поведения.

Несмотря на сложность изучаемого феномена, различные критерии и признаки личностной зрелости, большинство исследователей сходится в том, что личностная зрелость, как высший уровень личностного развития, формируется и проявляется во всевозможных сферах взаимодействия человека с другими людьми, и значимую роль в данном процессе играют имплицитные концепции личности [1].

Нам представляется важным изучение имплицитных концепций личностной зрелости в юности и ранней взрослости. Поскольку, являясь идеальной моделью

личностной зрелости в сознании, имплицитные концепции задают ориентиры и направления для личностного развития взрослеющего человека. Цель данной статьи – представить результаты эмпирического исследования имплицитных концепций личностной зрелости. Основные задачи исследования: 1) выявить и охарактеризовать имплицитные представления о личностной зрелости в юности и ранней зрелости; 2) установить различия в содержании представлений о личностной зрелости у студентов разных форм обучения.

Имплицитные концепции могут быть определены как индивидуальные проявления социально обусловленных представлений о действительности. Формируясь под воздействием сложившегося в конкретном социуме понимания мира и человека в мире, данные представления оказывают значимое влияние на протекание и результативность деятельности. С одной стороны, имплицитная теория имеет индивидуальный характер и строится на основе уникального субъективного опыта, а с другой – отражает накопленный культурно-исторический опыт. Это позволяет реконструировать общие для различных групп имплицитные теории. Рассматривая функции имплицитных концепций, исследователи отмечают, что они обуславливают формирование нравственных эталонов, идеалов, через призму которых индивид оценивает себя и других. Имплицитные концепции личности способствуют развитию уникальной для каждого человека системы значений, определяющей специфику целеполагания, перцептивных и поведенческих стратегий, и лежащей в основе системы саморегуляции [2]. Таким образом, изучение имплицитных представлений о личностной зрелости может существенно дополнить существующие научные подходы к данному феномену.

Исследование имплицитных концепций личностной зрелости осуществлялось на базе УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» в 2014/2015 учебном году. В качестве участников выступили студенты факультета экономики и управления дневной и заочной сокращенной форм обучения – всего 180 человек в возрасте от 19 до 23 лет: дневная форма обучения – 102 респондента в возрасте от 19 до 22 лет, заочная – 78 респондентов в возрасте от 20 до 23 лет. В силу того, что в учебных планах экономических специальностей не предусмотрен большой объем часов на изучение психолого-педагогических дисциплин, можно предположить, что представления о личностной зрелости в обыденном сознании студентов-экономистов не детерминированы их содержанием.

В качестве метода сбора первичных данных использовался метод анкетирования. Была разработана авторская анкета, направленная на выявление представлений о личностной зрелости. Респондентам предлагалось в свободной форме описать человека, которого можно охарактеризовать как личностно зрелого, выделить признаки, отличающие личностно незрелого человека. Кроме этого, необходимо было оценить собственный уровень личностной зрелости, стремления стать личностно зрелым человеком и описать ситуации, которые, по их мнению, способствовали повышению уровня личностной зрелости. Также предлагалось оценить, насколько личностная зрелость необходима для решения жизненных задач личности в повседневной жизни (общении с другими людьми, отношениях с супругом, воспитании детей, ведении домохозяйства, проведении досуга), профессиональной сфере (профессиональном развитии, достижении материального благосостояния, карьерном росте) и личностном развитии.

Нас интересовали представления о личностной зрелости именно этих двух групп, поскольку, находясь в приблизительно одинаковом возрасте, студенты заочной сокращенной формы обучения уже получили среднее специальное образование и в большинстве своем имеют опыт работы по выбранной специальности, самостоятельно зарабатывают себе на жизнь, студенты же дневной формы такого опыта не имеют.

После сбора первичных данных был произведен контент анализ свободных описаний респондентов, выделены характеристики, определяющие образ зрелой личности. Далее рассмотрим содержательные особенности представлений о личностной зрелости. Количественный анализ состоял в построении шкалы частот выделенных в свободных описаниях характеристик личностной зрелости. Результаты частотного анализа представлены в таблице 1. В связи с тем, что респондентами было выделено более 60 характеристик, в таблице отражены наиболее значимые из них.

Таблица 1 – ИмPLICITные представления о личностно зрелом человеке

Выделенные характеристики	Доля испытуемых, указавших характеристики, %	
	Дневная форма	Заочная форма
Имеет цель	40	22
Достигает цель	37	17
Ответственность	36	25
Анализирует ситуацию	34	27
Знает, что хочет	26	9
Здорово мыслит	26	14
Имеет собственную точку зрения	26	23
Справляется с трудными ситуациями	25	21
Самостоятельность	25	22
Обладает опытом	24	30
Интеллигентность*	16	4
Осознает последствия своих поступков*	14	4
Наличие образования*	13	5
Добился успеха	12	11
Стремление к саморазвитию	12	10
Нравственность	10	7
Адекватная самооценка	9	10
Имеет работу	9	12
Есть семья	9	14
Может дать совет, научить	9	12
Культура общения	9	10
Проявляет понимание	8	7
Заботится о других	7	11
Уравновешенность	7	8
Толерантность	7	5
Социальная ориентированность	6	8
Организованность	6	7
Материально обеспечен	6	9
Имеет детей	6	7
Мудрость*	6	14
Отзывчивость*	4	10
Карьерный рост*	3	16

При анализе характеристик личностной зрелости, представленных студентами, можно выделить следующие группы: внешние признаки личностной зрелости (хорошее образование, карьерный рост, наличие работы, семьи и детей, материальная обеспеченность, успешность личности), особенности личности зрелого человека (ответственность, самостоятельность, наличие собственной точки зрения, умение справляться с трудными ситуациями, уравновешенность, нравственность, отзывчивость, интеллигентность, социальная ориентированность, толерантность, эмпатия, культура общения). Отдельно следует отметить блок *осознанной саморегуляции личности*, который нашел отражение в таких характеристиках, как «имеет цель», «достигает цель», «анализирует ситуацию», «знает, чего хочет», «здоровомыслящий», «осознает последствия своих поступков», «организованный», «умеет справляться с трудными ситуациями», «принимает решения», «стремится к саморазвитию».

Рассмотрим наиболее часто выделяемые характеристики в обеих группах. Личностно зрелый человек в представлениях студентов дневной формы обучения ответственный (36%) и самостоятельный (25%), обладает опытом (25%) и собственной точкой зрения (26%), способностью справляться с трудными ситуациями (25%) и саморегуляции (наличие (40%) и достижение цели (37%), анализ ситуации (34%), понимание собственных потребностей (26%), здоровомыслящий (26%), осознает последствия своих поступков (14%). При этом он – интеллигентен (16%), имеет образование (13%) и добился успеха (12%), нравственный (10%).

Выбор признаков личностной зрелости студентами заочной формы обучения несколько отличается. В их сознании личностная зрелость представлена следующими характеристиками: в первую очередь это опытность (30%), ответственность (25%), способность анализировать ситуацию (27%), собственная точка зрения (23%) и самостоятельность (22%), умение справляться с трудностями (21%) и уверенность в себе (18%). Достижение целей (17%), здравомыслие (14%) и мудрость (14%), стремление к саморазвитию (10%) также нашли отражение в представлениях. Кроме этого отражены внешние характеристики: наличие семьи (14%), работы (12%), карьерные достижения (16%), достижение успеха (11%). Личностно зрелый человек компетентен (10%), адекватно оценивает себя (10%), может дать совет и научить (12%), отзывчивый (10%).

По частоте встречаемых категорий, характеризующих личностную зрелость, были выявлены следующие значимые различия ($p < 0,05$). В таблице они обозначены жирным шрифтом и символом «*». Представления студентов дневной формы обучения отличаются большей когнитивной сложностью, что может свидетельствовать о большей осознанности темы личностной зрелости в сознании. Также в их представлениях в большей мере представлен блок личностной саморегуляции. Студенты дневной формы обучения придают большее значение интеллигентности и наличию образования, для студентов заочной формы обучения более значимым является карьерный рост.

Достижение личностной зрелости, по мнению 33 % студентов, зависит от жизненных обстоятельств, 66% студентов считают наиболее важными в достижении личностной зрелости собственные усилия.

По мнению студентов двух групп, личностная зрелость помогает человеку в решении жизненных задач в следующих сферах: воспитании детей (средняя оценка 6,4 из 7 возможных), карьерном росте (6,4), профессиональном (6,3) и личностном

развитии (6,3); достижении материального благосостояния (6,1), управлении другими сотрудниками (6,0) и является менее важной характеристикой в общении с другими людьми (5,8), ведении домохозяйства (5,6) и проведении досуга (4,9).

Участники исследования отмечали следующие ситуации их жизни, повлиявшие на рост их собственного уровня личностной зрелости: 1) ситуации, связанные с изменением уровня жизни (поступление на работу, в вуз; создание семьи и рождение ребенка; переезд в другой город, материальная независимость и самостоятельное распоряжение финансами); 2) приобретение жизненного опыта (принятие сложных решений и достижение значимых целей, преодоление трудностей и признание ошибок; новый опыт решения проблем) и опыта отношений с другими людьми; 3) помощь другим людям. Также влияют на повышения уровня личностной зрелости 4) травмирующие ситуации (смерть близкого человека, разрыв близких отношений, «провалы» на экзаменах). В результате исследования обнаружена значимая положительная корреляция между самооценкой уровня личностной зрелости и удовлетворенности жизнью.

Таким образом, в результате изучения представлений о личностной зрелости у студентов дневной и заочной формы обучения можно сделать следующие выводы.

Существуют универсальные представления о личностной зрелости, которые свойственны человеку в период юности и ранней взрослости, которые имеют значительное сходство с признаками личностной зрелости, выделенными в научных подходах. Это такие особенности личности зрелого человека как ответственность, самостоятельность, наличие собственной точки зрения, умение справляться с трудными ситуациями, способность к осознанной регуляции и стремление к саморазвитию, уравновешенность, нравственность, отзывчивость, интеллигентность, социальная ориентированность, толерантность, эмпатия, культура общения.

В то же время следует отметить, несмотря на выделенное сходство, больший удельный вес в представлениях молодых людей имеют признаки, свидетельствующие об индивидуальной, нежели социальной направленности. Внешние признаки личностной зрелости (хорошее образование, карьерный рост, наличие работы, семьи и детей, материальная обеспеченность, успешность личности) отражают модель социальной успешности, транслируемую современным обществом.

Представления студентов дневной формы обучения значимо отличаются от представлений студентов заочной формы обучения по выраженности параметра осознанной саморегуляции личности. Можно предположить, что это обусловлено жизненной ситуацией данной группы: учеба в вузе может восприниматься как своеобразный предстартовый этап настоящей взрослой жизни. В это время студентам важно осознать и понять свои потребности, способности и возможности, что подчеркивается важностью для них характеристики, сформулированной как «знает, чего хочет».

Студенты заочной формы обучения придают большее значение такому внешнему признаку, как карьерный рост, а студенты дневной формы обучения наличие образования, что также отражает их жизненную ситуацию и ведущую деятельность (работа – в первом случае и получение образования – во втором). Можно сделать выводы, что представления о личностной зрелости задают ориентиры и направления развития личности взрослеющего человека с учетом требований социальной среды и условий развития конкретной личности.

Список цитированных источников

1. Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 223 с.
2. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. 264 с.

ZESPOŁY TEATRALNE I CHÓRY JAKO FORMY PRACY OŚWIATY POZASZKOLNEJ W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W OKRESIE MIĘDZYWOJENNYM

Andrzej Smolarczyk,
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Główne cele jakie stawiano oświacie pozaszkolnej w województwie poleskim w dwudziestolecu międzywojennym były bardzo zbliżone do zadań stawianych szkolnictwu powszechnemu. Do najważniejszych należy zaliczyć: asymilację mniejszości narodowych i szerzenie wpływów polskich, integrację z pozostałymi dzielnicami Polski, walkę z analfabetyzmem, zwalczanie wpływów komunistycznych. Status oświaty pozaszkolnej na Polesiu od początku lat dwudziestych był równorzędny do kształcenia dzieci w wieku szkolnym. Władze państwowe uważały też, że oświata pozaszkolna obok akcji gospodarczej była najważniejszą formą oddziaływania na mniejszości narodowe na ziemiach północno-wschodnich w celu ich asymilacji narodowej i kulturalnej [1, k. 280].

Pracą oświatową zajmowali się głównie nauczyciele szkół powszechnych. Ich motywację do podejmowania ogromnego wysiłku społecznego poza zasadniczym miejscem zatrudnienia możemy tłumaczyć dwojako. Z jednej strony było to na ogół dobrowolne angażowanie się do pracy pozaszkolnej, wynikające z pobudek głęboko patriotycznych i prospołecznych. Z drugiej zaś strony nauczyciel pozostawał funkcjonariuszem państwowym, który reprezentował interesy rządowe. Na nauczycielach ciążyła ogromna presja władz, które traktowały ich jako „narzędzie oddziaływania nacisku politycznego na ludność” [9, s.73]. Nacisk władz państwowych był faktycznie ogromny. Nauczyciele na Polesiu musieli realizować plany rządowe zmierzające do polonizacji tych terenów. Opór środowiska nauczycielskiego wobec władz nie był rzeczą prostą. Państwo polskie było pracodawcą w szkolnictwie publicznym oraz decydowało o zatrudnieniu nauczycieli w szkołach prywatnych. Lęk przed utratą posady był, jak się wydaje, ważnym czynnikiem stymulującym działania pewnej części środowiska nauczycielskiego. Należy zgodzić się z tezą Mieczysława Iwanickiego, iż krzywdzące byłoby stwierdzenie posądzające nauczycielstwo o rozwijanie działalności pozaszkolnej z powodu chęci „przygodobania się” władzom państwowym [3, s. 33]. Nie należy jednak lekceważyć tego aspektu jako jednego z czynników wpływających na motywację zachowań nauczycieli zajmujących się pracą oświatową. Wartość pracy w szkolnictwie wzrosła wyraźnie w okresie kryzysu ekonomicznego początku lat trzydziestych.

Władze szkolne w województwie poleskim do pięciu najważniejszych form pracy oświatowo-pozaszkolnej zaliczały: 1. kursy wieczorowe, 2. świetlice, 3. biblioteki, 4. zespoły teatralne i chóry, 5. uniwersytety powszechne, względnie niedzielne. Do innych form pracy oświatowej zaliczano: pracę organizacji społecznych, akcję domów ludowych, akcję odczytową, akcję wycieczkową [8, s. 72].

Pracę zespołów teatralnych i chórów ludowych w okresie międzywojennym nadzorował Związek Teatrów i Chórów Ludowych. Regionalny związek teatrów ludowych w

województwie poleskim został założony przez Ferdynanda Peszeka w 1930 r. i nosiła nazwę Poleski Związek Teatrów i Chórów Ludowych w Brześciu nad Bugiem.

Działalność teatrów ludowych była oparta o nauczycieli szkół powszechnych. Szkoły powszechne były też najczęstszymi siedzibami teatrów ludowych. Nauczyciel był reżyserem i scenarzystą, młodzież szkolna występowała jako aktorzy, a rodzice stanowili widownię. W latach trzydziestych siedzibami teatrów ludowych stały się domy ludowe. Wzrastała wartość artystyczna przedstawień, ale kreatorem działalności teatralnej dalej pozostawał nauczyciel szkoły powszechnej. W Okręgu Szkolnym Brzeskim członkami Poleskiego Związku Teatrów i Chórów Ludowych byli w 95% nauczyciele powszechnych szkół publicznych [3, s. 145].

Pomimo ogromnego przeciążenia pracą nauczycieli szkół powszechnych to właśnie na nich spadł ciężar prowadzenia teatrów ludowych. Nauczyciele byli niejako zobowiązani przez resort oświaty do wspierania działalności teatralnej. Nauczyciele nie byli przygotowani merytorycznie do przygotowywania sztuk teatralnych na wysokim poziomie artystycznym. Nie mieli nawet takich aspiracji, bo bardziej interesował ich aspekt upowszechniania oświaty oraz oddziaływanie społeczne i wychowawcze.

W pracy zespołów teatralnych największą bolączką był wybór odpowiedniej do możliwości inscenizacyjnych wsi poleskiej sztuki teatralnej. Pomocą miał być wydany przez Instytut Teatrów Ludowych w Warszawie „Rozumowany katalog sztuk teatralnych” J. Turowiczówny. Od początku lat trzydziestych przy każdym inspektoracie OSB działały biblioteki teatralne. Jeżeli w danym inspektoracie poszukiwany scenariusz się nie znajdował, ułatwiano jego odnalezienie i ściąganie z innych palcówek [5, s. 21].

Ogromną pomocą warsztatową dla kierowników zespołów teatralnych był wydawany w Warszawie „Teatr Ludowy”, który w latach trzydziestych władze oświatowe prenumerowały we wszystkich inspektoratach OSB. Nauczyciele szkół powszechnych opiekujący się pracą teatrów ludowych znajdowali w nim informacje techniczne, porady, opracowania treści repertuarowych, inscenizacje pieśni ludowych, zwyczajów, obrzędów, wydarzeń życia państwowego, recytacji zespołowych, gotowych scenariuszy na obchody świąt państwowych oraz repertuar chóralno-orkiestrowy.

Kuratorium OSB wraz z Poleskim Związkiem Teatrów i Chórów Ludowych w połowie lat trzydziestych rozpoczęły wydawanie „Wieczorów Świetlicowych”, by dostarczyć zespołom teatralnym działającym na terenie OSB odpowiedni repertuar uwzględniający specyfikę poszczególnych regionów wchodzących w jego skład. Powstał cykl ogólny zatytułowany „Piękna nasza Polska cała”, składający się z „Wieczorów Świetlicowych” poświęconych poszczególnym regionom: „Wieczór Poleski”, „Wieczór Poleski II”, „Wieczór Kurpiowski”, „Wieczór Podlaski” [5, s. 22].

Znaczenie teatrów ludowych wzrosło po dojściu do władzy obozu sanacyjnego. Władze oświatowe przypisywały teatrom ludowym specyficzne zadanie: *poprzez oddziaływanie na uczucia obudzić duszę jednostki z duchowego marazmu, oderwać od codzienności przeżyć, wzbudzić tęsknotę do społecznego obcowania, spopularyzować aktualne hasła* [5, s. 22]. Repertuar teatralny wykorzystywano w promowaniu idei wychowania państwowego. Organizowano imprezy artystyczne będące oprawą świąt narodowych i państwowych. Na terenach mieszanych narodowościowo, zwłaszcza na Polesiu i Wołyniu polskie zespoły teatralne występowały w języku białoruskim i ukraińskim. W języku polskim występowały zaś zespoły białoruskie i ukraińskie [3, s. 145].

Pod względem organizacyjnym zespoły teatralne i chóry dzielono na dwa rodzaje: zespoły elitarne i zespoły doraźne. Chór czy teatr zaliczano do elitarnych, gdy jego

działalność wykazywała się celowością i stałością, programowym repertuarem, który musiał posiadać odpowiedni poziom techniki śpiewaczej i teatralnej oraz odpowiednio merytorycznie przygotowanego dyrygenta lub reżysera. Stałość pracy była rozumiana jako planowa działalność rozłożona w dłuższym wymiarze czasowym (stałe dni i godziny funkcjonowania przez minimum jeden sezon oświatowy). Chóralne zespoły elitarne mogły być jednogłosowe, dwugłosowe i wielogłosowe. Chór elitarny musiał posiadać pewien zasób techniki śpiewaczej. W przypadku zespołu jednogłosowego czynnikami wymaganymi były: walory głosowe śpiewaków, dokładna rytmika, poprawna emisja głosu i dykcja, właściwa interpretacja linii melodyjnej i tekstu oraz doborowy repertuar dopasowany do środowiska i zaawansowania zespołu [7, s. 23-24].

W funkcjonowaniu zespołów doraźnych brakowało systematyczności w znaczeniu ciągłości pracy (w wymiarze czasowym i repertuarowym). Zespoły doraźne były to przeważnie twory początkowe, które rozrastały się do wyższej formy. Zespoły doraźne prowadziły swą działalność sporadycznie, reaktywując się w celu wzbogacenia akademii, poranku muzycznego lub wieczornicy [7, s. 23-24].

Doraźne zespoły teatralne i chóralne miały do wykonania zadanie umasowienia śpiewu i teatru wśród największej rzeszy mieszkańców Polesia. Teatr doraźny stawał się teatrem powszechnym, a doraźny chór miał „rozśpiewać ogół”. Chóry i teatry doraźne rozpowszechniały najpopularniejsze pieśni i widowiska, wykorzystywały każdą sposobność, by powszechnie wyrażać uczucia i myśli. Znacznie ważniejsze było oddziaływanie społeczne niż poziom artystyczny przedstawienia lub śpiewu[4].

W 1934 r. Poleski Związek Teatrów i Chórów Ludowych w Brześciu nad Bugiem sprawował pieczę nad 80 zespołami teatralnymi. Bezpośrednio do Związku należało 51 zespołów teatralnych, zaś zespołów obsługiwanych przez związek było 29 [6, s. 5]. W 1938 r. liczba zespołów teatralnych wzrosła do 238 (liczba zespołów teatralnych należących do związku wynosiła 68, liczba zespołów obsługiwana przez związek wynosiła 170). Władze szkolne w roku 1938 zarejestrowały 332 zespoły teatralne [6, s. 118-119].

Tabela 1 – Chóry, teatry i kapele ludowe w województwie poleskim w latach 1932/1933, 1934/1935, 1935/1936, 1936/1937

Obwody	1932/1933		1934/1935			1935/1936		1936/1937	
	Chóry	Teatry	Chóry	Teatry	Kapele	Chóry	Teatry	Chóry	Teatry
brzeski	5	-	20	25	5	19	14	9	48
drohicki	12	-	6	43	3	24	42	32	37
koszyrski	1	-	6	10	4	5	11	6	17
kobryński	11	31	10	18	2	11	15	9	19
kosowski	7	-	13	19	8	12	19	14	28
luniniecki	-	9	12	13	-	24	24	24	27
piński	13	31	29	52	3	3	5	25	6
prużański	-	-	3	15	6	10	12	13	21
stoliński	-	9	15	23	-	16	15	16	28
woj. poleskie	49	80	114	218	31	124	157	148	231

Źródło: DzUKOSB za rok 1937, s. 476.

Powyższe zestawienie statystyczne przedstawia rozwój chórów i teatrów ludowych w latach 1932/1933 – 1936/1937 w województwie poleskim (tabela 1). W roku 1932/1933 funkcjonowało na terenie województwa jedynie chórów. W trzech powiatach nie było ich

вчале, а в повіцце кошырскім једынє једен. Зесполы театралне в лїчбє 80 дїалялы тьлко в 4 повїацх (кобрыньскім і пїньскім по 31 орх в лунїнецкїм і столїньскїм по 9), в пїєцїу повїацх не бьло их вчале (брзескїм, дрохїцкїм, кошырскїм, косовскїм, пружанскїм). В цїагу чцерецх лх лїчбх хорьв на Полесїу взошла до 148, заа театров до 231. Не бьла то лїчбх задавалажх, але взоа в тьм окресїе бьл тьжкrotnь. Лїчбх хорьв в поащечьвнньх повїацх вхала сїє од 6 до 31, а театров од 6 до 48. Розкляд такї вьдaje сїє бьц бьрдьє рхцїанальнї і шьвхдцьх о певнє планованє полїцє в тє прьзєастрєнї.

Бїблїографїа

1. Архївум Акт Новьх [AAN], Мїнастерство Справ Вевнєастрньх [MSW], сьгн. 20174, к. 280, *Зьзд старосцов воевудьа вїленьскїго з днїа 6-7 гьрднїа 1928 р.*
2. Дзїеннїк Урєдвьо Кураторїум Окрєгу Шкьольнєо Брзескїго [DzUKOSB] за 1935 р. і 1937 р.
3. Іванїцкї М., *Сполєцнх дїаляльнєц поаащкьольнх наuczьцїєлї шкьоль поаащечньх в Полсцє в лхцх 1918-1939*, Олсцьн 1984.
4. *О орєанїзхцє пїєшнїарствх і театральнїцтвх лудьовєо*, [w:] Дзїеннїк Урєдвьо Кураторїум Окрєгу Шкьольнєо Брзескїго [DzUKOSB] за 1935 р.
5. Окусцько В., *Помоцє їнстьрєкцьїнє в зєспольє театральнєо*, [w:] Дзїеннїк Урєдвьо Кураторїум Окрєгу Шкьольнєо Брзескїго [DzUKOSB] за 1937 р.
6. „Театр Лудьовь”, 1935, нр 1.
7. Вїтек Т., *З вьбраньх загаднїєлї хорьальньх і театральньх*, [w:] Дзїеннїк Урєдвьо Кураторїум Окрєгу Шкьольнєо Брзескїго [DzUKOSB] за 1937 р.
8. *Вьнїкї прхцьї ошьвїацьово-поаащкьольнєо в Окрєгу Шкьольнєо Брзескїм в рькьї шкьольнєо 1933/1934*, [w:] Дзїеннїк Урєдвьо Кураторїум Окрєгу Шкьольнєо Брзескїго [DzUKOSB] за 1935 р.
9. Жамовскї Ј., *О їнтелїгенцьї полсцькїє лхц мїєдзьвоєоїнньх*, Варшавх 1965.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ (1945–1949): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

М.В. Стрелец

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Ньнєшнїа конферєнцьа прьходїт в год, когда отмєчхется 70-лєтїє Вєлїкьїо Пьбєдьї, одєржанньїо гьсударствхм антїгїтлєровскьїо коалїцїї во Втьорьїо мїровьїо вьїнє. С їтогамї данньїо вьїньї гєнєтїчєскїє сьвхзхна прьблємхтїкх, совпадающа с названїєм доклады. Длх поколєнїа прєжївїшїх вьїньїу и єго потомков прїнцїпїальньїо вхжєн отвьт на вьпрьс: «Ізвлєклї лї немцьї урокї из прьшльго?» Цєль доклады – прьслєдїть посттоталїтарнєо очїщєнїє на германскьїо зємлє на прїмєрє амерїканскьїо оккьупацїонньїо зьньї.

Отправньїо тьчкьїо длх формїрваньїа соотвьтвьющєго направлєнїа амерїканскьїо полїцїїкї явїлїсь рєшєнїа Ялтьнскьїо, Потсдамскьїо конферєнцьї. В рхботє єтїх конферєнцьї прїнхлї єчхствє вьсїшє рьководїтєлї СССР, США, Вєлїкобьрїтанїї и Сєвєрньїо Ирлхндїї. В Ялтє амерїканскьїо дєлєгхцїю вьзглхвлхл Ф.Д. Рузвєльть, в Потсдамє – Г. Тьрумэн.

Адмїнїстрацїа Ф.Д. Рузвєльтьа счїтхлх, чть «трьлко раздрьблєннх и єкьоньмїчєскїє слхбхя Германїа не смьглх бь бьльшє прєдствхлхть угрьзу мїрь. Однхко

с приходом в Белый дом администрации нового президента Г. Трумэна и сменой американских ориентиров в Европе на первый план выдвигается задача переустройства немецкого общества в русле западной либерально-демократической модели»[1].

Ещё до Потсдама заработал механизм американской оккупационной политики в юго-западной части бывшего "третьего рейха". Высшей инстанцией в оккупационной зоне выступал глава американской военной администрации в Германии (АВАГ). За первые полгода в данной зоне появилось три первых лица: Дуайт Д. Эйзенхауэр, Джордж С. Паттон, Джозеф Д. МакНарни. Правда, последний был военным губернатором дольше, чем два первых, вместе взятых, находясь на этой должности с 1945 по 1947 гг. С 1947 по 1949 гг. история глав военной администрации была связана с именем Люсиуса Клея. Совсем немного побыл на указанной должности Кларенс Т. Хюбнер. Есть все основания считать, что в указанный период наиболее эффективно управляли оккупационной зоной Дуайт Д. Эйзенхауэр и Люсиус Клей. Площадь данной зоны была приблизительно равна территории Португалии, Сальвадора, Люксембурга, Ватикана вместе взятых, а население – соответствующему показателю по Нидерландам. Интересно и то, что ни один субъект федерации периода первой республики, за исключением Гессена, не вошёл полностью в состав этой зоны. Речь шла о территориальном массиве, относившемся к пяти таким субъектам. Касательно Баварии, минусовался район Линдау. Произошёл вычет южной части в Бадене и Вюртемберге. Неполным было и вхождение прусской провинции Гессен-Нассау. Здесь минусовались четыре западных района. В анализируемую зону входил и анклав Бремен, находившийся в британской оккупационной зоне. Верховная власть американского военного губернатора распространялась также на следующие районы столицы Германии и Пруссии – Берлина: Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельхоф, Нойкёльн.

Первое направление политики оккупационных властей на предмет посттоталитарного очищения западногерманского пространства – денацификация. Она включала три аспекта: организационно-правовой, концептуальный, практический.

Можно однозначно утверждать, что до 5 марта 1946 г. субъектами анализируемой политики были американцы и только они. "При этом долгое время отсутствовал какой-либо единый документ, определяющий пути и методы денацификации, что вело к неоднородности политики денацификации в американской зоне.

(Ситуация кардинально изменилась. – М.С.) с принятием закона «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» от 5 марта 1946 г., по которому ответственность за осуществление денацификации была возложена на немцев, при со-хранении контроля со стороны оккупационных властей... На местах создавались специальные «трибуналы» (суды по денацификации)»[1]. Этот совершенно новый правовой институт состоял из немцев. «Американцы составили анкету из 131 вопроса, по итогам заполнения которой подлежащие денацификации люди делились на следующие группы: главные обвиняемые (военные преступники); обвиняемые; второстепенные обвиняемые; соучастники; невиновные" [2].

«Наказание человека зависело от степени его виновности, установленной трибуналом. Это могла быть отправка в рабочие лагеря на срок до десяти лет, увольнение с ответственных постов, запрещение занимать некоторые должности, лишение пенсии, выплата денежного штрафа. При этом заваленные ворохом анкет комиссии рассматривали в первую очередь простые и легкие случаи, оставляя

решение сложных на будущее. В результате создалась парадоксальная ситуация. Были наказаны мелкие нацисты, а более крупные, с прошлой деятельностью которых приходилось разбираться основательно, благополучно дождались (момента. – М.С.), когда денацификация была прекращена»[3].

«Лица, не состоявшие в НСДАП, как правило, преследованиям не подвергались, даже если они занимали высокие должности при нацизме, как например Гарри Гизе — диктор, озвучивавший не только пропагандистский киножурнал «Немецкое еженедельное обозрение», но и антисемитский фильм «Вечный жид».

Многие нацистские функционеры нашли себе работу на государственной службе в ФРГ как во вновь создаваемых структурах.

Некоторое количество перешло на службу в США (Вальтер Дорнбергер, Вернер фон Браун) и получило гражданство»[2].

«Общий итог денацификации был таким: на конец июня 1949 г. в американской зоне заполнили анкеты 13 199 800 человек. Из этого количества 947 000 лиц прошли слушания в трибуналах. Только 613 400 человек были признаны в той или иной степени виновными в причастности к преступлениям нацизма и соответствующим образом наказаны. Из них главными виновными были признаны всего 1600 человек»[1]. «Суды приговорили к выплате денежных штрафов без малого 400 тыс. человек; ограничили в праве заниматься профессиональной деятельностью около 124 тыс., 23 тыс. были дисквалифицированы в профессии; 26 тыс. заплатились имуществом; 30 500 приговорены к принудительным работам по месту жительства и 1600 направлены в трудовые колонии» [4].

Второе направление анализируемой деятельности АВАГ – формирование политической системы при условии преодоления уязвимых мест, которые проявились в период существования первой республики. Оккупационные власти исходили из следующих тезисов.

Тезис первый: необходима более эффективная система сдержек и противовесов между ветвями власти по сравнению с первой демократией.

Тезис второй: в новой демократии не должна повториться партийная раздробленность, которая была тяжёлым бременем для Веймарской Республики.

Первый шаг на пути к новой демократии – образование общеземельных органов исполнительной власти, имевших статус временных субъектов государственного управления. Факт существования четырёх земель предопределил наличие четырёх подобных субъектов. Не везде эти субъекты официально назывались правительством. Так, с 6 июня 1945 года бременцы имели дело с временным сенатом. С осени 1945 года баварцы, гессенцы подчинялись временному правительству. С того же времени точно такая же по названию структура осуществляла властные полномочия в Вюртемберг-Бадене. Указанные органы власти продемонстрировали уважение демократических прав и свобод граждан, цивилизованно относились к различавшимся по идеологическому профилю институтам гражданского общества, в основном не выходили за рамки правовых норм и правового поля, когда вставал вопрос о реагировании на выступления в средствах массовой информации. Деятельность подобных органов отмечена и ценным опытом принятия серьёзных решений на коллегиальной основе.

Второй шаг – запуск главой АВАГ механизма лицензирования политических партий. Механизм лицензирования – ключевой рычаг американцев в процессе появления качественно нового политического ландшафта в оккупационной зоне. Этот ландшафт обретал реальные очертания поэтапно. Стартовая точка первого этапа – 27 августа

1945 г. С этого дня деятельность политической партии в пределах конкретного округа была легитимной. С предпоследнего месяца 1945 г. речь уже шла о пределах конкретной земли. Поистине прорывной для партий стала середина первого квартала 1946 года. Отныне они могли быть общезональными. Объектами успешного лицензирования стали как партии, действовавшие во всех зонах оккупации, так и земельные партии. К первым относятся Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Коммунистическая партия Германии (КПГ), Христианско-демократический союз (ХДС), Партия экономической реконструкции, Национальная демократическая партия, ко вторым – Христианско-социальный союз в Баварии (ХСС), Баварская партия, Демократическая народная партия (ДНП) в Вюртемберг-Бадене, Бременская демократическая народная партия (БДНП).

Массовая база большинства лицензированных партий была представлена свободными германскими профсоюзами. Их послевоенная история стала писаться с начала осени 1945 г. Статус законно действующих с течением времени изменялся у них на тех же уровнях, что и у партий, то есть по следующей схеме: округ→земля→зона. Несомненно, расширение рамок деятельности свободных германских профсоюзов существенно повлияло на партийное строительство. Кроме того, это укрепляло как экономическую, так и политическую демократию в целом.

Третий шаг – цивилизованные по всем меркам выборы в земельные парламенты, что отражено в нижеследующей таблице.

Земля	Дата выборов	Название парламента	Партии, имевшие в своём активе большинство по итогам выборов
Вюртемберг-Баден	30 июня 1946 года	Конституционное земельное собрание	ХДС
Бремен	13 октября 1946 года	бюргерство	СДПГ
Бавария	1 декабря 1946 года	ландтаг	ХСС
Гессен	1 декабря 1946 года	ландтаг	СДПГ

Источник [5].

В ходе настоящих выборов бюргеры дважды вовлекались в процесс формирования новой политической системы. Они одновременно имели статус участников референдума по земельной конституции. Тем самым жители оккупационной зоны вовлекались в первый этап закладывания конституционных основ демократического государства.

Четвёртый шаг – формирование на постоянной основе земельных органов исполнительной власти, исходя из итогов выборов в земельные парламенты. С января

1947 года в зоне не существовало земель, в которых не прослеживалось бы разделение властей. Это разделение становится наиболее убедительным с марта 1947 года. Почему? «30 сентября 1946 г. и 1 марта 1947 г. АВАГ выпустила две директивы, ко-торые ограничивали ее функции и наделяли правительства земель в американской зоне всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, что позволило АВАГ изменить свою роль от прямого управления политической жизнью до косвенного контроля над ней. Такой она и оставалась вплоть до создания в 1949 г. западногерманского государства» [1].

Пятый шаг – деятельность властных структур Баварии, Бремена, Вюртемберга-Бадена, Гессена по укреплению демократических устоев общества в условиях разделения властей. В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что вначале была исключительная концентрация на земельном уровне, затем последовала активная вовлечённость во второй этап закладывания конституционных основ западногерманского государства. Представители перечисленных земель внесли немалый вклад в появление Основного закона ФРГ – самой демократической конституции в германской истории.

Властные структуры постоянно брали в расчёт то обстоятельство, что все лицензированные политические партии, за исключением коммунистов, стремились к утверждению в обществе подлинно демократического порядка.

Третье направление анализируемой политики – «деятельность военной администрации по возрождению и «очищению» от нацистского наследия культурной и духовной жизни Германии.

Одним из первых шагов в этом направлении стал запрет на любую публицистическую или культурную деятельность самих немцев ... Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и др. могут заниматься только политически надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ...

Характерной чертой американской политики в отношении СМИ было стремление сделать прессу свободной и независимой от выражения узких интересов каких-либо финансовых, политических или иных групп, поэтому лицензии предоставлялись исключительно частным лицам»[1].

Докладчик специально обращает внимание участников конференции на то, что «на всей территории американской оккупационной зоны Германии были запрещены партийные издания. Эта мера американских военных властей была также направлена в первую очередь против владельцев лицензий - членов Коммунистической партии Германии. Этой же цели служила также и система выдачи лицензий нескольким издателям одновременно, что было направлено на политическую нейтрализацию КПГ и на предотвращение роста ее влияния в американской оккупационной зоне Германии»[6].

«В целом, несмотря на ряд ограничений ..., культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, и вмешательство военной администрации было незначительным ...

Оккупационные власти ... поощряли создание различных молодежных объединений (религиозных, спортивных, профсоюзных, скаутских и др.). Существенной силой в духовном возрождении Германии стала церковь обоих вероисповеданий. Основным принципом своей политики в отношении церкви военная администрация провозгласила свободу вероисповедания и старалась не вмешиваться во внутренние дела церкви»[1].

Таким образом, в американской оккупационной зоне в Германии происходили вполне очевидные трансформационные процессы. В плане демократизации, посттоталитарного очищения в духовно-культурной сферы эти процессы отмечены значительными результатами позитивного характера, касательно же денацификации можно констатировать довольно скромные результаты.

Список цитированных источников

1. Жаронкина, Е.А. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии: 1945-1949 гг. / Е.А. Жаронкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [dslib.net/Исторические науки/Всеобщая история \(соответствующего периода\)](http://dslib.net/Исторические_науки/Всеобщая_история_(соответствующего_периода)...) ... – Дата доступа: 31. 03. 2015.
2. Денацификация — Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Денацификация копия. – Дата доступа: 31. 03. 2015.
3. Денацификация | История Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: iforplanet.ru/?p=549. – Дата доступа: 30. 01. 2015.
4. Деятельность денацификации в западной зоне | Судебный практикум... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: faschism.ru/articles/sudebnyi-.... – Дата доступа: 20. 02: 2015.
5. Американская зона оккупации Германии – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/.../Американская зона оккупации Германии](http://ru.wikipedia.org/.../Американская_зона_оккупации_Германии). – Дата доступа: 24.02.2015.
6. Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [disserCat http://www.dissercat.com/content/politika-ssha-v-oblasti-sredstv-massovoi-informatsii-na-territorii-zapadnykh-kkupsionnykh#ixzz3XNOGv3xd](http://www.dissercat.com/content/politika-ssha-v-oblasti-sredstv-massovoi-informatsii-na-territorii-zapadnykh-kkupsionnykh#ixzz3XNOGv3xd) – Дата доступа: 23. 02. 2015.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМА

А.И. Сытник, И.А. Ковальчук

*Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки,
г. Луцк, Украина*

Философское обоснование проблем образования привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В развернувшихся дискуссиях затрагиваются вопросы поддержания национальной системы образования как стратегически важной сферы жизни общества, отмечается повышение ценности образования. Даже краткий перечень круга вопросов показывает, что проблемы образования приобрели широкое социальное звучание. Но при этом выяснилось, что имеющиеся уровень и масштабы их философской разработки для современных условий явно недостаточны, а подходы частных наук (педагогике, социологии образования, психологии образования и других) ограничены спецификой частнонаучной методологии, не достигают необходимого уровня обобщения и глубины исследования концептуальных вопросов. А это в свою очередь порождает множественность и взаимную противоречивость трактовок проблем и решений в сфере образования и не исключает недостатков узкого эмпиризма.

Преимущество философского подхода к образованию состоит в том, что философия поднимает целый ряд вопросов: в какой форме должно осуществляться образование, чтобы оно было признано наилучшим? Каково взаимодействие культуры и образования? Какое знание имеет высшую ценность? Ответ на эти и другие вопросы, связан с областью философских проблем образования. На этом пути создаётся база для философских парадигм и моделей образования.

Дифференциация научного знания об образовании получила настолько выраженный характер, что оказалась вполне естественной обратной реакцией – возник интерес к интеграции отраслей науки, занимающейся исследованием образования.

В первую очередь речь пойдёт о философском подходе к образованию, оформившемся в границах особой отрасли знания – философии образования.

В современных условиях сложилось три подхода к определению статуса философии образования. Первый из них считает философию образования прикладной философией. Прикладной – в том смысле, что общие принципы и положения философии применяются (прикладываются) для анализа самых различных сторон образования, рассматриваемых и как система, и как процесс, и как деятельность, и как ценность, и как социальный институт (Н.Г. Алексеев, П.Г. Щедровицкий и др.).

Второй подход к философии образования отрицает её статус как особой отрасли знания. Сторонники её утверждают, что содержание философии образования в основном совпадает с теоретико-методологической проблематикой педагогической науки. Если приверженцами прикладного характера философии образования являются преимущественно представители философской науки, то сторонниками второй позиции оказываются учёные-педагоги (В.В. Раевский, Г.М. Филонов, Б.Л. Вульфсон, В.В. Курмарин).

Третий подход принципиально отличается от двух предыдущих. Согласно этому подходу, философия образования выступает как самостоятельная область научных знаний, предметом которой являются закономерности функционирования и развития сферы образования во всех её аспектах: – ценностно-целевых, системных, процессуальных и результативных. Общефилософские знания сами по себе останутся абстрактной схемой, если они не будут обогащены знаниями политологии, педагогики, этики и т.д. [1, с.646].

Таким образом, философия образования выступает как условие теоретического осмысления педагогической практики, её преобразования и усовершенствования, порождает осмысление и использование новых мировоззренческо-философских понятий об образовании.

Философия образования – это интегрированная наука, которая определяет политику в сфере образования и которая даёт междисциплинарные знания о сущности объектов целенаправленного изучения и управления в данной сфере, об оптимальных путях достижения общественно и лично необходимых целей образовательной деятельности, о перспективе развития системы образования в целом и отдельных её составляющих.

Важным в философии образования выступает процесс определения целей педагогического образования.

Одна из наиболее важных особенностей системы образования связана с исполнением сверхзадачи – вырастить человека интеллигентного [2, с.23]. Как и весь процесс педагогического образования, эта сверхзадача определяется социально-культурными координатами, поскольку интеллигентность рассматривается как совесть нации, а её статус – это творец интеллектуальных и духовных ценностей, новых достижений человеческой культуры. Интеллигентность выступает совокупностью личностных качеств человека, которые свидетельствуют о высоком уровне развития её интеллекта, образованности и воспитанности. В своих поступках он руководствуется велениями совести и чувством справедливости, отличается толерантностью, порядочностью, терпимостью к инакомыслию.

В научной литературе подчёркивается мысль относительно существования двухсторонней связи между образованием и обществом. На современном этапе развития общества в системе образования возник рефлексивный простор осознания потери цели, проблематизации существующего её определения, поиск цели, её выработка субъектами педагогической практики.

Развитие человечества приобретает всё более динамический характер, происходит смена идей, знаний, технологий. Поэтому надо учить молодёжь самостоятельно овладевать новыми знаниями, учиться на протяжении всей жизни.

Новый человек со сменой столетий не появляется автоматически. К этому новому социальному статусу его нужно подготовить. Определяющая роль в этом принадлежит образованию, общеобразовательная, культурная и морально-воспитательная функции, которой разворачиваются в парадигме приоритета гуманистических приобретений человечества и с целью гуманизации человеческих отношений и реализации человеческих ценностей. Гуманизация образования, таким образом, становится такой же, как и фундаментализация, стратегической нишей и одновременно философско-методологическим принципом её развития в XXI столетии.

Современная философия пытается преодолеть субъект-объектную дихотомию человека, вернуть ему целостность, соединяя это с философским принципом толерантного отношения к "другому". В условиях нарастания разнообразия толерантность, ориентация на взаимопонимание и взаимоуважение обуславливает необходимость формирования полилогической культуры и становится едва ли не единственным условием нейтрализации нарастания тотальной конфронтации индивидов, социальных групп, конфессий, стран, культур, цивилизаций.

Принцип толерантности логично соответствует такой философско-методологической установке, как интерпретация. В современной философской практике всё нагляднее выступает тенденция перехода от "законодательного" типа мышления к его "интерпретирующему" типу. Именно интерпретирующий способ философствования "снимает" проблему методологических оппозиций, трансформирует её в проблемы дискурса [3, с.110]. Образование выступает механизмом воспроизведения человеческой жизнедеятельности на индивидуально-личностном и общественном уровнях. Если индивидуальное в личности, как правило, есть неповторимым и уникальным, то общественное – тем, которое делегируется в образование как требование конкретного исторического типа культуры.

Педагогика главным образом изучает механизм данного делегирования. Философия, прежде всего, опекается идеалом – определением содержания и качества своеобразного "духа эпохи", на котором строится определённый тип культуры. Именно в этом измерении философия и постаёт как теория образования, исполняет в образовании методологическую функцию. Возрастание роли знания, роли человека и его творческой деятельности в общественной жизни определяют глубину изменений характера и структуры образования. Содержание образования, его структура и методология должны отвечать характеру общества, а поскольку человек есть основой современного общества, антропологическое содержание образования приобретает определяющий характер.

Антропологическое содержание идеи человекоцентризма сводится прежде всего к раскрытию творческого в индивиде, того, что определяется как личностное начало в человеке. Современный субъект образовательного процесса должен иметь возможность выборочно получать знания на основе только ему присущих мотивационных стратегий.

Образование следует рассматривать как способ становления, реализации нового человека, развитие которого базируется на всеобщности, многогранности, богатстве всех его способностей, возможностей, талантов, ресурсов и потенций. Творение нового человека есть одновременно и творением нового общества.

Социально успешный человек постаает как критерий и цель системы образования. Построение идеальной модели будущего человека базируется на выполненном анализе перспектив развития общества в целом и требований, которые оно будет ставить перед человеком. Обобщая, можно назвать черты так называемого "идеального образа" человека, которые должно сформировать образование: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; умение находить и обрабатывать информацию; способность критически мыслить и принимать самостоятельные решения; умение планировать будущие действия для достижения прогнозируемых целей, как в общественной, так и в личной жизни; хорошо сформированные качества коммуникации; нематериальная мотивация. Это идеальная модель современного образованного человека есть критерием, за которым формируется содержание, организационная система и методология образования.

Антропологическое содержание образования включает всестороннее развитие активной, направленной на самореализацию личности. Человек должен быть целью, а не средством – этот императив ещё не стал нормой. И именно образованию следует внедрять его в жизнь, формируя самодостаточного человека, который признает другого человека равным себе и самодостаточным.

Как метафизическое и мировоззренческое мышление человекоцентризм имеет дело с более глубоким фундаментальным предметом, чем гуманизм или антропология. Если философия есть проявлением человекоцентризма, то человекоцентризм – проявлением жизни человека. Поэтому предметом философии человекоцентризма есть жизнь индивида, взятое как целостность материальных, сознательных и неосознанных, конечных и бесконечных, общих и национальных явлений. В мировоззренческом плане философия человекоцентризма выступает как главное средство осознания сущности личности.

С точки зрения философии образование есть трансформацией "духа эпохи" в структуру сознания, мировоззрения, культуру. Трансформированный образованием "дух эпохи" становится базовой основой личности, определяет соразмерность человека с эпохой. Через образование он задаёт общественно-определённые параметры личности.

Философия образования определяет, во-первых, общественное качество и значение образовательного идеала, который содержит в себе "дух эпохи", во-вторых, эффективность его реализации педагогическими мероприятиями в условиях определённого типа культуры, в-третьих, соответствие цивилизационным магистралям развития человечества в общеисторическом аспекте.

Таким образом, философия как теория и методология образования должна развернуть содержание и смысл "духа эпохи" нового столетия, раскрыть и делегировать его в образование и на этой основе изменить её идеологию. Философия как теория и методология образования разворачивает образовательный процесс к наивысшему уровню понимания человека и человечности, гуманизму и фундаментальных ценностей, за которыми – история, современность и будущее.

Список цитированных источников

1. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е.С. Рапацевич. – Мн. Современное слово. – 2005. – 720 с.
2. Шилина, А.Н. Философские основы образования: монография. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного педагогического университета. – 1999. – 118 с.
3. Горбунова, Л.С. Предметне поле філософії освіти: крок до визначення / Л.С. Горбунова // Вища освіта України. - №1. – 2001. – С.108-112.

ТРОЙНАЯ ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЬ РАЗВИТИЯ

А.С. Харитонов

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Самодвижение биологических и социально-экономических организаций по спирали к гармонии отношений описывается методом Фибоначчи на основе модели равновесия последующих структур по золотой пропорции [1]. Однако этот метод не связан с известными динамическими теориями, которые построены на модели равновесия термодинамических систем поровну или на постулате о равновероятности доступных микросостояний для материальных точек. Классические динамические теории не учитывают изменение структурных параметров, ответственных за жизненный цикл организаций и необратимое становление Бытия, включающее самодвижение и развитие организации круговорота энергии в природе. Поэтому они противоречат опыту эволюции биологических и социально-экономических систем.

Для исследования процессов совершения работы биологических и социальных систем против второго закона термодинамики Н.А. Умов предложил учесть активное взаимодействие структур и разработать иную модель равновесия вместо модели материальной точки. Модель равновесия задаёт динамические параметры и цель эволюции: для термодинамических систем – к максимальному хаосу, а для структурных параметров – к гармонии отношений. Для учёта структурных взаимодействий Н.В. Бугаев предложил разработать аритмологию – науку о разрывных функциях, которые, по нашему мнению, соответствуют фрактальным взаимодействиям, характеризующим необратимое становление Бытия. Известная же разрывная функция Дирихле оказалась неприемлемой для решения этой проблемы, сформулированной Н.В. Бугаевым. А.А. Богданов предложил разрабатывать тектологию как науку о всеобщей организации материи. Однако математический принцип разработки тектологии им не был сформулирован. П.А. Некрасов и через сто лет Л.А. Шелепин исследовали статистику (немарковских) процессов с памятью для описания стремления общества к гармонии отношений на основе золотой пропорции.

Дж. Максвелл указал на проблему обоснования модели материальной точки, разработанную Г. Галилеем и И. Ньютоном. Г. Герц предложил свою механику взаимодействия трёх различных сортов частиц.

В 1903 году Л. Больцман писал, что его определение энтропии, равной только мере хаоса, справедливо для материальной точки, а «живое борется ... за рост органического (структурного) многообразия форм материи...». Поэтому он отметил, что надо следить за выбором аксиом, чтобы они соответствовали объекту и цели его исследования.

Из этого мы заключаем, что проблема замена модели материальной точки (идеализации Галилея-Ньютона) для описания физики сложных систем, например биологических и социальных систем, была выявлена ещё в конце позапрошлого века и широко обсуждалась в Московской философско-математической школе.

Е.С. Вентцель предложила рассматривать теорию вероятностей не только как науку о случайных событиях, но и как новый способ описания физических закономерностей. П.К. Рашевский предложил отказаться от натурального ряда, как линейной зависимости числа от его порядкового номера. Ю.С. Владимиров предложил реляционную физическую теорию без традиционных представлений о пространстве.

Мы же обратили внимание на тот факт [1, 2], что статистическая энтропия S равна мере хаоса, когда вторым слагаемым – мерой порядка – можно пренебречь:

$$S = H + G,$$

где H – мера хаоса или мера неопределённости состояния системы, G – мера определённости или мера порядка. При соблюдении постулата Больцмана мера порядка G равна нулю и разрывами пространств доступных событий можно пренебречь.

Мера хаоса H не учитывает разрывы функций, сглаживая их на множестве рассматриваемых состояний K , что позволяет её использовать в математическом анализе. Мера порядка же G , наоборот, учитывает разрывы функций на множестве рассматриваемых состояний K .

Мы полагаем, что введения в научный оборот новых математических функций – мер хаоса и порядка в трёх пространствах событий на аксиомах холизма (целостности природы) позволяет построить иное фрактальное описание закономерностей природы. Новые функции позволили нам определить процессы рассеяния и концентрации энергии и взаимодействия между ними, как становление Бытия. Эти взаимодействия описывают условия выживания и развития организации круговорота энергии в природе.

Жизнеспособные части подобны целому и организованы по золотой пропорции – закон Предустановленной гармонии /Г. Лейбниц, 1695г./ Мы дополнили этот закон моделью развития по тройной золотой спирали и установлением двух путей достижения гармонии отношений за счёт упрощения или усложнения структуры организации сложных систем.

К механическим, статистическим и квантовым закономерностям, разработанным в методологии редукционизма, мы добавили фрактальные закономерности подобия организации процессов рассеяния и концентрации энергии частей и целого по золотой пропорции, которые относятся к методологии холизма.

Для становления Бытия известно равновесие структур по золотой пропорции, наблюдаемое экспериментально, и принцип сохранения энергии, принцип триединства и ряд Фибоначчи, описывающий самодвижение сложных систем по спирали, закон единства и борьбы противоположностей.

Введение новых математических функций мер хаоса и порядка позволило нам построить модель взаимодействия процессов рассеяния и концентрации энергии, как процесс становления Бытия, в котором имеет место фрактальное подобие выживающих организации по золотой пропорции и закономерность их развития, когда фрактальные части оказываются организованы сложнее своего целого.

Целое можно определить как единицу, состоящую из суммы мер хаоса и порядка, а равенство мер хаоса и порядка позволило исследовать возможные приращения этих функций, которые описываются золотой пропорцией. Различные алгоритмы действий уже с золотой пропорцией показывают фрактальные свойства самой золотой пропорции, из которых можно выводить натуральный ряд чисел, равновесные распределение и геометрию Евклида, а также новые фрактальные математические и физические закономерности.

В холизме можно строить математическое описание на принципе подобия процессов рассеяния и концентрации энергии в организациях частей и целого, или подобия становления Бытия, про которое в науке уже многое было известно, начиная с принципа Протагора: «Человек – это мера всех вещей...», но не хватало

соответствующего математического аппарата разрывных функций для описания фрактальных взаимодействий.

Согласно предлагаемой нами теории, после внешнего или внутреннего возмущения, сложная система эволюционирует к своему исходному равновесию поровну – для процессов рассеяния и концентрации энергии во внешней системе отсчёта и по золотой пропорции – для последующих структурных параметров во внутренней системе отсчёта двумя разными способами: за счёт упрощения или усложнения своей структуры.

Между организациями с разной структурой могут происходить свои новые, в том числе динамические (силовые) и гармоничные взаимодействия. Это может прояснить причину возникновения сложных форм организаций в природе.

Бесконечное число актов взаимодействия между процессами рассеяния и концентрации энергии позволяют рассматривать различные алгоритмы действия золотой пропорции самой на себя и своими элементами.

Эти фрактальные свойства вывести как частные случаи естественный ряд, геометрию Евклида и равновесные функции распределения. Где под фракталом понимается объект, имеющий разветвлённую структуру, части которого в чём-то подобны целому. Выживают в природе те организации, которые подобны организации целого, стремятся к гармонии отношений по золотой пропорции разными способами. При этом организации частей могут быть сложнее целого за счёт увеличения числа резонансных взаимодействий и появления новых структур.

Новым физическим объектом описания в нашей теории является взаимодействие процессов рассеяния и концентрации энергии: по координатам, импульсам и структурным параметрам. Новыми аргументами такого описания являются приращение мера хаоса и порядка и фрактал золотой пропорции. Это взаимодействие для целостных систем находится в балансе и локально неустойчиво, но стремится к минимуму свободной энергии образования, как естественному механизму обратной связи, и генерирует новые события за счёт резонансных взаимодействий осцилляций вблизи золотой пропорции.

Возникла возможность исследовать связь гладких функций с разрывными функциями, связанными с золотым сечением,

В соответствии с таким способом описания развитие организаций происходит по тройной золотой спирали, где две спирали, характеризующие распределение по координатам и импульсам, сжимаются с шагом ряда Фибоначчи, а спираль, характеризующая распределение по структурным параметрам, разворачивается с шагом ряда Люка, сохраняя инвариант (2).

Практическая ценность теории состоит в том, что она содержит «стратегию» для биологических и социально-экономических систем – стремиться выжить путём развития по тройной золотой спирали, в частности, за счёт роста структурного многообразия в измеряемых показателях [3].

Автор выражает благодарность В.К. Руденко за помощь в работе.

Список цитированных источников

1. Харитонов, А.С. Структурное описание сложных систем // Прикладная физика, 2007. – №1. – С. 5-10.
2. Харитонов, А.С. Математические начала синтеза принципов дуализма и триединства // Метафизика, 2012. – №3. – С. 147-155.
3. Харитонов, А.С. Математические начала социальной гармонии // Ученые записки РГСУ.

ОСОБЕННОСТИ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

И.А. Шебанова

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Все виды социальной политики в любом государстве направлены на обеспечение динамического развития общественно-политической системы. Они тесно взаимосвязаны с развитием экономики и законодательной сферы и поэтому являются своеобразным индикатором развития общества. Говоря о характере семейной политики, имеют в виду в первую очередь степень и тип субъекта социальной ответственности. Так патерналистская модель предполагает принцип государственной ответственности, а именно: директивное регулирование социальной сферы, тотальную ответственность за социально-экономическое положение граждан при отсутствии серьезного влияния иных субъектов социальной политики, слабую конкуренцию в социальной сфере, ориентацию на гарантированную занятость, а отсюда вытекает формирование социальной пассивности и иждивенческие настроения.

Принципы семейной политики определяются историческими, этническими, религиозными, культурными традициями, материальными возможностями общества, социально-демографической ситуацией. В Республике Беларусь главной целью государственной семейной политики является создание благоприятной социально-экономической ситуации для семьи, в которой молодые люди хотят рожать и воспитывать детей, политика, направленная на повышение рождаемости. Такой вид семейной политики имеет свою историю и является продолжением традиции, заложенной еще в советские времена. В Советском Союзе семейная политика не носила системного характера, отождествляясь с социальной политикой. Это проявлялось в стимулировании рождаемости, помощи городским работающим женщинам, в предоставлении отпуска и пособия по беременности и родам, в оплачиваемых перерывах на кормление ребёнка. Советская семейная политика «была сосредоточена на вопросах регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин и на вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства» [1]. Таким образом, советская семейная политика по существу поддерживала не семью, а только работающих женщин-матерей. Именно в советский период сформировалась та модель семьи, которая существует и сейчас: модель семьи с двумя работающими на формальном рынке труда родителями [2].

В настоящее время в Беларуси разработана и действует система правовых гарантий и социальных льгот семьям, воспитывающим детей. Реализуются такие социальные программы, как оказание финансовой помощи многодетным и молодым семьям при строительстве жилья, развитие системы бесплатного обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни, оказание адресной социальной помощи. В стране проживает 2,7 млн. семей, из них 1,3 млн. – семьи, воспитывающие детей. Системой государственных пособий охвачено 448,8 тыс. детей (25 процентов от общего количества), из них до трех лет – 309,6 тыс. (99 процентов детей данного возраста) [3].

По итогам переписи населения 2009 года, преобладающий тип семьи в Беларуси – это супружеская пара с детьми, однако в сравнении с итогами переписи населения 1999 года общее число семей сократилось на 141 тыс., или на 5%.

Средний размер семьи составил три человека как в целом по республике, так и по городским поселениям и сельским населенным пунктам, но наметилась тенденция роста удельного веса супружеских пар без детей. Беларусь относится к странам с

высоким средним возрастом вступления в первый брак. В 2009 году средний возраст вступления в первый брак для женщин в стране составил 24,2, для мужчин – 26,4 года.

Д. Маркушевский, академический директор Школы молодых менеджеров публичного администрирования (SYMPA), дополнительно показывает, что процессу формирования семей в результате заключения браков противостоит процесс их распада вследствие развода или овдовения. По данным переписи 2009 года, в стране насчитывалось 810,4 тысячи вдов и 134 тысячи вдовцов, в то время как разведенных было 463,5 тысячи женщин и 269,9 тысячи мужчин [3].

Тип проводимой семейной политики – это основной ориентир, на который направлена деятельность и ожидания государства. Как правило, пакеты политических мер, затрагивая время, деньги и инфраструктуру, связаны с основополагающим режимом социального обеспечения. Это:

- поддержка семей, особенно с большим количеством детей (например, Франция);
- сокращение неравенства в доходах (скандинавские страны);
- сокращение бедности (Великобритания, США);
- укрепление гендерного равенства (скандинавские страны);
- поддержка возвращения на работу (Франция, скандинавские страны, Нидерланды);
- пронаталистская мотивация, стимулирование более высокого уровня рождаемости (Россия, Беларусь).

Признано, что применение патерналистской модели в Беларуси предопределено во многом историческими моментами и ранее действительно давало положительные результаты, когда сосредоточенность основной массы ресурсов, необходимых для экономического и социального развития, государство может распределять с наибольшей эффективностью, удовлетворяя по мере возможности наиболее насущные потребности членов общества. Но на определенном этапе развития общества патерналистская модель социальной политики может становиться и некоторым тормозом для совершенствования социально-экономических отношений. Проведение такой политики может способствовать бесконтрольности бюрократии, созданию предпосылок для возникновения коррупции, принятию неэффективных решений, вторжению государства в частную жизнь граждан. Однако более негативным последствием патерналистской модели семейной политики считается рост социальной пассивности граждан, упование на государство как на высшую инстанцию в решении всех социальных проблем.

Ниже представлены сравнительные таблицы разных возрастных групп белорусских респондентов, полученные в результате социологического исследования «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Белоруссии)», Г14Р-039, проведенного при поддержке БРФФИ от 23.05.2014 г.

Таблица 1 – Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?

Название фактора	Подростки	Молодежь	Родители
да;	66,2	79,4	66,2
главное – чтобы не мешало;	1,5	8,8	20,6
только малообеспеченным семьям;	11,8	4,4	4,4
затрудняюсь ответить;	5,9	7,4	8,8
другое(укажите, что именно)	14,7	1,4	1,4

Как видно из данной таблицы, все возрастные группы из числа опрошенных респондентов предполагают, что государство должно вести политику на поддержание семьи, независимо от обеспеченности. С возрастом растет показатель «главное – чтобы не мешало», но падает показатель по адресной поддержке только малообеспеченным семьям. Возможно, что большинство опрошенных относят себя в некоторой мере к такой категории.

Таблица 2 – Считаете ли Вы свою семью, семью Ваших родителей социально защищенной?

Название фактора	Молодежь	Родители
1. да, вполне;	28,2	13,2
2. скорее да, чем нет;	22,5	36,8
3. кое в чем;	16,9	25,0
4. скорее, нет;	25,4	16,2
5. вовсе нет;	2,8	4,4
6. затрудняюсь ответить;	4,2	4,4
7. другое (укажите, что именно) _____	–	

Ответы на вопрос о чувстве защищенности семьи холостой молодежи и людей, имеющих семью и детей, расходятся, особенно в пункте «скорее нет». 25,4% молодых людей сказали о незащищенности своих семей, по сравнению с 16,2% взрослых. Довольно оптимистично выглядит низкий показатель тех респондентов, которые вовсе не считают свои семьи защищенными. Данный психологический фактор является важным показателем проводимой государством семейной политики.

Таблица 3 – Как Вы считаете, кто должен помогать семье, кроме государства?

Название фактора	Молодежь	Родители
бизнес	7,5	6,0
церковь	3,0	6,0
Некоммерческие организации	1,5	7,5
Объединения самих семей	16,4	7,5
никто	14,9	16,4
Затрудняюсь ответить	56,7	46,3
другое	-	10,4

Ответ на вопрос «Как Вы считаете, кто должен помогать семье, кроме государства?» вызывает в большей степени затруднение у белорусских респондентов, независимо от возраста и семейного состояния. Очень небольшие надежды возложены на некий бизнес и некоммерческие организации, а также на церковь. Причем данный показатель в два раза ниже у молодежи.

Примерно одинаковую позицию занимает ответ «никто», что означает, что данная часть респондентов предполагает рассчитывать на силы своей семьи. И хотя возраст молодежи говорит о том, что менталитет данной категории формируется в период рыночных отношений, а не в советскую эпоху, все же доминирует ожидание социальных гарантий от государственных органов.

Таким образом, исследование результатов опроса белорусских респондентов позволяет отметить следующие моменты:

– Молодежь и категория «родители» полны ожиданий на социальную поддержку семьи государством, незначительную роль отводя другим социальным институтам, как некоммерческим организациям, церкви и другим. Расчет на собственные силы очень низкий как у молодежи, так и у людей семейных. Большинство просто затрудняется в ответе на данный вопрос, что вполне может подразумевать формулу «если не государство, то и не знаю кто».

– Говоря о соответствии семейной политики в Беларуси ожиданиям ее граждан можно заметить, что 25% молодых людей, которые не имеют еще личного семейного опыта, высказалась о чувстве некоторой незащищенности своих семей, но большинство опрошенных считают свои семьи вполне защищенными.

– Стоит обратить внимание на тот факт, что не всегда финансирование государством пронаталистской политики себя оправдывает, так как высокие расходы на детей в экономически нестабильных странах могут потерпеть неудачу. Напротив, в экономических богатых обществах ресурсы направлены на нужды высшего образования, здравоохранения и поддержание экономического процветания, что позволяет добиваться более значительного роста производительности труда, несмотря на низкую рождаемость. Политические меры должны быть адаптированы к различным интересам различных групп населения, должны допускать возможность гибкого выбора в отношении стиля жизни, времени, уделяемого работе и семье, а также должны поддерживать не только большие семьи, но также содействовать неполным семьям и бездетным парам в создании семьи (жильё, стабильное трудоустройство и возвращение на работу после декретного отпуска и т.д.).

Список цитированных источников

1. Рабжаева, М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С.166-176.

2. Семенов, В.Е. Правовой аспект эволюции социальной политики Российской Федерации поддержки семей с детьми. Журнальный клуб Интелпрос «Credo New». – №4. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelpros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2009/4324-pravovoj-aspekt-yevolucii-socialnoj-politiki

3. Маркушевский, Д. Семейная политика в Беларуси. [Электронный ресурс]. – 2014 – Режим доступа http://www.sympa-by.eu/sites/default/files/library/sympa_dm_family_policy.pdf. – Дата доступа: 4.09.2014.

NIKTÓRE OSIĄGNIĘCIA DIALOGU SPOŁECZNEGO W POLSKICH KOLEJACH PAŃSTWOWYCH W OBLICZU RESTRUKTURYZACJI KOLEI POLSKICH POD KONIEC XX WIEKU

Marcin Szczepański,
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

W okresie restrukturyzacji gospodarki polskiej na przełomie XX i XXI wieku miała miejsce reforma wielu jej gałęzi. Zjawisko to implikowało to duże koszty społeczne. Aby zminimalizować dolegliwości ponoszone, w związku z reformą przez pracowników, i uzyskać

akceptację reprezentujących ich związków zawodowych, niezbędne było wypracowanie, poprzez dialog społeczny, mechanizmów zabezpieczających interesy pracownicze, precyzujących zasady przeprowadzania reform. Zjawisko to widoczne było również w przedsiębiorstwie Polskie Koleje Państwowe. W ramach prowadzonego przez partnerów społecznych dialogu zawierano liczne porozumienia, wśród których istotny był zwłaszcza Pakt Gwarancji Pracowniczych i Porozumienie w sprawie wzajemnych zobowiązań partnerów społecznych w przedsiębiorstwie państwowym „Polskie Koleje Państwowe”.

Pakt Gwarancji Pracowniczych w sprawie warunków realizacji II etapu restrukturyzacji przedsiębiorstwa PKP był umową społeczną zawartą między reprezentującymi pracowników związkami zawodowymi a zarządem PKP. Zawarcie Paktu miało dość burzliwą historię, związaną z brakiem pełnej jedności w ramach strony związkowej [5, s.3; 8, s.2; 9; s.24-25].

Strony Paktu wskazały, iż celem restrukturyzacji jest dostosowanie przedsiębiorstwa PKP do świadczenia, w warunkach gospodarki rynkowej, usług transportowych. Przyznano, że dla osiągnięcia tego celu, niezbędne jest uzyskanie poparcia związków zawodowych i jak największej liczby pracowników. Uzgodniono, iż proces restrukturyzacji miał przebiegać w sposób zapewniający minimalizację kosztów społecznych, przy jednoczesnym zagwarantowaniu pracy tym wszystkim, którzy zechcą w tym procesie uczestniczyć. Zabezpieczeniem tego miało być właśnie zawarcie paktu określające gwarancje socjalno-zatrudnieniowe dla pracowników. Przyjęcie Paktu zaspokajało jeden z głównych postulatów związkowców. Było równocześnie wyrazem przyzwolenia reprezentowanych przez związki pracowników na kontynuowanie reform. Miało zapewnić spokój społeczny. Pakt miał się stać jednym z filarów współpracy związków i pracowników z pracodawcą dla wspólnego dobra, jakim była reforma przedsiębiorstwa. Na dalszym etapie dialogu strony uzgodniły, iż pakt miał przestać obowiązywać z chwilą komercjalizacji przedsiębiorstwa PKP [4, s.10].

Pracodawca gwarantował, iż nie będzie na kolei zwolnień grupowych w trybie określonym w art. 1 ustawy z 28 grudnia 1989. Pracownikom, których stanowiska pracy w wyniku zmian organizacyjnych ulegały likwidacji, przedstawione miały być jednocześnie trzy realne oferty dalszego zatrudnienia odpowiadające ich wykształceniu i kwalifikacjom. Pracodawca był przy tym zobowiązany dążyć do tego, aby nowa oferta pracy zapewniała wynagrodzenie zasadnicze w wysokości nie niższej, niż na poprzednim stanowisku pracy. Na PKP bywały stanowiska gdzie występowały nadgodziny, czyli można było mówić o zaniżonym poziomie zatrudnienia. Chciano te braki skompensować przesunięciami ze stanowisk, gdzie występowały nadwyżki zatrudnienia. Efektem byłoby uniknięcie zwolnień. Pracownikowi, który przyjął ofertę pracy na innym stanowisku pracy, i którego wynagrodzenie ulegało obniżeniu przyznany miał być dodatek wyrównawczy, który niwelował obniżenie wynagrodzenia. Nieco odmiennie potraktowano kadrę kierowniczą, której dodatek wyrównywał wynagrodzenie tylko do wysokości średniego wynagrodzenia w przedsiębiorstwie. Wynagrodzenia pracowników PKP naliczane miały być zgodnie ze wskaźnikiem przyjętym przez Komisję Trójstronna lub Radę Ministrów.

W przypadku nie wyrażenia przez pracownika zgody na żadną z przedstawionych mu ofert zatrudnienia rozwiązanie stosunku pracy następowało z przyczyn dotyczących zakładu pracy. Pracownikowi przysługiwała wówczas poza przewidzianą w ustawie odprawą, rekompensata pieniężna w wysokości sześciomiesięcznego wynagrodzenia, a czteromiesięcznego dla osób mających prawo do emerytury lub renty. Podstawę wymiaru rekompensaty dla pracowników kierownictwa PKP stanowiło przeciętne wynagrodzenie w przedsiębiorstwie.

W przypadku tworzenia przez przedsiębiorstwo PKP nowych miejsc pracy, oferty pracy miały być kierowane w pierwszej kolejności na wewnętrzny rynek pracy, następnie do pracowników, z którymi rozwiązano stosunek pracy z przyczyn dotyczących zakładu pracy, a w następnej kolejności na zewnętrzny rynek pracy.

Dla zapewnienia miejsc pracy dla pracowników w wieku produkcyjnym, w pierwszej kolejności, miały być rozwiązywane stosunki pracy z pracownikami, którzy nabyli uprawnienia emerytalne i rentowe.

Pracownikowi, który przyjął ofertę pracy w miejscowości, do której dojazd ze stałego miejsca ich zamieszkania przekraczał 3 godziny w obie strony, przyznany miał być dodatek alokacyjny.

Pracownikom, z którymi rozwiązano stosunki pracy z przyczyn dotyczących zakładu pracy, będących najemcami mieszkań zakładowych zagwarantowano prawo do najmu i wykupu mieszkania zakładowego na takich samych zasadach jak pracownikom przedsiębiorstwa PKP.

W przypadku, gdy pracownicy PKP, z którymi rozwiązano stosunek pracy z przyczyn dotyczących zakładu pracy, będą tworzyć nowe podmioty gospodarcze, pracodawca miał udzielić im pomocy prawnej, oraz udostępnić na zasadach preferencyjnych objekty i tereny należące do przedsiębiorstwa PKP.

Pracownik PKP, który w wyniku zmian restrukturyzacyjnych mógł utracić prawo do bezpłatnych przejazdów kolejami w klasie dowolnej, zachowywał to uprawnienie nadal.

Koszty realizacji postanowień Paktu miały być finansowane z wydzielonego, z budżetu PKP, na ten cel funduszu. W związku, z czym nie uszczuplały one środków przeznaczonych na wynagrodzenia pracowników. Wysokość tego funduszu miała być ustalona przez zarząd PKP po zasięgnięciu opinii ogólnokrajowych central związków zawodowych. Działania adaptacyjne wobec pracowników PKP miały być też wspierane przez budżet państwa.

Realizacja paktu miała być wspólnie oceniana przez strony nie rzadziej, niż raz na sześć miesięcy. Ocena ta mogła być podstawą do ewentualnej renegocjacji paktu. Interpretacja postanowień paktu miała być dokonywana na drodze konsensusu. Ten przewidziany przepisami porozumienia monitoring okazał się bardzo pożyteczny. W trakcie realizacji paktu wystąpiły bowiem poważne trudności w jego interpretacji. Strony wznawiały negocjacje [10,s.10]. Wyjaśniano nieporozumienia, doprecyzowywano przepisy, ustalano wykładnię przepisów paktu [11.s.2].

Sekcja Krajowa Kolejarzy NSZZ Solidarność wywalczyła gwarancję nie wydzielenia z PKP, do czasu uchwalenia ustawy o restrukturyzacji tego przedsiębiorstwa, jednostek organizacyjnych w celu ich prywatyzacji lub przekształcenia w inne podmioty gospodarcze. Wyjątkiem była sytuacja, gdy w wyniku referendum pracownicy tych jednostek poparą prywatyzację lub przekształcenie. W wypadku, gdyby doszło to takich zmian, pracownicy mieli mieć pierwszeństwo w tworzeniu tych podmiotów gospodarczych, w wykupie akcji lub udziałów w tych podmiotach [8,s.2].

Pracodawcy nie udało się również przymusić zapisu deklarującego ze strony związków wolę niepodjęcia działań utrudniających wdrożenie II etapu restrukturyzacji, pod warunkiem uwzględnienia, przy jego realizacji interesów załogi i realiów ekonomiczno-organizacyjnych pracodawcy. Fakt ten, mimo, iż związki zawodowe zadeklarowały wolę wspierania procesu restrukturyzacji, niewątpliwie obniżał siłę związania paktem organizacji pracobiorców. Dawał im również podstawę do czynnego oporu wobec posunięć pracodawcy.

Zawarte w Pakcie zapisy wzmocniły pozycję związków zawodowych w PKP, zwiększając zwłaszcza ich wpływ na możliwość wykonywania posunięć restrukturyzacyjnych. Gwarancje uzyskiwane przez związki, na mocy porozumień z pracodawcą, zaczęły rozszerzać się, z zabezpieczenia kwestii socjalnych, w kierunku zapewnienia pracownikom oraz związkom, istotnego wpływu na zmiany restrukturyzacyjne i własnościowe we własnym przedsiębiorstwie.

Uzupełnieniem Paktu Gwarancji Pracowniczych było nawiązanie przez PKP ścisłej współpracy z Krajowym Urzędem Pracy w celu zapobiegania bezrobociu oraz łagodzenia skutków II etapu restrukturyzacji [6, s.2]. Dotyczyło ono głównie umożliwienia przekwalifikowywania, podwyższania kwalifikacji zawodowych, doradztwa zawodowego, finansowania przez KUP części kosztów przeprowadzanych szkoleń.

Między związkami i pracodawcą zawierane były również porozumienia w sprawach dotyczących czasu pracy, warunków BHP, szkoleń, egzaminów kontrolnych, świadczeń przejazdowych, badań psychologicznych oraz posiłków regeneracyjno-wzmacniających. Uzgodnione zostały także działania w zakresie szkoleń, przekwalifikowania, adaptacji zawodowej i innych form pomocy odchodzącym z przedsiębiorstwa PKP pracownikom [3, s.102].

Zawarcie Paktu i jego znaczenie oceniane były różnie. Krytkowany był zwłaszcza, wymuszony przez Solidarność zapis, odnośnie przekształceń własnościowych. Niektórzy autorzy uznawali go wręcz, za dyktat związkowców w sprawie przekształceń reformatorskich, dający im możliwość zablokowania wszelkich posunięć w tym zakresie [1, s.162]. Zastosowanie Paktu Gwarancji Pracowniczych pozwoliło jednak, w samym 1998r., bezkonfliktowo zmniejszyć zatrudnienie o około 8300 osób [4, s.10].

22 grudnia 1998 r. związki zawodowe oraz zarząd PKP zawarły porozumienie w sprawie wzajemnych zobowiązań partnerów społecznych w przedsiębiorstwie państwowym „Polskie Koleje Państwowe” [12, s.12; 7].

Określono w nim podmioty dialogu społecznego. Pracodawca uznawał działające w przedsiębiorstwie PKP organizacje związkowe za przedstawicieli i reprezentantów wszystkich pracowników, rencistów i emerytów, w zakresie interesów zbiorowych, a w zakresie interesów indywidualnych, za przedstawicieli i reprezentantów ich członków i innych pracowników, na ich, przyjęty przez związek zawodowy wniosek.

Związki miały działać na podstawie norm prawnych obowiązujących w ustawodawstwie RP oraz w ratyfikowanych przez RP konwencjach MOP.

Porozumienie w dość precyzyjny sposób regulowało wzajemne relacje między partnerami społecznymi w firmie. Zobowiązali się oni do wzajemnego zasięgania opinii w istotnych kwestiach dla pracodawcy i pracowników, sprawy sporne miało rozstrzygać w drodze negocjacji prowadzących do porozumienia. Ustalono obowiązek udzielania przez pracodawcę organizacjom związkowym informacji niezbędnych do prowadzenia działalności związkowej.

Porozumienie określało sposób prowadzenia dialogu społecznego i zakres spraw, które mogły nim być objęte. Dialog miał być prowadzony w dobrej wierze i z poszanowaniem słuszych interesów stron. Przy czym zakres zagadnień objętych dialogiem ograniczono do spraw określonych w Kodeksie Pracy, ustawie o związkach zawodowych, ustawie o rozwiązywaniu sporów zbiorowych, oraz innych przepisach prawa pracy.

Uzgodniono również sposób prowadzenia sporów zbiorowych, które miały być prowadzone na podstawie przepisów ustawy o rozwiązywaniu sporów zbiorowych z 23 maja 1991 r.. Przewidywano, iż spór zbiorowy mógł być prowadzony w następujących sprawach: warunków pracy i płacy pracowników, świadczeń socjalnych, praw i wolności związkowych,

niedotrzymywania przez pracodawcę ustaleń przyjętych w zawartych porozumieniach. Jak zaznacza piśmiennictwo ten ostatni punkt poszerzał zakres przedmiotowy sporu zbiorowego w stosunku do określonego w ustawie [2,s.202].

Uzgodniono też pewne kwestie odnośnie prowadzenia strajku. Przyjęto, iż w razie nie przystąpienia pracodawcy, do rokowań, w terminie przewidzianym od rozpoczęcia sporu zbiorowego, organizacja związkowa miała prawo przeprowadzić strajk właściwy, w trybie art.17 ustawy o rozwiązywaniu sporów zbiorowych, a osoby biorące w nim udział zachowywały prawo do wynagrodzenia [2,s.203]. Do ustalania legalności strajku wyłączną kompetencję miał mieć sąd. Wobec pracowników biorących udział w strajku zorganizowanym zgodnie z przepisami ustawy, miały nie być podejmowane działania restrykcyjne ze strony pracodawcy.

Pracodawca uzgadniać miał w trybie i na zasadach określonych ustawą, z zakładowymi organizacjami związkowymi:

- 1.regulamin pracy
- 2.zasady podziału środków na wynagrodzenia,
- 3.regulamin premiowania i nagród,
- 4.regulamin ZFŚS, w tym podział środków na określone cele oraz przyznawanie świadczeń z tego funduszu,
- 5.plan urlopów,
- 6.sprawy bhp wskazane w układzie zbiorowym pracy oraz w przepisach odrębnych,

Ustalono również formy dokumentowania dialogu społecznego. Pracodawca miał zapewnić organizacjom związkowym możliwość organizowania zebrań w odpowiednich warunkach lokalowych i czasie, bezpłatne korzystanie z usług pocztowych w zakresie niezbędnym do prowadzenia działalności związkowej, możliwość bezpłatnego korzystania z zakładowych środków masowego przekazu, służących komunikowaniu się z pracownikami. Miał też pokrywać koszty działalności Społecznej Inspekcji Pracy oraz Kas Zapomogowo – Pożyczkowych.

Porozumienie przewidywało zwolnienie przez pracodawcę od świadczenia pracy, na okres kadencji w organach związkowych, określonej w zależności od liczebności związku, ilości funkcyjnych związkowców. Zachowywali oni prawo do pobierania pensji. Przysługiwać miały im również świadczenia z tytułu układu zbiorowego pracy. Uzgodniono również udostępnienie związkowcom, przez pracodawcę, na korzystnych warunkach, pomieszczeń biurowych do działalności związkowej.

Koszty funkcjonowania organizacji związkowych zaczął pokrywać, w znacznej mierze, pracodawca. Coraz wyraźniej formowała się też „grupa interesu” funkcyjnych pracowników związkowych, utrzymywanych de facto przez przedsiębiorstwo. Pociągało to coraz silniejsze związanie tej grupy interesu, a poprzez nią związków, jako instytucji, z własnym przedsiębiorstwem.

Bibliografia

1. Engelhardt J. Transport kolejowy w Polsce w warunkach transformacji gospodarki. T. 2.Działalność przedsiębiorstwa PKP. Kolejowa Oficyna Wydawnicza. Warszawa 1998.
2. Jurkowski R., Praktyka negocjacji zbiorowych na przykładzie przedsiębiorstwa państwowego Polskie koleje Państwowe (PKP)[w:]Negocjacje partnerskie, red. J. Perenc Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Szczecin 2001.
3. Krajewski T., Budowa planów społecznych. [w:] Restrukturyzacja firmy a kierowanie zatrudnieniem: Polskie Koleje Państwowe. Materiały na konferencję pod redakcją Katarzyny Stobińskiej. Polska Fundacja Promocji Kadr Warszawa 2000.

4. Niedługo koniec paktu. „Nowe Sygnały” 1999, nr 27.
5. Pakt Gwarancji Pracowniczych zawarty 23 grudnia 1996 r. pomiędzy ogólnokrajowymi organizacjami związkowymi działającymi w przedsiębiorstwie PKP z Zarządem PKP w sprawie warunków realizacji II etapu restrukturyzacji przedsiębiorstwa PKP. „Nowe Sygnały” 1997, nr 3.
6. Porozumienie zawarte w dniu 16 czerwca 1997 roku pomiędzy: Krajowym Urzędem Pracy reprezentowanym przez Andrzeja Piłata, prezesa KUP i przedsiębiorstwem państwowym Polskie Koleje Państwowe, reprezentowanym przez Jana Janika, Prezesa Zarządu PKP – Dyrektora Generalnego PKP, w sprawie współdziałania, w celu łagodzenia skutków restrukturyzacji przedsiębiorstwa państwowego Polskie Koleje Państwowe. „Wolna Droga” 1997, nr 7.
7. Porozumienie zawarte w dniu 22 grudnia 1998 r. w sprawie wzajemnych zobowiązań partnerów społecznych w przedsiębiorstwie państwowym „Polskie Koleje Państwowe” (maszynopis).
8. Porozumienie zawarte w dniu 19 maja pomiędzy Zarządem przedsiębiorstwa „Polskie Koleje Państwowe” a Sekcją Krajową Kolejarzy NSZZ „Solidarność” w sprawie zawarcia Paktu Gwarancji Pracowniczych w okresie restrukturyzacji przedsiębiorstwa państwowego „Polskie Koleje Państwowe”. „Wolna Droga” 1997, nr 6.
9. Porozumienie zawarte w dniu 19 maja 1997 r. pomiędzy Zarządem przedsiębiorstwa Polskie Koleje Państwowe, a Sekcją Krajową Kolejarzy NSZZ Solidarność, w sprawie zawarcia Paktu Gwarancji Pracowniczych, w okresie restrukturyzacji przedsiębiorstwa państwowego Polskie Koleje Państwowe. „Nowe Sygnały” 1997, nr 28.
10. Protokół z oceny realizacji Paktu Gwarancji Pracowniczych zawartego 23 grudnia 1996 r. dokonanej przez Strony w dniu 14 lipca 1997 r.. „Nowe Sygnały” 1997, nr 31.
11. Z prac Sekcji Krajowej Kolejarzy NSZZ „Solidarność”. „Wolna Droga” 1997, nr 8.
12. Udane negocjacje. „Nasze Sprawy” 1999, nr 4.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

В современных интеграционных процессах особое место занимает Евразийский экономический союз, представляющий собой международное интеграционное экономическое объединение, созданный на базе Таможенного Евразийского экономического сообщества для укрепления экономик стран-участниц, модернизации и повышения их конкурентоспособности на мировом рынке. Важную роль в реализации экономической политики союза и в целом евразийской интеграции играют социокультурные, ментально-духовные факторы. Целью доклада является выявить содержательный статус феноменов толерантности, национальных интересов и согласия в контексте модели евразийской интеграции, построения современных геополитических сценариев и синергетической методологии, рассмотреть специфику социально-политических и экономических приоритетов национальных государств в процессе формирования новой модели мироустройства.

Человечество сегодня подошло к *переломному моменту своей эволюции, и впервые в истории оно может решать: станет ли оно последним в истории или первым на новом этапе развития*. Методология системно-синергетических наук утверждает, что «конфликты создают неустойчивость и напряжение в структуре международных отношений», и что, «когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются» [1, 9-12]. К разряду наднациональных и создающихся сегодня интеграционных образований, призванных регулировать экономические и социально-политические процессы, разрешать возникающие противоречия и конфликты, относится и *Евразийский экономический союз равноправных и независимых государств* Беларуси, Казахстана и России, который работает в условиях Таможенного союза, укрепляет и расширяет единое экономическое пространство.

Стремление к реализации интеграционной политики отдельных государств должно исходить из стратегических целей национальной и глобальной политики, поливариантности, многомерности, преодоления эгоистичных и изоляционистских настроений в отрыве от глобальных процессов. *Интеграционный выбор национальных государств в качестве категорического императива при этом опирается на такие ценностные приоритеты, как коллективная ответственность, межконфессиональный, межкультурный диалог, межнациональное согласие и толерантность*. Толерантность, т.е. терпимость, в более широком современном смысле слова предполагает *настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие, выражение внутренней и внешней свободы, способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения*. Насколько полно в интеграционных процессах сегодня реализуется такое понимание толерантности – это открытый вопрос. Очевидным фактом является то, что *современному миру явно не хватает согласия и толерантности*, и это выражается в постоянном повышении «градуса» и расширения пространства конфликтно-бифуркационных ситуаций на нашей планете.

Наработанные в рамках политики отдельных государств (Беларусь, Казахстан, Россия) **подходы в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений являются основой для формирования основ крепких интеграционных связей Евразийского экономического союза**, в который наряду с Беларусью, Казахстаном и Россией готовы подключаться такие страны, как Армения, Киргизстан, а в последующем и другие страны, т.к. евразийские интеграционные структуры открыты для других партнеров. Здесь важен не только политический и экономический ракурс интеграции, но и социокультурное единство, толерантность и согласие. Если в перспективе, как отметил министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров, будет создано единое экономическое и гуманитарное пространство от Атлантики до Тихого океана, где могли бы сосуществовать и взаимно сотрудничать все страны Европейского союза, будущие участники евразийского интеграционного процесса, расположенные на этом пространстве, тогда бы не было ненужной конкуренции и разделительных линий, навязанного ложного выбора «либо с нами – либо против нас» [2, 5-20].

Интеграционные интенции евразийского пространства во многом направлены на нейтрализацию **геополитических рисков** с такими их угрожающими компонентами и последствиями, как **риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска** [3, 24]. На волне «управляемого хаоса», охватывающего все большие территории в результате «цветных революций» «арабской весны» и Евромайдана происходит **разрушение исторически сложившихся социокультурных систем, традиций, механизмов национальной и международной безопасности, существующих балансов сил**, погружая мир в трагическое пространство больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Сформулированная в конце 80-х–начала 90-х годов XX века американским политологом и неолибералом Джозефом Наем концепция «**мягкой силы**», несомненно, способствует осуществлению некоторых задуманных сценариев. В то же время ее не следует рассматривать как чисто американское изобретение, ее постулаты использовались и используются в практике международных отношений в целом, предполагая **способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек, на основе использования трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики**. В обновленной концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена 12 февраля 2013 года) «мягкая сила» характеризуется как «комплексный инструментальный» решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии [4].

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования [5, 6-7]. Такого рода процессы сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фунда-

ментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний и подходов, позволяющих прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Еще *классическая геополитика*, как междисциплинарная область исследований, *зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их вдумчивость и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении* [6, 153-154]. Было установлено, что иногда преимущества получает тот субъект, который *контролирует геостратегически-ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависит от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки*. Становилось ясно, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства, в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. *Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности* [7, с. 63-68]. Эти постулаты не потеряли своей значимости и сегодня, когда формируется новая модель современного мироустройства.

Геополитические технологии, как мы видим сегодня, опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические – государства, союзы, буферные зоны и т.п., так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», типа переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны». К чему это приводит? Это приводит к тому, что сохранение самодостаточности национальных государств, традиционных ценностей, своего образа жизни, культурных и религиозных приоритетов, несовместимых с глобализмом, массовой культурой, подвергается реальному риску. Об этом свидетельствуют региональные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане и др. (во время холодной войны), вооруженные интервенции США под эгидой НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии (после распада СССР), «цветные революции» и подобные сценарии «смены режимов» в Грузии, Кыргызстане, Украине (на постсоветском пространстве), события во время «Арабской весны» (на Ближнем Востоке), в ходе протестных движений в Венесуэле, Аргентине (в Латинской Америке) и т.д.

Для минимизации глобальных и локальных рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска, прежде всего, важно признание утверждения о невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [8, с. 4-9].

Рискогенные ситуации, создаваемые на современном этапе геополитическими стратегиями США, дают импульс для *построения различных моделей будущего мироустройства. Однополярному вектору мирового развития в таких моделях уже нет места.* Совершенно четко это констатируется в докладе

«Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры», подготовленном Национальным советом по разведке США, где отмечается: «В связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana – эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 году – стремительно движется к своему завершению» [9]. Создание фундаментальной концепции интеграционных процессов в условиях риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы развития национальных государств, их стратегических целей и сохранение суверенитета. В соответствии с этим **методология геополитической интеграции должна строиться по типу открытой рациональности**, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей, исключая выбор альтернативы.

В этом контексте Евразийский экономический союз можно рассматривать как своего рода альтернативу модели однополярного мира с ее установкой на мировое господство и гегемонию, «новый порядок веков», модель «мира по-американски». Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этно-религиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами интеграционных процессов. Сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденция к некоторой синхронизации международных экономических процессов обуславливают необходимость анализа сценариев развития геополитических интеграционных процессов и рисков. При этом необходима рациональная оценка национальной экономики, построение долговременной экономической стратегии страны с учетом трендов мировой хозяйственной системы [10, с. 7-16]. Смещение центра силы в Азиатско-Тихоокеанский регион, конец исторического периода «по-американски» (В. Бжезинский), влечет за собой возникновение таких геополитических поворотов, которые могут угрожать безопасности большинства государств мира, отстаиванию их национальных интересов и самостоятельного существования. Предупреждение нежелательных событий на национальном уровне требует от субъектов политической и экономической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития своей страны и мирового сообщества в целом.

В рамках построения современных рискогенных геостратегий, междивизиационных моделей управления миром **вряд ли уместны доктрины сдерживания, роста мощи ивлиания отдельных стран**, например, Китая в Юго-Восточной Азии, выдвинутой администрацией Б. Обамы, **противодействие евразийскому интеграционному процессу**, деятельности БРИКС (как реализации концепции нового «шелкового» пути пяти стран – Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-африканской Республики), **сценарии «смены режима» и гражданских войн в отдельных странах**.

Среди факторов, влияющих на оценку интеграционных процессов и рисков, выделяют **материальные ресурсы** (капитал; трудовые ресурсы; профессиональные навыки; культура управления; технологии; природные ресурсы); **социально-политические факторы** (социальная неоднородность; расслоение общества; распределение дохода; политическая система; внутренние конфликты; легитимность правящей элиты); **политику правительства** (цели; финансовая политика;

денежная политика; промышленная политика; политика занятости; торговая политика; инвестиционная политика; структурная политика; внешняя политика; политика доходов); **международные факторы** (геополитические; цены на нефть; цены на товары; валютные курсы; процентные ставки; инфляция; торговые тенденции) [11].

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискованного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации и реализации геополитической стратегии однополярного мира, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении третьей мировой войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении.

Оценивая сложность и противоречивость процесса интеграции, исследователи актуализируют вопрос о стремлении обрести национальное согласие, некую общность целей, обоснованную прозрачную конструктивную позицию, адекватное понимание таких ценностей, как свобода, равенство возможностей, суверенитет, права человека. **Стратегический вектор развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности страны, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-правовой и внутривнутриполитической сферах, опираться преимущественно на собственный капитал, традиции и ценности, стимулы трансформационных изменений и модернизации общества.** На этом фоне актуализируется необходимость системных исследований проблемы взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов, исследования феномена интеграции, ее воздействия на национальную культуру, экономику, политику, выявление зависимости национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, оптимального характера рыночного регулирования, механизмов формирования экономически единого мира, инвестиционных и товарных потоков [12, с. 31].

Глобализационные и интеграционные процессы парадоксальным, на первый взгляд, образом повышают ценности самобытности, специфики, неповторимости каждой из объединяющих «единиц» – национальных государств. **Рациональный взгляд на интеграцию требует отказаться от откровенного эгоизма отдельных стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка», ориентации на коммерческий успех и выгодность любой ценой.** Важно искать механизмы управления интеграционными и глобальными процессами, установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса.

Геополитический статус Беларуси определяет дилемму интеграционных стратегий в объективно сложившиеся сообщества европейских и евроазиатских государств, сохраняющих свою качественную специфику. При этом важно учитывать организационные условия и согласование взаимных интересов интеграционного взаимодействия, стартовые экономические, технологические, инфраструктурные и институциональные предпосылки интеграции. Эти процессы сопровождаются реальными рисками выбора и принятия адекватных решений по реализации интеграционных

сценариев на основе принципов равенства, без навязывания невыгодных условий, диктата и давления.

Поиск новых путей, механизмов и форм сотрудничества, взаимодействия и интеграции, открытого диалога с национальными и религиозными организациями и вместе с тем обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности и самодостаточности отдельных стран и народов – **основа и стратегический приоритет евразийской интеграции. Важно выявить и проанализировать реальные механизмы налаживания в процессе интеграции межкультурного диалога, развития и оценить вклад национальных законодательств**, систем образования, науки в диалог между культурами и религиями, гармонизацию национальных и религиозных отношений на государственном и международном уровнях, формирование национального самосознания и уважения к другим народам, идеалов **коммуникативного взаимодействия, согласия, взаимопонимания, уважения и толерантности.**

Сложившиеся тенденции, глобальный и национальный императивы определяют стратегическую цель развития Республики Беларусь в контексте евразийской интеграции, ориентированной на динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение и диалог культур на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранения окружающей среды для нынешних и будущих поколений. Основными источниками интеграции должны стать: человеческий, научно-производственный и инновационный потенциалы, природные ресурсы и выгодное географическое положение страны, а главными приоритетами - высокие духовные ценности и интеллект, инновации, благосостояние белорусского народа.

Список цитированных источников

1. Ласло, Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. – Волгоград: Учитель, 2014. – 400 с.
2. Лавров, С. Выступление на Первом форуме молодых дипломатов. Москва, 25 апреля 2014 года // Международная жизнь, май, 2014. – С. 5- 20.
3. Глуценко, В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход / В.В. Глуценко. – Железнодорожный, ООО НПЦ «Крылья», 2000. – 416 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.mid.ru>.
5. Чумаков, А.Н. Глобальный мир: проблемы управления / А.Н. Чумаков // Век глобализации. – 2010. – №2. – С. 5-7.
6. Яскевич, Я.С. Политический риск и психология власти / Я.С. Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 298 с.
7. Семенов, В. Геополитика как наука / В. Семенов // Власть. – 1994. – № 8. – С. 63-68.
8. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
9. Global Trends 2030: Alternative Worlds [Electronic resource] // A report of U.S. National Intelligence Council. 2012. URL: <https://public.intelligence.net/global-trends-2030> – Date of access: 20.10.2014.
10. Шимов, В.Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В.Н. Шимов // Социология. – 2014. – № 3. С. 7-16.
11. Страновой риск и методы его оценки// Методический журнал Международные банковские операции. № 2, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm, 2008.
12. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога. – Минск: Право и экономика, 2011. – 189 с.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РБ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ

Самосевич В.А.

«Брестский государственный технический университет», г. Брест, Беларусь

Концепция развития человеческого потенциала (ЧП), разработанная экспертами ООН в конце XX века становится актуальной в наше время. Развитие человеческого потенциала рассматривается как основа достижения устойчивого экономического роста программных документов ООН.

Именно ЧП и его составляющая человеческий капитал (ЧК) являются движущей силой развития не только государства, но и других общественных институтов.

Причём различия между этими понятиями в том, что ЧП – это всё создаваемое и приумножаемое государством, а ЧК – достояние каждого человека.

Соперничество и конкуренцию между странами особенно обостряет значительно усилившаяся с начала 90-х гг. глобализация общественной жизни. При этом приоритеты межгосударственного соперничества все больше перемещаются в сферу экономики – ее возможностей обеспечивать информатизацию и компьютеризацию всех сфер общественной жизни, устойчивый и сбалансированный рост материального и нематериального производства, высокие стандарты жизни населения, накопление и эффективное функционирование человеческого капитала и на этой основе наращивать военно-политическую мощь и международный престиж государства.

Согласно концепции основными критериями ЧП являются: продолжительность жизни, уровень образования и уровень жизни. Государство заинтересовано в увеличении численности своего населения. А так как большинство детей рождаются в семьях оно должно стремиться увеличивать количество семей. Государство разрабатывает программы и реализовывает государственную семейную политику. «Согласно материалистическому пониманию определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни»[1], Беларусь занимает 53-ю позицию по индексу человеческого развития. Наша республика возглавляет список стран с высоким уровнем человеческого развития и, возможно, в ближайшие годы сможет войти в список стран с очень высоким индексом человеческого развития.

Основные качественные характеристики человеческого капитала закладываются в семье. Семья как основное звено воспроизводства человеческого капитала, накапливает и развивает способности своих членов, которые в дальнейшем реализуют их в различных сферах человеческой деятельности. В Беларуси последовательно осуществляется демографическая и семейная политика на поддержку семьи.

Прежде всего это проявляется в государственной помощи семьям, имеющим детей. Если в семье четверо несовершеннолетних детей она имеет право на оплачиваемую государством квартиру или собственный дом. Второе, по уровню благоприятной страны для материнства Беларусь входит в тридцатку государств с высоким индексом материнства. С 2015 года в Республике Беларусь заработала программа материнского капитала. Каждая семья получает 10000 долларов при рождении третьего ребёнка. Третье, преодолён количественно демографический спад с 1993 года, в 2014 году начался рост населения страны. Четвёртое, наблюдается хорошая тенденция, что большинство вторых и третьих детей рождаются в семье. Пятое, за последние пять лет по результатам мониторинга среди студентов семейные

ценности занимают постоянно первые и вторые места. Безусловно, это положительная тенденция, которую надо поддерживать и развивать.

При рассмотрении образовательных аспектов следует обратить внимание, во-первых, на вступление Республики Беларусь в Болонский процесс. Идёт трансформация образования и надо внедрять только положительные моменты этого процесса. Второе, Беларусь входит в десятку стран с высоким процентом населения, имеющим высшее образование. И этот процент надо увеличивать. Третье, государству необходимо заинтересовывать государственные предприятия и учреждения, частные структуры и стимулировать их за постоянное повышение образовательного уровня своих сотрудников. Четвёртое, в Республике Беларусь создан банк данных одарённой и талантливой молодёжи. Надо совершенствовать механизм его деятельности, чтобы молодые люди оставались в стране, работали на её благо и видели свои перспективы.

Семейные и образовательные аспекты во многом взаимосвязаны и обладают наибольшей отдачей в человеческом капитале, на долю которого приходится порядка 60 % эффективного воздействия. Преобладание человеческого потенциала особенно заметно в странах с высоким уровнем дохода и слабой ресурсной базой, например, в Германии, Японии, Швейцарии, где это показатель составляет до 80% общего объема национального богатства[2]. Таким образом, огромные преимущества в создании стабильных условий для роста качества жизни, развития экономики знаний, информационного и гражданского общества имеют страны с накопленным качественным человеческим капиталом. В. Бобков утверждает, что самым надежным способом управления ситуацией является увеличение финансовых вложений в науку, образование, здравоохранение, повышение эффективности использования этих средств для роста жизненного уровня жителей[3]. Соответственно именно им необходимо уделять первостепенное внимание Беларуси при принятии очередной национальной Программы демографической безопасности.

Что надо учитывать при проведении демографической и семейной политики:

1. Продолжить укрепление института семьи являющейся основой государства.
2. Развивать систему образования, увеличивая его бесплатный сегмент.
3. Формировать мировоззрение и государственную политику в области духовного и нравственного воспитания граждан и прежде всего молодого поколения.
4. Сохранять, защищать и приумножать духовно- нравственные традиции и нормы образа жизни народа, культурно – историческое наследие Беларуси.
5. Развивать и поддерживать традиционные религиозные конфессии страны и вводить религиозное воспитание в образовательные программы.

Таким образом, для Беларуси укрепление и развитие человеческого потенциала должно стать одним из приоритетных факторов, которым необходимо подчинить всю жизнедеятельность страны.

Литература

1. Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Соч. К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 21, стр. 25.
2. Ящук, А. «Роль семьи в формировании человеческого капитала», «Проблемы управления» № 4, 2011 г., стр. 112.
3. Бобков, В. «Беларусь в геополитическом измерении», «Беларуская думка» № 7, 2010 г., стр.54.

СОДЕРЖАНИЕ

NIEZAUWAŻALNE KSZTAŁTOWANIA ZACHOWANIA ODBIORCY W PRAKTYCE REKLAMY Acewicz M.....	3
МЕСЯЦ І ЗОРКІ Ў КАРАВАЙНАЙ ТРАДЫЦЫІ БЕЛАРУСКАГА ВЯСЕЛЛЯ Алексеенко Д.М.....	7
ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА Бодак М.С.....	9
ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СЕМЬЕ Варич В.Н.....	14
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ Грибов Г.М., Ракицкая В.Г.....	18
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ Григорович Е.Н., Климович А.В.....	22
USTAWA ŚMIĘCIOWA – SUKCES CZY PORAŻKA. PRZYKŁAD GMINY WASILKÓW Zalejski J.....	26
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Захаревич И.П.....	31
СТРОИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В КАТЕГОРИЯХ ДИАЛЕКТИКИ Игнатюк В.И., Божко А.А.....	36
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Ковалева Н.Н.....	40
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА Куиш А.Л.....	44
ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ: ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ Кучмаева О.В.....	49
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ Лотова И.П.....	54
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Лученкова Е.С., Мядель А.П.....	57

КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (1921-1939) Мисиюк В.С.....	62
ЭЛЕКТРОННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: ПОНЯТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ Михальчук С.А.....	66
СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ Мядель А.П.....	70
ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ РЕСПОНДЕНТОВ Наумова В.И.	74
PROBLEMY WDRAŻANIA INNOWACYJNOŚCI W WOJ. PODLASKIM Popławski T.	79
ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ Скворцова Л.Л.	88
ZESPOŁY TEATRALNE I CHÓRY JAKO FORMY PRACY OŚWIATY POZASZKOLNEJ W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W OKRESIE MIĘDZYWOJENNYM Smolarczyk A.....	93
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ОКУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ (1945–1949): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ Стрелец М.В.....	96
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМА Сытник А.И, Ковальчук И.А.	101
ТРОЙНАЯ ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЬ РАЗВИТИЯ Харитонов А.С.....	105
ОСОБЕННОСТИ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ Шебанова И.А.....	108
NIEKTÓRE OSIĄGNIĘCIA DIALOGU SPOŁECZNEGO W POLSKICH KOLEJACH PAŃSTWOWYCH W OBLICZU RESTRUKTURYZACJI KOLEI POLSKICH POD KONIEC XX WIEKU Szczepański M.....	111
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Яскевич Я.С.....	117
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РБ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ Самосевич В.А.....	123

Научное издание

«СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Я.С. Яскевич

Издаётся с 2004 г.

Выпуск XI

Ответственный за выпуск: **Варич В.М.**

Редактор: **Боровикова Е.А.**

Компьютерная верстка: **Соколюк А.П.**

Корректор: **Никитчик Е.В.**

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.

Подписано к печати 29.07.2015 г. Формат 70x90 1/16.

Бумага «Performer». Гарнитура «Arial Narrow».

Усл. п. л. 7,44. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 50 экз. Заказ № 657.

Отпечатано на ризографе Учреждения
образования «Брестский государственный технический университет»
224017, Брест, ул. Московская, 267.